

В.367631

63.3(2)

Н30

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ



в истории России

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского

**Народ, политика, власть
в истории России**

Ярославль
2007

Печатается по решению
Редакционного совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

ББК 63.3 (2) – 3я 43
УДК930
Н 30

Рецензенты:

Крутецкий В. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории Ярославского государственного
технического университета;

Федюк В. П., доктор исторических наук, профессор
Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Народ, политика, власть в истории России:
Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3/Под ред.
Г. Н. Кочешкова. –
Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007, 159 С.
ISBN 978-5-87555-322-6

В сборник вошли статьи, отражающие различные аспекты
взаимоотношения государства и общества на протяжении длительного
исторического периода времени. Авторский коллектив составили
преподаватели ярославских вузов, а также аспиранты,
специализирующиеся на актуальных проблемах российской истории.

Сборник может быть полезен ученым, аспирантам, студентам
исторических факультетов.

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора Г. Н. Кочешкова.

ISBN 978-5-87555-322-6

УДК 930

© Ярославский государственный педагогический университет
имени К. Д. Ушинского, 2007

ISBN 978-5-87555-322-6

П. Г. Аграфонов
*Ярославский государственный
педагогический университет*

История археологического изучения городов Ярославского края.

Исследование части древнейшей территории Ярославля, на которой в будущем планируется восстановление Успенского собора, самого известного из утраченных памятников архитектуры в городе, открывает новую страницу его археологической летописи. Вместе с ней, хотелось бы надеяться, будет продолжена и история изучения других городов области. Но прежде чем перейти к новым находкам и выводам, небесполезно будет наметить пунктиром основные вехи долгого пути, уже пройденного ярославской археологией в исторических городских центрах региона.

Наиболее ранний пример археологического изучения древнерусского города на территории Ярославского края относится к середине XIX века. В ходе обширных работ, проводившихся в 1853 году А.С. Уваровым на так называемых «владимирских курганах», его сотрудник П.С. Савельев параллельно исследовал городские слои Переславля-Залесского. Им была изучена территория вокруг Спасо-Преображенского собора в поисках остатков «княжого двора» и захоронений переяславских князей [1]. При больших масштабах «разрытий», то есть траншей, метод производства работ П. С. Савельева имел, естественно, пока еще мало общего с подлинно научным исследованием. Основным итогом работ стал вывод об отсутствии ранних следов каменного строительства, обилии остатков поздних захоронений и поздней застройки, а также, к сожалению, нарушении целостности слоя около собора [2].

Несмотря на скромный научный результат, эти раскопки имеют важное значение как пример очевидного интереса к одному из городов Северо-Восточной Руси, что для периода зарождения и формирования отечественной археологии уже само по себе было едва ли не исключением из правил. На протяжении долгого времени города как таковые, даже самые древние, почти не воспринимались как объекты, заслуживающие археологического изучения. Интерес исследователей древности – как серьезных специалистов, так и любителей – долгое время сосредотачивался на изучении

средневековых курганных могильников, городские территории практически не рассматривались как предмет для изучения.

Следующий пример обращения к археологическому прошлому одного из городов Ярославского края, на сей раз – Ростова, относится к 1884 году, когда в поисках усыпальницы ростовских князей раскапывалась часть территории Успенского собора. Судя по сообщению «Ярославских епархиальных ведомостей», с 30 июля по 28 августа этого года были проведены «основательные раскопки и исследования во многих местах внутри собора», а также за пределами его стен. Инициаторами проведения этих изысканий были А.А. Титов, И.А. Шляков и другие «ревнители местной старины» [3]. Об этих раскопках, связанных с планировавшейся реставрацией Леонтьевского придела собора, А. А. Титов упоминает в одной из своих работ [4].

Благодаря усилиям Титова и Шлякова работы велись весьма тщательно и на относительно высоком научном уровне. В фондах Ростовского музея сохранилась рукопись, рассказывающая о ходе и итогах этих работ, общее руководство которыми принадлежало представителям Московского археологического общества. Хотя усыпальница в итоге обнаружена не была, описание обнаруженных архитектурных находок оставлено достаточно подробное [5].

В 1900 году один из самых известных ярославских краеведов И. А. Тихомиров и основатель угличского музея К. Н. Евреинов проводят первые раскопки на территории Углича и его округи. В городе исследования проводились на территории Угличского кремля для того, чтобы уточнить планировку дворца угличских удельных князей [6]. Архитектурно-исторический характер и ограниченный масштаб этих работ не позволили получить сколько-нибудь существенные данные по истории самого города. «Для характеристики культурного слоя кремля и определения антропогенных отложений исследования И. А. Тихомирова и К. Н. Евреинова практически ничего не дали, ибо раскопы не были доведены до уровня материка» [7].

После закономерного перерыва, вызванного I мировой войной, революцией и гражданской войной, археология возвращается в Ярославский край в двадцатые-тридцатые годы, но по отношению к городам это можно сказать только о второй половине третьего десятилетия. К этому времени были закончены широкомасштабные разведочные и раскопочные работы, проводившиеся в зоне затопления перед пуском Рыбинского гидроузла, которыми были охвачены обширные территории в

нескольких районах Ярославского края. После их окончания внимание центральных археологических организаций перемещается в города региона.

Таким образом, последовательность в изучении области Верхнего Поволжья привела археологов на территорию его крупнейших городов. Последние годы предвоенного десятилетия должны были открыть период углубленного систематического исследования городских участков, которые, несмотря на очевидную исключительную значимость, пока еще не становились предметом пристального внимания в качестве целостных археологических объектов. В конце тридцатых годов в Ярославле и Переславле состоялись первые полевые сезоны.

Изучение древнерусских городов Верхнего Поволжья начинается в контексте общего усиления интереса к истории городов, который характерен для всего периода тридцатых - сороковых годов. В русле этого явления происходит планомерное изучение Новгорода (раскопки начались в 1932 году), Киева (начало раскопок - 1936 г.), Владимира (раскопки 1936 -1937 гг.) и других городов. Научный итог этого периода был подведен во второй половине 40-х годов XX века, в частности, в обобщающих работах М. Н. Тихомирова по истории древнерусского города, в которых на основе изучения результатов раскопок делаются серьезные выводы по вопросам происхождения и развития средневековых городов [8].

Работы в городах Ярославского края стали частью этого процесса. Собственно, с формальной точки зрения, первыми раскопками на территории городов Ярославской губернии стали раскопки П. Н. Третьякова в Романове, небольшом древнерусском городе края, переименованном после революции в Тутаев. В 1932-1933 гг. была произведена разведочная шурфовка, однако эти исследования существенных результатов не дали [9]. В 1937 годах отряд по руководством П.Н. Третьякова и М.К. Каргера работал на древнейшей территории города, у слияния Волги с Которослью. Объемы раскопок были невелики. Это были, скорее, разведки - была заложена траншея у апсид Успенского собора XVII века и шурф на мысу Стрелки. В следующем году М. К. Каргер занимается обследованием фундаментов Спасского собора. Материалы этих раскопок хранятся в фонде археологии Ярославского музея-заповедника, но отчет о них не сохранился.

Исследование Переславля было возобновлено в 1939 году выдающимся советским археологом Н. Н. Ворониным. В ходе этих работ он пытался прояснить вопрос «о возможности углубления

даты поселения на этом месте ниже отметки 1152 года», то есть даты летописного основания города. Кроме этого, он хотел уточнить характеристики и планировку переславского княжеского двора, территория которого примыкала в XII веке к Спасо-Преображенскому собору. Поисками этого двора, как было сказано выше, занимался еще П.С. Савельев.

Для получения ответов на поставленные вопросы был заложен раскоп, который, по-видимому, первоначально рассматривался как плацдарм для проведения будущих более масштабных работ. Но продолжить исследования в следующем году не удалось, и в своих предварительных выводах Н. Н. Воронин ограничивается результатами сезона 1939 года. Публикуя эти данные, он сообщает, что находки делают не подлежащим сомнению утверждение, что поселение вместе с собором закладывается на практически пустом месте. Нижняя дата собранного вещевого материала – середина XII столетия. Таким образом, летописная датировка действительно знаменует собой подлинное рождение Переславля, возникновению которого на берегах Плещеева озера ничего не предшествовало.

Что же касается второго вопроса – то, к сожалению, для уточнения планировки и местонахождения княжьего двора материалов, собранных в ходе одного полевого сезона, оказалось крайне мало. Тем не менее данные обнаруживают достаточно новых сведений, полезных для архитектурной и хронологической характеристики Спасского собора, прилегающих к нему построек, а также для описания соборных граффити [10].

Таким образом, первый очень важный шаг на пути систематического исследования археологического наследия Переславля все же был сделан, и обнаруженные находки послужили уточнению характеристики материальной и духовной культуры древнерусского города домонгольского времени.

Осенью 1939 года Н. Н. Воронин предпринял небольшие раскопки на территории Ростовского Кремля. Основной задачей исследования стало изучение фундаментов Успенского собора, в результате которого должна быть установлена дата основания существующего собора и дата заселения кремлевской территории. В результате обследования юго-восточного угла собора «было обнаружено отсутствие древней части на данном участке» и был сделан вывод, что существующее здание собора не связано с собором XI-XII вв. В культурном слое почти отсутствовал вещевой материал и керамика. Редкие находки (обломок желтой поливной плитки, стеклянная бусина) датированы XII веком [11].

В следующем, 1940 году Н. Н. Воронину пришлось переключиться в своих научных планах на Ярославль в связи с планировавшейся в скором времени (но не состоявшейся) застройкой его исторической части. В начале сороковых годов предполагалось массовое строительство едва ли не по всей древнейшей территории города - и, в частности, в районе Стрелки. Этому должны были предшествовать большие раскопки. Первым (и единственным) шагом в их проведении оказался сезон сорокового года.

Проблемой, решение которой было обозначено в качестве основной задачи, стал вопрос о датировке древнейшего поселения на территории города, о времени основания Ярославля, а также о связи обоих этих пунктов с соседними курганными могильниками IX – X веков. Ставилась также задача уточнения архитектурной истории старого центра Ярославля, в частности, истории древнейшего в городе Успенского собора 1215 года и последовавших затем на этом месте храмов 1504 и 1646 годов, остатки которых могли хранить фрагменты более раннего строительства. На Стрелке был заложен раскоп площадью 100 кв. м, а также 14 шурфов.

По мнению Н. Н. Воронина, «материал нижнего горизонта культурного слоя Стрелки дает основание датировать возникновение поселения здесь в IX-X вв.» [12]. В последнее время эти выводы были подвергнуты сомнению [13], но заслуга Н. Н. Воронина – в том, что он первым открыл для нас ранние страницы истории нашего города. Были получены ответы на некоторые из важных вопросов, касающихся древнейшей истории Ярославля и региона. Это был весьма существенный результат для небольших работ, которые удалось провести перед самой войной, энергично и на высоком профессиональном уровне.

В послевоенные годы археология древнерусских городов развивается довольно быстро, но подавляющее большинство исследовательских работ, проводится в западных и северо-западных регионах Советского Союза, пострадавших во время оккупации. Здесь были сконцентрированы основные усилия исследователей, здесь в первое же десятилетие после окончания войны были предприняты значительные и планомерные усилия по продвижению вперед как в научном, так и в музеологическом плане. Итогам и задачам археологического изучения древнерусских городов были посвящены специальные пленумы Института истории материальной культуры АН СССР, состоявшиеся в 1941 и 1950 гг. [14].

Что же касается районов Владимиро-Суздальской Руси, то здесь исследования по-прежнему оставались единичными. Н. Н.

Воронин прямо отмечает в 1951 году, что «гораздо меньше сделано для разработки второй темы, выдвинутой в 1945 г. Всесоюзным археологическим совещанием – изучения городов северо-восточной Руси...» [15]. В итоге даже в 1955 году Е.И. Горюнова утверждала, что «всесторонняя разработка этой темы еще впереди, так как материал для этого слишком беден и фрагментарен: серьезных систематических раскопок в городах Ростово-Суздальской земли не производилось; письменные же свидетельства о них еще более скудны и отрывочны» [16].

В связи с этим следует особо отметить раскопки Н. Н. Воронина на территории Ростова Великого в 1954-1956 годах. Одна из задач проведения этих работ заключалась в изучении архитектурных памятников, другой стало изучение культурного слоя города. Круг вопросов, решенных в результате исследования Успенского собора и других архитектурных сооружений Ростова, был очерчен Н. Н. Ворониным в специальной статье [17]. Результаты собственно же археологических исследований были опубликованы лишь частично. «Были заложены раскопы в митрополичьем саду, у ц. Бориса и Глеба и прорезан городской вал XVII в. в его прибрежной части» [18]. В ходе проведения раскопок были получены обширные новые материалы по истории монументального строительства в древнем Ростове, а также разнообразные находки, характеризующие слой Ростова X-XII веков.

Говоря о работах 50-х годов, можно упомянуть также исследования оборонительных сооружений Романова, которые проводились в 1957 году П. А. Раппопортом. Была сделана прорезка вала в северной части городища. Исследователь сделал вывод, что вал был сооружен в конце XIV века. Собственно культурный слой больше не изучался [19].

В шестидесятые-семидесятые годы Ростов, Ярославль, Углич, Романов оставались в стороне от большой дороги советской археологии, увлеченной исследованием Киева, Новгорода, Смоленска. Если, по мнению П. П. Толочко, «уже в начале 70-х гг. XX в. расширение источниковой базы позволило определить новые задачи в изучении древнерусского города» [20], то те небольшие исследования на территории городов Ярославского края, о которых нам известно, проводились достаточно бессистемно. Так, в 1968 году Ростовским отрядом Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством В.И. Матвеевой были проведены раскопки в Ростове. В ходе этих работ удалось сформировать общую схему стратиграфии слоя (мощностью 4,5

метра) и выявить слой домонгольского времени, содержащий остатки деревянных сооружений (срубов, вымостки, мостовой), а также керамику, кости, деревянные поделки [21].

В 1971-1973 гг. Е. В. Каменецкая проводила наблюдения за земляными работами на разных участках города Переславля-Залесского, а в 1972 году она совместно с И. Б. Пуришевым зачисткой котлованов с внутренней и внешней стороны вала Переславля частично исследовали его конструкцию. В результате было установлено, что основание земляной насыпи было укреплено приставленными один к другому продольными дубовыми срубами, сохранившимися в три-четыре венца, рубленными «в обло» и забутованными глиной [22].

В Ярославле в 1975-76 гг. работала экспедиция Ленинградского университета под руководством И. В. Дубова. Несколько шурфов были разбиты на юго-западной оконечности Стрелки, у церкви Никола Рубленый город – на предполагаемом месте древнейшего вала самого раннего кольца укреплений Ярославля [23]. Отметим, что выводы И. В. Дубова о датировке и интерпретации материалов, полученных в результате этих работ также в последнее время подвергаются критике [24].

Только начало 80-х годов XX столетия открывает период активного и планомерного археологического изучения городов региона. Так, в 1982-83 гг. крупные экспедиции начинают работать в трех из них - Ярославле, Угличе, Ростове.

В 1982-1983 годах в Ярославле ведет раскопки отряд архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа под руководством О. М. Иоаннисяна при участии Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. В ходе этих работ исследуются фундаменты Спасского Собора Спасо-Преображенского монастыря [25].

В Ростове 1983 годом открывается длительный и плодотворный период исследований Волго-Окской экспедиции Института археологии. За более чем двадцатилетний срок были заложены раскопы в Митрополичьем саду, у церкви Григория Богослова, на Соборной площади, у Успенского собора Ростова и в ряде мест посада древнего города. Результаты деятельности экспедиции дали возможность обрисовать характер и динамику трансформации городской территории Ростова, провести сравнительный анализ культурного слоя различных ее участков, определить особенности и детали планировки города на разных

этапах его истории, а также акцентировать внимание на наиболее раннем периоде [26].

В Углич после упоминавшихся выше работ И.А. Тихомирова археология вернулась спустя более восьмидесяти лет. В 1983 году здесь провел разведки архитектурно-археологический отряд Государственного Эрмитажа под руководством О.М. Иоаннисяна, обнаруживший культурный слой X в. с керамикой и остатками сооружений, а также следы древнего городского рва. Работы были начаты с целью поиска следов домонгольского каменного храма, а также обследования остатков дворца удельных князей XV века, открытых И.А. Тихомировым в 1900 году [27].

В 1985-1989 гг. на территории Угличского кремля работает архитектурно-археологическая экспедиция, возглавляемая В.А. Булкиным. Задачей экспедиции было уточнение планировки дворца XV века и исследование культурного слоя на прилегающих к нему участках [28]. С 1989 года раскопки на территории Угличского кремля ведет Угличская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа, в составе которой с 1992 года работал архитектурно-археологический отряд. С 1993 года работы на территории кремля дополняются исследованием примыкающих к нему участках городского посада. Систематическое изучение памятников Углича в 80-е и 90-е годы принесло существенные результаты в плане характеристики прежде всего Угличского кремля. Перспективы исследования этого памятника еще далеко не исчерпаны [29].

В 1986-1995 гг. в Ростове работает архитектурно-археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством О. М. Иоаннисяна, которая в сотрудничестве с Волго-Окской экспедицией Института археологии РАН проводит исследования памятников древнерусского зодчества – церкви Бориса и Глеба и Успенского собора.

Во время работ, проводившихся в 1986-1991 гг. в интерьере здания Борисоглебской церкви 1761 года, были обнаружены руины постройки, относящейся, по результатам исследования, к 1287 году. Строительным материалом, используемым при возведении этого сооружения, служили, по-видимому, остатки еще более раннего строения – домонгольской церкви Бориса и Глеба 1214-1218 гг. В ходе исследований был вскрыт максимально возможный объем остатков церкви 1287 года – прослежены западная пара столбов, центральная и южная абсиды и часть южного нефа. Выяснено также,

что оси храмов 1287 и 1761 гг. не совпадают, и остатки древнего здания находятся в интерьере церкви XVIII века лишь частично.

Полностью раскопать этот памятник невозможно, так как фундаменты XVIII в. значительной степени опираются на стены этого храма.

Исследования Успенского собора начались в 1992 году, когда они носили характер археологического надзора при прокладке дренажа. С 1993 года работы получают планомерный характер. Раскопки показали, что в обойму фундамента собора XVI века включены не только остатки стен соборов XII и XIII вв., но и фундамент последнего, в результате чего собор XVI века получил исключительно мощный по глубине заложения и по ширине фундамент. Открытие фундаментов северного притвора собора XIII века дало основание для предположений, что такие же притворы имелись у западной и южной стен. Таким образом, этот собор имел трехпритворную схему, аналогичную планам других белокаменных храмов Северо-Востока второй половины XIII века.

Раскопки показали, что все три последовательно возводившиеся на этом месте каменных собора повторяли одну плановую структуру, за исключением трех притворов, имевшихся только у собора XIII столетия.

Работы 1992-1994 гг. дали также дополнительные доказательства отмечавшегося ранее родства между архитектурными формами Успенского собора и собора Хутынского монастыря в Новгороде, подтвердив очевидное сходство некоторых конструктивных элементов и строительных приемов на этих памятниках. Это позволило уточнить дату возведения собора в Ростове. Следует добавить, что еще одно свидетельство близости между ростовскими и новгородскими постройками обнаружили при раскопках на Успенской площади. Здесь были открыты остатки церкви типа «иже под колоколы», составлявшей с собором единый ансамбль. Точно такое композиционное решение отличает и ансамбль Хутынского монастыря [30].

В 1992 году после длительного перерыва возобновились раскопки в Ярославле. В этом году на территории посада были заложены два небольших раскопа – начала работать Ярославская археологическая экспедиция под руководством сотрудника департамента культуры и туризма В. В. Праздникова. С этого времени раскопки древнейшей территории города становятся планомерными. Работы велись как на территории Стрелки, так и на территории «Земляного города». Благодаря многолетним

выборочным шурфовкам и археологическим наблюдениям за производством земляных работ практически воссоздан палеорельеф на период XV-XVI вв. Данные археологических исследований подтверждают существование в Ярославле торгово-ремесленных слобод, правда, вследствие сильной переотложенности слоев характер культурных напластований относительно хорошо прослеживается только начиная с XVI века.

В ходе работ было выяснено, что на древнейшей части территории города мощность культурного слоя колеблется от 1,6 до 3,5 м. На территории посада полоса слоя XII-XV вв. шириной до 500 м срезана (видимо, грунт использован при возведении крепостного вала XVI века). В случае отсутствия интенсивного строительного воздействия особенно четко фиксируется слой XIV в. [31].

После длительного перерыва в 1996 году экспедицией Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством сотрудника музея И. В. Никитина были продолжены работы по археологическому изучению г. Романова. Раскоп площадью 42 кв. м. был заложен в северной части городища. При незначительной мощности культурного слоя удалось собрать довольно обширный вещевой и керамический материал. Анализ керамики позволил датировать наиболее ранние слои периодов не ранее второй половины XIV в. [32].

Отметим также, что в 2002 г. велись работы по наблюдению за земляными работами на разных участках Переславля-Залесского под руководством В. И. Вишневого [33]. Подобные наблюдения за сохранностью культурного слоя ведутся и в Ярославле, и в Ростове.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении ста пятидесяти лет достигнуты большие успехи в археологическом изучении древнерусских городов Ярославского края. В последние десятилетия на смену спорадическим и порой бессистемным раскопкам пришли планомерное исследование городских слоев. Можно отметить также изменение характера археологического исследования – если в предшествующие периоды при проведении раскопок ставились узкоспециальные задачи (например, характеристика архитектурного памятника), то современной городской археологии присущ комплексный характер работ, включая анализ культурного слоя, архитектурных остатков, с использованием дендрохронологии, данных палеоботаники, антропологических исследований и статистических методов.

Особенностью современного этапа развития археологии городов является также зависимость выбора места исследования от

перспектив градостроительства. Если раньше автор раскопок руководствовался при выборе места проведения работ только научными интересами и предпочтениями, то сегодня на территории древнерусских городов он зачастую следует в фарватере городской застройки, нередко спасая исчезающий культурный слой.

Таковы основные итоги и тенденции долгой, насыщенной событиями и научными обретениями археологической истории городов Ярославского края.

Библиографический список:

1. Журнал министерства народного просвещения. Ч. 84. Отд. 7. С. 26
2. Воронин Н. Н. Раскопки в Переславле-Залесском // Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М., 1949. С. 194.
3. Раскопки в Ростовском Успенском соборе // Ярославские епархиальные ведомости. 1884. № 45. С. 357-358.
4. Титов А. А. Кремль Ростова Великого. М., 1912.
5. Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Вып. 1. Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 6.
6. Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле // Труды Тверской губернской ученой архивной комиссии. Тверь, 1904.
7. Томсинский С. В. Угличе Поле в IX – XIII веках. СПб., 2004. С.17.
8. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946; он же Древняя Москва. М., 1947.
9. Археологические работы Академии на новостройках в 1932-1933 гг. М.-Л., 1935. С. 105-106.
10. Воронин Н. Н. Раскопки в Переславле-Залесском... С. 193-202.
11. Воронин Н. Н. Отчет о раскопках в Ростовском Кремле в 1939 г. // Архив Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль». Фонд А-1226. Л. 1-40.
12. Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле // Материалы и исследования по археологии СССР. № 11. М., 1949. С. 191.
13. См., например, Иванов Л. М. Археологические источники и реконструкция ранней истории Ярославля // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003. С. 99; Праздников В. В. Ярославская археологическая экспедиция // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003. С. 214.
14. Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л., 1985. С.15.

15. Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 41. 1951. С. 9.
16. Горюнова Е. И. К истории городов северо-восточной Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 59. 1955. С. 11.
17. Воронин Н. Н. Археологические исследования... С. 4-23.
18. Леонтьев А. Е. От столицы княжества к уездному городу. (Материалы к исторической топографии Ростова X – XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 36.
19. Никитин И. В. Ранняя история Романова: проблема интерпретации источников // VI Золотаревские чтения. Тезисы докладов научной конференции. Рыбинск, 1996. С. 37.
20. Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989. С. 5.
21. Матвеева В. И. Ростов Великий // Археологические открытия в 1968 году. М., 1969. С. 79-80.
22. Комаров К. И. Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С.155.
23. Дубов И. В. Указ. соч. С. 75-79.
24. Иванов Л. М. Указ. соч. С. 89-99.
25. Иоаннисян О. М. Исследования Спасского собора в Ярославле // Археологические открытия в 1982 году. М., 1983. С. 56-57; он же Раскопки в Ярославле и Угличе // Археологические открытия в 1983 году. М., 1984. С. 57-58.
26. Леонтьев А. Е. От столицы княжества... С. 36-37, рис. 3.
27. Томсинский С. В. Указ. соч. С. 23.
28. Булкин В. А. К ранней истории Спасо-Преображенского собора в Угличе // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы 2 региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Нижний Новгород, 1991. С. 238-242.
29. Томсинский С. В. Указ. соч. С. 24.
30. Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом. // Сообщения Ростовского музея: Вып. 6. Ярославль, 1994. С.189-215.
31. Праздников В. В. Указ. соч.. С. 211-214.
32. Никитин И. В. Указ. соч. С. 37.
33. Комаров К. И. Указ. соч. С.155.

М.В. Талашов
*Ярославский государственный
педагогический университет*

**«Непонятное любование хазарской
культурой»: к истории изучения славяно-
хазарских отношений в 20-х – начале 60-х годов
XX в.**

Приход к власти большевиков, последовавшее за этим утверждение советской власти в стране и гражданская война в России привели к серьезнейшим переменам в отечественной исторической науке. Переход к марксистской методологии имел закономерным следствием ревизию сложившихся подходов к изучению фактологического материала, пересмотр утвердившихся в отечественной историографии взглядов и концепций. Очередная «перестройка» научного фундамента негативно сказалась на изучении исторического прошлого Хазарии, интерес к которому резко упал. Почти забытыми оказались проблемы иудаизации и христианизации каганата, формирования дуализма верховной власти, не уделялось должного внимания изучению религиозных представлений входивших в каганат тюркских этносов. Единственной темой, не потерявшей актуальность для советских ученых в 20-х – нач. 60-х гг. XX в., явились славяно-хазарские отношения. Однако даже их изучение пережило определенную трансформацию в соответствии с государственным заказом: ставшая традиционной критика норманистских концепций «буржуазных» историков стимулировала появление разнообразных теорий, преувеличивающих значение Хазарии в истории восточных славян.

Одним из ярких примеров подобного подхода к исследованию славяно-хазарских взаимосвязей следует считать опубликованную в 1924 г. монографию В.А. Пархоменко [1]. Опровергая взгляды историков-норманистов, ученый видел в Хазарии ключевой фактор формирования Древнерусского государства. В концепции В.А. Пархоменко варяги представляли завоевателями и эксплуататорами покоренного славянского населения, а сами славяно-варяжские отношения носили «военно-данический характер». Напротив, контакты славян с Хазарским каганатом имели преимущественно «культурно-экономический характер»: славяне добровольно вошли в его состав, поскольку «хазары... играли роль посредников в

торговле и в культурных сношениях... с процветающим тогда арабским Востоком» и являлись «оплотом от натиска напиравших... кочевников». «При национальной и религиозной терпимости хазарской власти юго-восточная Русь легко переносила свою связь с Хазарией» [2]. В итоге, по «политико-культурно-экономическому влиянию» В.А. Пархоменко выделил две группы восточных славян: «северо-западную» или «финско-норманнскую» и «юго-восточную», или «хазарскую» [3]. С крушением каганата последняя стала самостоятельной и образовала собственный политический центр в Тмутаракани.

Формирование второго центра русской государственности, Киева, исследователь также поставил в зависимость от характера славяно-хазарских отношений. Посчитав полян выходцами с территории каганата, В.А. Пархоменко заявил, что они, «уйдя из Хазарии, принесли оттуда... в Киев черты хазарского государственного устройства и уклада жизни». Основное доказательство своей гипотезы историк видел в упоминании титула *каган* по отношению к русским князьям в латинских, русских и арабо-персидских источниках (Бертинские анналы, «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати», сочинения Ибн Русте). Еще один довод исследователя заключался в сильных позициях иудейской общины в Киеве в XI – нач. XII вв.: по мнению историка, вместе с зачатками государственности поляне принесли от хазар в Киев и иудаизм [4].

Во 2-ой пол. 40-х гг. основные положения концепции В.А. Пархоменко были развиты В.В. Мавродиным [5]. Однако, в отличие от своего предшественника, исследователь отринул гипотезу о миграции полян с территории каганата в Среднее Поднепровье. Обратившись к проблеме «хазарской дани», он указал на ее незначительный размер для хозяйства восточных славян. «Такого рода даннические отношения при сохранении неприкосновенными быта славян и их племенных объединений, их хозяйства, их родоплеменной знати, не могли создать хазарам на Руси ту славу, которой заслуженно пользовались авары» [6]. Вслед за В.А. Пархоменко, В.В. Мавродин обратил внимание на выполняемую хазарами заградительную функцию по отношению к азиатским кочевникам, указал на заимствование киевскими князьями титула *каган*, в личности которого видели «олицетворение высшей государственной власти». Однако главное значение периода хазарского владычества для восточных славян В.В. Мавродин усматривал в том, что «Хазарский каганат служил связующим

звеном между Русью и Востоком..., способствовал ее сближению с Востоком и восприятию... некоторых элементов высокой культуры стран и народов Востока» [7].

Важной темой исследования В.В. Мавродина стали взаимосвязь и взаимопроникновение элементов материальной и духовной культуры восточнославянских племен и входящих в состав Хазарского государства этносов. Особенно подчеркивалось влияние иудейской литературы (Талмуда, мидрашей) и фольклора на «русское творчество и «книжность». Огромную роль в распространении предметов ремесленного производства и образцов хазарского искусства на землях восточных славян историк отводил городам Салтово-маяцкой культуры [8]. Важным фактором славянского влияния на хазарское общество, по мнению В.В. Мавродина, явился язык, ставший «межплеменным языком для народов Дуная, Днепра, Волги и Камы». В качестве основного доказательства историк ссылаясь на сообщения Фахр-ад-дина Мубарак-шаха и жития Константина Философа об использовании хазарами русского алфавита [9]. В то время как первые два положения, оставаясь дискуссионными в российской историографии, получили поддержку отдельных отечественных специалистов, последнее должно быть категорически отвергнуто [10]. Язык хазар, относившийся к западной группе тюркских языков, не имел ничего общего с языком древних руссов. Тюркские корни хазарского и праболгарского языка убедительно доказал в своей работе зарубежный исследователь П.Б. Голден [11]. Приведенные В.В. Мавродиным свидетельства об использовании хазарами русского алфавита еще не говорят о распространении в их среде русского языка. По мнению В.В. Бартольда, сообщения Фахр-ад-дина Мубарак-шаха и жития Константина Философа скорее указывают на то, что «русские и хазары получили алфавит из одного и того же источника – от греков», а это значит, что оба этноса могли продолжать пользоваться своим родным языком [12].

В 30-х – нач. 40-х гг. В.В. Мавродин поддержал мнение В.А. Пархоменко о древности бытования славянских поселений на Нижнем Дону, хотя здесь гипотезу исследователя вряд ли можно назвать продолжением мыслей предшественника. Если В.А. Пархоменко делал акцент на славянской колонизации хазарских земель, то В.В. Мавродин утверждал, что славяне являлись автохтонным населением Нижнего Дона и Северного Кавказа. Однако историк не смог обосновать процесс трансформации местных яфетических этносов в славяно-русские. Гипотеза В.В.

Мавродина была отвергнута большинством советских ученых, а в сер. 40-х годов и сам исследователь отказался от своих взглядов.

Необходимость опровергнуть «буржуазные» концепции дореволюционных историков-норманистов привела к формированию схожих моделей славяно-хазарских отношений у В.А. Пархоменко и В.В. Мавродина. В трудах обоих ученых русская государственность вызревала внутри или при посредстве Хазарского каганата, обеспечившего «режим благоприятствования» для подчиненных им этносов за счет наложения низкой дани и обеспечения безопасности торгово-хозяйственной деятельности. Славяне при этом восприняли основы хазарской системы административного управления, заимствовали элементы материальной и духовной культуры хазар. В данном случае абсолютно правильным кажется вывод Б.А. Рыбакова о том, что в работах В.А. Пархоменко и В.В. Мавродина «хазарская теория происхождения русской государственности» «постепенно подменяла собой устаревшую норманнскую теорию» [13].

Более объективную оценку славяно-хазарским отношениям дал М.И. Артамонов, опиравшийся в своих исследованиях на данные археологических раскопок. Отвергнув бытование славянских поселений на юго-востоке Восточной Европы, ученый признал позитивное значение вассально-даннических отношений для славянских племен. По мнению М.И. Артамонова, Хазарский каганат превратился в своеобразную модель социально-экономического развития для восточных славян: «В Хазарском государстве варварское общество юго-восточных степей впервые нашло форму классовой организации, не осложненную привнесениями античной цивилизации. В этом своем виде оно оказало весьма сильное влияние на позднейшие аналогичные по своей социально-экономической природе образования, важнейшим из которых было Киевское феодальное государство» [14].

Отвергая концепцию В.А. Пархоменко, у которого русская государственность зарождалась внутри каганата и, по сути, являлась его логическим продолжением, М.И. Артамонов все-таки соглашался с тем, что Хазарское государство являлось «важнейшим условием образования Киевской Руси в тех конкретно-исторических формах, в какие это государство вылилось как в политическом, так и в культурном своем содержании» [15]. В этом отношении позицию исследователя можно признать близкой модели славяно-хазарских отношений, разработанной В.В. Мавродиным.

Логическим продолжением взглядов М.И. Артамонова на Хазарский каганат как «важнейшее условие» образования

Древнерусского государства стала работа А.Н. Насонова «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства». В ней исследователь пришел к важному заключению о том, что формирование великокняжеского домена – «Русской земли» с такими крупными городскими центрами, как Киев, Чернигов и Переяславль, произошло на территории восточнославянских племен, находившихся в вассальной зависимости от Хазарии. «Присматриваясь к границам «Русской земли», мы неизбежно приходим к выводу, что границы эти определились еще в условиях хазарского ига, слабевшего в течение второй половины IX в.» [16]. Труд А.Н. Насонова стал последней научной публикацией рассматриваемого периода, позитивно оценивающей влияние хазар на развитие восточно-славянского общества.

Кон. 40-х – нач. 50-х гг. были отмечены развернувшейся в стране борьбой с космополитизмом, которая не обошла стороной и отечественное хазароведение. Публикация П. Иванова в «Правде» от 25 декабря 1951 г. обвинила советских историков в переоценке роли Хазарии в истории Восточной Европы. Автор в частности заявлял, что М.И. Артамонов, «извращая историю древней Руси..., пытается приспособить историю к своей надуманной схеме. Во имя этой ложной схемы он превозносит хазарское «наследство», проявляет непонятное любование хазарской культурой» [17]. По мнению П. Иванова, «Хазарский каганат, представлявший собой примитивное объединение различных племен, не играл никакой положительной роли в создании государственности восточных славян..., наоборот, тормозил процесс объединения восточнославянских племен и рост русской государственности. Хазары совершали на славян набеги и держали в порабощении некоторые из этих племен с широко развитыми земледелием и ремеслами» [18]. Статья в «Правде» способствовала прекращению археологических исследований в районе Волго-Донья, привела к острой критике современных концепций хазарской истории. Своего апогея эта критика достигла в нач. 50-х гг. с выходом в свет научных публикаций Б.А. Рыбакова.

Предметом анализа историка стала Краткая и Пространная редакции ответа царя Иосифа к Хасдаю Ибн Шафруту и карта арабского историка XII в. ал-Идриси. Анализируя первые два документа, входящие в Еврейско-хазарскую переписку, Б.А. Рыбаков согласился с П.К. Коковцовым в том, что Пространная редакция предшествовала Краткой и была написана в 80-х гг. XI столетия [19]. Сопоставив описание территории Хазарии в Пространной редакции с данными ал-Идриси, исследователь пришел к заключению о том,

что ответ Иосифа был фальсифицирован, а размеры Хазарского государства сильно преувеличены. В результате Б.А. Рыбаков уменьшил занимаемую каганатом площадь до «прямоугольника», ограниченного Волгой, Каспийским морем, Кумой и Доном, заявив при этом, что «область салтовской культуры никогда не входила в состав Хазарии и не была ей подчинена» [20]. Хазарское государство у Б.А. Рыбакова превратилось в «небольшое ханство», «примитивное государство кочевников» [21].

Резкие изменения по сравнению с 30-ми – 40-ми гг. произошли в оценке социально-экономического уровня развития населения Хазарского каганата. В 1930 г. Ю.В. Готье, отметив, что «в созидательной работе, направленной на добывание и на производство материальных благ, служивших предметом обмена, хазары не принимали никакого участия», все-таки признал, что в Хазарии «скотоводческий быт уже уступил место земледелию и виноделию», то есть производящей экономике [22]. М.И. Артамонов, вслед за Ю.В. Готье указав на «земледельческий характер» средневековых поселений в междуречье Дона и Северского Донца, характеризовал хазарское общество как «полуфеодальное или даже феодальное» [23]. В 1952-1953 гг. Б.А. Рыбаков увидел в Хазарском каганате «паразитарное государство... с низким уровнем производительных сил», «сидевшее на важных торговых путях Восточной Европы» и «хищнически» пользовавшееся «выгодами своего положения». Отрицал исследователь и развитие феодальных отношений в каганате [24].

Превращая Хазарию в небольшое и слабое государство, Б.А. Рыбаков отвергал саму возможность вассально-данических отношений между хазарами и тем широким спектром славянских племен, который обозначен в русских летописях (поляне, северяне, радимичи и вятичи). По мнению исследователя, хазары могли покорить «пограничные поселения северян на Северском Донце или вятичей в районе Воронежа», но поляне и радимичи сохраняли независимость. Вполне вероятным представлялось Б.А. Рыбакову господство хазар над славянским населением, мигрировавшим в находящиеся под контролем каганата степные регионы. В том, и в другом случае даннические отношения виделись кратковременными и «эпизодическими», но саму зависимость Б.А. Рыбаков определял как «примучивание», подчеркивая тяжелое положение восточных славян в период «хазарского ига» [25].

Таким образом, господство хазар (пусть временное), равно как и «паразитический» характер созданного ими государства,

рассматривалось ученым в качестве тормоза социально-экономического и политического развития восточнославянских племен. В этих условиях поход Святослава Игоревича являлся для Б.А. Рыбакова исторической закономерностью. «Киевская Русь вызревала не в недрах Хазарского каганата, а рядом с ним, в борьбе с ним». «Важная роль Руси в международных связях встречала противодействие в Хазарском каганате. Русские караваны подвергались организованным ограблениям в окрестностях Итиля; хазары пытались слишком жестко контролировать находившиеся в их руках пути. Поэтому неизбежен был поход Святослава Игоревича, приведший к быстрому падению этого эфемерного... государства» [26].

Отказывая хазарам в культурном и политическом воздействии на прогрессивное развитие восточнославянского общества, Б.А. Рыбаков признавал славянское влияние на жителей каганата. Заявляя, что «в IX – X вв. Хазария была пронизана славянским населением», исследователь повторил положение В.В. Мавродина о широком распространении в хазарской среде славянского языка [27].

Публикации Б.А. Рыбакова стали квинтэссенцией критики в адрес ученых, рассматривавших хазар в качестве катализатора государственного строительства у восточных славян, критики особо разрушительной в условиях обостряющейся «борьбы с космополитизмом». Итоги развернувшейся кампании выразились в приостановке дальнейших исследований, связанных с историей Хазарии, «замораживании» публикации научных трудов, расформировании состава Волго-Донской экспедиции, проводившей археологические раскопки на территориях, подвластных Хазарскому каганату. В такой ситуации концепция славяно-хазарских отношений, сформулированная Б.А. Рыбаковым, стала непререкаемой, что, однако, не означало ее абсолютной объективности. Так, в рассуждениях о действительных размерах Хазарского государства исследователь проигнорировал сообщения византийских авторов (Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Константина Багрянородного) и арабо-персидских источников (Ибн Фадлана, Ибн Русте) о подчинении хазарам мадьярских племен, волжских булгар, буртасов и значительной части Крымского п-ова [28]. Не замеченным Б.А. Рыбаковым остался и комментарий Ибн Хордадбега о том, что «области Арран, Джурзан и Сисаджан находятся в царстве Хазар» [29]. Эти сообщения существенно раздвигают границы как самого каганата, так и зависимых от него территорий в северном, западном и южном направлениях. Кроме

того, они полностью согласуются с данными Еврейско-хазарской переписки [30], из чего вытекает, что указанные территории все-таки входили в состав каганата, а последний не всегда являлся «небольшим ханством» в дельте Волги. Это подтверждает и выявленный археологами ареал Салтово-маяцкой культуры, совпавший с начертанными в Еврейско-хазарской переписке границами Хазарии. Ошибочным было со стороны Б.А. Рыбакова проводить сопоставление данных письма царя Иосифа и карты ал-Идриси. Как известно, любой письменный источник является отражением представлений породившей его исторической эпохи. Карта ал-Идриси была составлена ученым в XII столетии, когда Хазарский каганат уже не существовал на территории Волго-Донья и, соответственно, заложенная в документ информация не отличалась точностью. Вполне логичным было сверять ответ Иосифа с современными ему или не столь отдаленными в хронологических рамках источниками, чего, однако, Б.А. Рыбаков не сделал.

В 1967 г., подводя итоги археологических раскопок на территории Волго-Донья и особо отмечая развитие земледелия на оседлых поселениях, С.А. Плетнева пришла к заключению, что Хазарский каганат нельзя называть «паразитическим» государством. «Только земледельческая или смешанная земледельческо-скотоводческая экономика может стать основной для образования государства. Паразитических кочевых государств, живших грабежами и пошлинами, не существовало. Это были кочевые племенные союзы, которые становились государствами лишь в том случае, если часть населения переходила к земледелию» [31].

Концепция Б.А. Рыбакова, явившаяся своеобразным политическим заказом, не выдержала испытания временем. Однако в 50-е гг. XX в. авторитет историка был непререкаем, его взгляды не подлежали обсуждению. Разработанная им модель славяно-хазарских отношений надолго утвердилась в отечественной историографии: позитивное влияние каганата на развитие восточнославянского общества единодушно отвергалось, несогласие с официальной точкой зрения грозило прекращением научной деятельности в интересующем историков направлении [32]. Во второй половине 50-х гг. в условиях относительной либерализации общественной и научной жизни страны возобновились исследования в сфере хазарской истории, однако даже в такой достаточно благоприятной для хазароведов обстановке смена укоренившихся приоритетов была невозможна. Под воздействием обрушившейся критики ученые отказывались от старых позиций либо

корректировали их в соответствии с теорией Б.А. Рыбакова. Именно так поступил М.И. Артамонов, к нач. 60-х годов вынужденный пересмотреть свою концепцию славяно-хазарских отношений.

В изданной в 1962 г. «Истории хазар» исследователь воздержался от характеристики каганата в качестве «важнейшего условия образования Киевской Руси»: в работе возобладали преимущественно негативные оценки характера славяно-хазарских взаимосвязей [33].

Обратившись к характеру вассально-даннических отношений, возникавших между каганатом и покоренными им этносами, М.И. Артамонов признал прогрессивную роль хазар лишь на раннем этапе существования их государства. «Они остановили арабов, открыли двери византийской культуре, установили порядок и безопасность в прикаспийских и причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития хозяйства этих стран...» [34]. Переломным моментом в системе взаимоотношений между хазарами и покоренным населением каганата стал приход к власти иудейской общины, который исследователь датировал нач. IX в. «С этого времени на смену развития скотоводства и земледелия наступила эпоха посреднической торговли и паразитического обогащения правящей верхушки» [35].

Раскрывая суть установившегося к X столетию на завоеванных территориях режима, М.И. Артамонов пришел к выводу, что «хазары... оставляли в неприкосновенности социальную организацию подвластных народов», ограничиваясь сбором дани и «обязанностью оказывать военную помощь» каганату. При этом исследователь подчеркнул тяжелый характер «хазарской дани» для покоренного славянского населения, отмечая возможность ее взимания серебряными монетами [36]. Помимо этих двух форм зависимости М.И. Артамонов обратил внимание на «специальные повинности», которыми могли быть обложены лица, занимающиеся ремеслом и торговлей, а также на широко применяемую хазарами практику удержания заложниками представителей племенной элиты подчиненных этносов. Следуя рассуждениям М.И. Артамонова, можно заключить, что режим, установленный каганатом на покоренных территориях, исследователь рассматривал как эксплуататорский. Период «хазарской дани» в истории народов Восточной Европы и восточных славян в частности предстал в системе исторических взглядов М.И. Артамонова именно как «ниго», препятствующее их социально-экономическому и самостоятельному политическому развитию. Освобождение полян из-под власти хазар

историк датировал IX столетием, когда на территорию Восточной Европы вторглись мажарские племена. Важным симптомом появления сильного славянского государства в Среднем Поднепровье М.И. Артамонов считал принятие киевскими князьями титула *кагана*, который должен был подчеркнуть их равноправие с хазарским владыкой [37]. Однако в условиях господства Хазарского каганата над соседними славянскими племенами и стратегически важными торговыми путями Древнерусское государство могло развиваться лишь в постоянной борьбе с хазарами.

Концепция славяно-хазарских отношений М.И. Артамонова выработанная им к нач. 60-х гг. XX в., представляла собой своеобразный компромисс между теориями В.А. Пархоменко и В.В. Мавродина и выраженным в статьях Б.А. Рыбакова политическим заказом. С одной стороны, исследователь признал прогрессивную роль хазар в обеспечении порядка и спокойствия в европейских степях, что способствовало развитию социально-экономических отношений в завоеванных областях, с другой, подчеркнул эксплуататорский характер вассально-даннических отношений для покоренных племен, тяжесть «хазарской дани» для восточных славян и указал на «паразитическое обогащение правящей верхушки Хазарии. Таким образом, М.И. Артамонов снял с себя главное обвинение, предъявленное ему Б.А. Рыбаковым, который утверждал, что в работах сторонников «хазарской теории» «самостоятельному внутреннему развитию славянских племен не оставалось места» [38].

Концепция славяно-хазарских отношений М.И. Артамонова оказала огромное влияние на советское хазароведение. Будучи более гибкой и взвешенной, она позволяла избежать идеологических ловушек и активно использовалась отечественными специалистами в качестве фундамента для собственных исторических построений. Тем не менее, при всех положительных сторонах, она оставалась продуктом своего времени. В условиях жесткой цензуры объективное изучение прошлого Хазарии было невозможно. Разработанные в 20-х – нач. 60-х гг. модели славяно-хазарских отношений, по сути, являлись научными спекуляциями, представляя своеобразный ответ на требования официальной государственной идеологии. Оставаясь во многом искусственными, они, безусловно, искажали историю Древней Руси и Хазарского каганата, трансформируясь вместе с курсом политического руководства. Для подлинно научного исследования прошлого Хазарии была необходима либерализация общественной жизни страны и смена

господствующего режима, гарантирующая самостоятельность научной деятельности российских хазароведов.

Библиографический список:

1. Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII –XI вв.). Л., 1924.
2. Там же. С. 12, 39-40.
3. Там же. С. 13.
4. Там же. С. 58, 59.
5. Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945; Его же. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л., 1946.
6. Мавродин В.В. Древняя Русь... С. 152.
7. Там же. С. 148, 154.
8. Там же. С. 149-150.
9. Там же. С. 151-152.
10. Архипов А. К изучению сюжета о выборе веры. “Повесть временных лет” и “Еврейско-хазарская переписка” // *Jews and Slavs*. Vol. 1. Jerusalem – St. Petersburg, 1993. P. 20-43; Князький И.О. Русь, Хазария, иудаизм // *Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: средние века – начало нового времени. Сборник тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка*. М., 1993. С.26-43; Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в I тыс. н.э. // *СА*. 1955. Вып. XXII. С. 61-82; Петрухин В.Я. Варяги и хазары в истории Руси // *ЭО*. 1993. № 3. С. 68-82; Его же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // *Древнейшие государства Восточной Европы, 1992-1993*. М., 1995. С. 117-125.
11. Golden Peter B. *Khazar Studies. An Historico-Thilological Inquiry into The Origins of The Khazars*. Vol. III. Budapest, 1980.
12. Бартольд В.В. О письменности у хазар // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 466.
13. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // *СА*. 1953. № XVIII. С. 130.
14. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. VI.
15. Там же.
16. Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 41.

17. Иванов П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 1951. 25 дек. № 359 (12196). С. 3.
18. Там же.
19. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 68; Рыбаков Б.А. Русь и Хазария // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 78-79; Его же. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 68.
20. Рыбаков Б.А. Русь и Хазария... С. 83-84; Его же. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 146, 148.
21. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 150.
22. Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930. С. 76, 79.
23. Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. 1940. № VI. С. 164.
24. Рыбаков Б.А. Русь и Хазария... С. 77, 86; Его же. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 131. Данную точку зрения всецело поддержал Н.Я. Половой. См.: Половой Н.Я. О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 11. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1998. С. 486-487.
25. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 135, 149.
26. Рыбаков Б.А. Русь и Хазария... С. 88; Его же. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 131, 150.
27. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 132.
28. Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 19; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 133, 140-141; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 158; Феофан Исповедник. Хронография // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 62-63, 64; Патриарх Никифор. Бrevиарий. // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 163-164.
29. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. III. Ибн Хордадбэ // СМОМПК. 1903. Вып. 32. С. 13.
30. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка // Мир Гумилева. Вып. 6. Открытие Хазарии. М., 1996. С. 594-595.

31. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 189-190.
32. Важным показателем доминирования исторических взглядов Б.А. Рыбакова в отечественном хазароведении является широкое распространение выдвинутых им положений в вузовских учебниках по истории СССР, издававшихся во 2-й пол. 50-х – нач. 80-х гг. См.: История СССР. Т. I. С древнейших времен до 1861 г. Первообытно-общинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. М., 1956. С. 77-78; История СССР. Часть первая. С древнейших времен до 1861 года./ Под ред. П.И. Кабанова и В.В. Мавродина. М., 1974. С. 63; История СССР с древнейших времен до конца XVIII века под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1975. С. 68; История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. /Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1983. С. 58-60. Публикация “Истории хазар” М.И. Артамонова привела к некоторому ослаблению позиций Б.А. Рыбакова, отразившемуся в энциклопедическом труде “История СССР”, вышедшем в 1966 г. и отдавшем предпочтение концепции этноконфессиональных отношений С.А. Плетневой. Однако в главах, посвященных первым векам российской истории, авторство которых принадлежало Б.А. Рыбакову, историк продолжал настаивать на “паразитическом” характере хазарской экономики. См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях в двенадцати томах. Первая сер. Том. I-IV. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. С. 495.
33. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
34. Там же. С. 623.
35. Там же.
36. Там же. С. 550-551.
37. Там же. С. 399, 492.
38. Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата... С. 128.

Е.Л. Сараева
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Философско-исторические идеи А.И. Герцена

Вопросы национального развития представители классического западничества 40-х гг. XIX в. рассматривали в широких рамках движения человечества, выявляя цели, факторы эволюции, взаимодействие цивилизаций. Важным условием развития исторической и общественной мысли западники считали теоретическое осмысление фактов прошлого. Рассматривая философию как науку об истине бытия, они утверждали, что она должна быть основой миропонимания. Русские мыслители 40-х гг. XIX в., обладая широчайшей эрудицией, считали необходимым для интеллектуалов ознакомление с культурным наследием человечества и новейшими научными разработками. Полагаем, что значимость западных идей для развития русской мысли во многом была обеспечена философско-историческим подходом к анализу национальных и общечеловеческих проблем. Русские интеллектуалы с 20-х гг. XIX в. имели возможность интерпретировать исторический процесс, зная различные философские системы.

С нашей точки зрения, нельзя говорить о существовании единой философии истории западников 1840-х гг., так как воззрения А.И. Герцена на развитие человечества имело свои особенности. Философское мировоззрение А.И. Герцена получило глубокое изучение в научной литературе, тем не менее, интерес к нему не ослабевает, так как идеи мыслителя оказались востребованными в условиях концептуального плюрализма и переосмысления цели и сущности прогресса в истории. Исследователи выделяют три периода в теоретическом развитии мыслителя. Первый период, завершившийся в 1839 г., был временем усвоения им первичного жизненного и идейного материала. Второй период (1840-1846 гг.) прошел под знаком усвоения, критики и переработки гегелевской философии. Как и Гегель, Герцен тогда видел источник мироздания в Разуме, а всемирно-исторический процесс рассматривал как саморазвитие Разума. В третий, эмигрантский период своей жизни (1847-1870), Герцен выступил против абстрактных схем и

логических построений, основанных не на учете динамики реальной истории, а на отвлеченных, предписанных истории принципах [1].

Исследователей привлекали следующие аспекты восприятия Герценом философии Гегеля: усвоение гегелевской диалектики, критическое отношение к гегелевскому панлогизму, движение герценовской мысли от идеализма к материализму; использование философии немецкого мыслителя для обоснования необходимости торжества социалистического идеала, разрыв с гегелевской идеей «разумности истории»[2]. Эта проблематика составляла основу философских исследований творчества Герцена и работ, посвященных развитию социалистической идеи в России. Глубокое осмысление философского мировоззрения Герцена содержат работы С.Н. Булгакова, Г. Шпета, З.В. Смирновой, А.И. Володина, Л.И. Новиковой и И.Н. Сиземской, Р. Хестанова[3].

С.Н. Булгаков не прослеживал существенного влияния Гегеля на мировоззрение Герцена, поскольку мыслитель после изучения Гегеля обратил свои взоры на Фейербаха. Воззрение Герцена, по мнению исследователя, трудно отнести к какой-либо философской доктрине. Оно имеет черты философии позитивизма, которые Булгаков усматривал в отрицании Герценом метафизики и религиозной веры, гипертрофии здравого смысла. В отличие от других исследователей, Булгаков считал мысль Герцена о том, что цель жизни заключается в настоящем, лишь проявлением эмпиризма и сосредоточенности на конкретных проблемах времени. Будучи религиозным мыслителем, Булгаков не мог принять подобное определение цели жизни, так как он был уверен в существовании за миром явлений области истинно сущего бытия, мира идеального, царства абсолютной Истины, Добра и Красоты[4].

Г. Шпет обратил внимание на последовательность рассуждений Герцена о цели жизни. По его мнению, во взгляде Герцена на настоящее как цели жизни нет элементов утопизма и доктринаризма, которые неизменно присутствуют во всех учениях о будущем. Шпет объяснял отказ Герцена от создания модели будущего общества его стремлением защитить права личности, которую мыслитель не хочет приносить в жертву неизвестному «завтра». Мировоззрение Герцена он характеризует как круг идей, развернувшийся вокруг личности. Мысль Герцена о том, что человек стремится к реальной полноте жизни, по мнению Шпета, стала основой его «исторического реализма», для которого характерно противопоставление конкретной деятельности абстрактной схеме с абстрактным же средством ее осуществления – бесконечным и

безличным «прогрессом». Исследователь прослеживает особенности восприятия Герценом идей Гегеля, отмечая, что русский мыслитель взял у великого философа «самое глубокое понимание историзма – реальное»[5]. В размышлениях Герцена о смысле истории Шпет выделял идею о том, что история и личность не являются средством и путем к отвлеченной схеме, а есть самоцель в каждый миг истории[6].

А.И. Володин, углубленно изучавший философское наследие Герцена, высказал оригинальное суждение о его мировоззрении: у Герцена нет «законченного» учения. Учитывая герценовскую самооценку своего воззрения: «...Я не имею доктрины»[7], А.И. Володин объяснял принципиальный антидоктринаризм мыслителя исходя из его убеждения, что теория зависит от истории и постоянно изменяется вместе с ней. А поскольку история противоречива, антиномична, то и Герцен мыслил ее в антиномиях. Формулируя основную особенность теоретических взглядов мыслителя конца 1840-1860-х гг., Володин подчеркивал его уверенность в отсутствии у человечества цели, заведомой подчиненности личности неким надчеловеческим – мнимым или реальным – силам[8].

Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская трактуют герценовское понимание прогресса как родовой рост человечества, который является не целью истории, а свойством преемственного существования поколений[9]. По мнению исследователей, Герцен развенчал объективную телеологию теории прогресса и создал свою эмбриогению истории. Они предприняли попытку сформулировать основные ее положения. Центральным из них является идея об отсутствии у природы и общества предзаданной цели, поэтому они открыты в своем развитии. Каждая эпоха, каждое поколение, каждая человеческая жизнь имеет свою полноту. В процессе жизни совершенствуется человечество, одни цели уступают место другим, более привлекательным. Важной особенностью герценовской трактовки истории человечества они считали признание им многообразия путей и форм развития[10].

Р. Хестанов, изучая отношение Герцена к философии Гегеля, отмечает непродолжительность увлечения русским мыслителем диалектическими триадами. В своем понимании истории, пишет Хестанов, Герцен движется от Гегеля и переходит к нему в оппозицию. Самостоятельность мысли Герцена проявилась в неприятии историко-логического повествования Гегеля, последовательно синтезирующего множество культурных,

религиозных, национальных историй, индивидуальных судеб в единую историю Абсолютного Духа[11].

Как видно, авторы указанных исследований оценивают философию истории Герцена как оригинальную, глубокую, созвучную современным идеям саморазвития динамических систем[12]. Ученые единодушны в своем мнении о плодотворности учения Герцена о смысле истории, объясняющего многовариантность и неповторимость путей эволюции. В литературе последних десятилетий акцентируется внимание на разной трактовке прогресса и сущности общественного развития в гегельянском и герценовском учениях. Своеобразие герценовского учения исследователи усматривают в отрицании мыслителем предзаданной цели жизни социума и оригинальной трактовке проблемы «прошлое – настоящее – будущее». Обращение многих ученых к творчеству Герцена можно объяснить сложностью его мировоззрения. Не связанные с решением идеологической задачи подогнать учение Герцена под «-измы», современные философы дают созвучные интерпретации мировоззрения Герцена, отмечая отрицание им телеологического взгляда на историю и фатализма, признание вариативности движения человечества. Неоспоримо значение осмысления идей Герцена в философской науке. Различия в акцентах характеристик обусловлены постановкой разных исследовательских задач. Полагаем, что изучение герценовской интерпретации взаимодействия народов и культур требует анализа философского обоснования мыслителем этого исторического процесса.

Совершенно очевидно, что фрагментарное представление философского воззрения Герцена в исторических исследованиях обедняет теоретическую основу анализа интеллектуальной жизни деятелей «замечательного десятилетия». Освоение темы участия Герцена в осмыслении судьбы России, в частности проблемы оценки Герценом процесса европеизации России, должно включать изучение философии истории, созданной русским интеллектуалом.

В философии истории Герцена начала 1840-х гг. прослеживается влияние идей Гегеля. Все западники в эти годы вслед за Гегелем усматривали источник саморазвития в духе человечества. Причину постоянных изменений в жизни народов Герцен видел в том, что «дух человечества, нося в глубине своей непреложную цель, вечное домогательство полного развития, не мог успокоиться ни в одной из былых форм...». По Герцену, дух стремится к полному развитию и переходит из одной формы в

другую[13]. Герцен представлял себе историю как сферу деяния духа, который стремится к определенной цели.

Идеи Герцена о развитии отличаются от представлений В.Г. Белинского и Т.Н. Грановского глубокой характеристикой эволюции отдельно взятой формы жизни. Белинского и Грановского исследователи относят к западникам-прогрессистам, которые рассматривали историю человечества как прогрессивно-восходящее развитие общества, целью которого было достижение социального идеала. В 40-е гг. в западническом кругу была популярна гегелевская теория общественного прогресса, акцентировавшая внимание на логике перехода от низшего этапа развития к более высокому. Она не объясняла многообразие развития народов, не включала новую для того времени проблематику цивилизационного развития. На основе этой теории было сложно объяснить многовариантность развития человечества.

По сравнению с другими западниками Герцен более критично относился к философии истории Гегеля. Период увлечения Герценом гегельянством был непродолжительным. Не соглашаясь с мнением Г. Шпета о том, что Герцен не понял диалектики Гегеля, Р.А. Хестанов высказал тезис о неприятии русским мыслителем абстрактных доктрин, универсальной гегелевской схемы объяснения истории. В доказательство этой мысли он привел оценку Герценом системы немецкого ученого как «универсальной методы»[14]. С нашей точки зрения, важнейшей идеей Герцена, подтверждающей правильность интерпретации Р.А. Хестановым отношения мыслителя к гегелевскому учению, является положение о том, что «нет такой нелепости, которую не удалось бы втиснуть в форму пустой диалектики, придав ей глубоко метафизический вид» (1850)[15]. Немецкую философию Герцен оценивал как «земную религию», «логический монастырь, куда бежали от мира, чтобы погрузиться в абстракции»[16].

Думаем, что категорический отказ Герцена видеть жизнь людей сквозь философские абстракции был обусловлен его пониманием цели жизни. В 1842 г. в своем дневнике Герцен так сформулировал цель жизни: "Цель жизни - жизнь. Жизнь в этой форме, в том развитии, в котором поставлено существо, т.е. цель человека - жизнь человеческая"[17]. Герцен видел смысл истории в развитии осуществившихся форм жизни. В понимании жизни Герцен был большим реалистом, чем многие его единомышленники. Мы не разделяем взгляд на мировоззрение Герцена-западника как утопическое.

Герцен был сторонником свободного мышления, не укомплектованного в доктрины, потому что доктрина становится религией человека. Отсутствие доктрины не мешает человеку свободно судить о жизни, подвергать критике какие-то идеи, иметь собственное видение проблемы. «Неужели я не могу проповедовать освобождение мысли и совести от всего хлама, не проведенного сквозь очистительный огонь сознания, звать на борьбу со всеми остающимися узами на независимости мышления, со всем ограничивающим самозаконность личности...»[18].

Признавал ли Герцен в 1840-е гг. прогресс в истории? Характеристика Герценом истории как движения человечества к освобождению и себяпознанию, сознательному деянию[19] свидетельствует о его вере в прогресс в период создания работ «Дилетантизм в науке» (1842-1843), «Письма об изучении природы» (1844-1846). Он понимал его как расширение свободы и развитие самосознания личности. Таким образом, уже в гегельянский период Герцен иначе, чем немецкий философ, определял цель истории. Герценовская трактовка смысла истории не носила абстрактного характера, не ставила человека в зависимость от самопознания Духа. Перечитав в декабре 1843 г. введение в философию истории Гегеля, он высказал свое несогласие с гегелевской оценкой истории как поприща Духа. Чем шире эрудиция человека, тем независимее его суждения, считал Герцен. «Чем более мы зреем, тем заметнее решительный идеализм великого замыкателя христианства...»[20].

Впоследствии Герцен охарактеризует свои взгляды 1840-х гг. как мистическое верование в прогресс, человечество, личность[21]. В период создания философского произведения «Дилетантизм в науке» Герцен, как и многие мыслители того времени, полагал, что развитие человечества имело своей целью достижение определенного идеала. Он был склонен видеть этот идеал в «разумном самопознании и поднятии воли человеческой к воле божественной»[22]. Как видно, Герцен уже вскоре после изучения Гегеля самостоятельно осмысливает содержание человеческой истории, считая ее главным действующим лицом личность. Человечество существует благодаря деятельности людей, а не самореализации Абсолюта. Представления Герцена о цели и факторах прогресса, с нашей точки зрения, передают следующие его слова: «...во все времена человечество стремилось к нравственно благому, свободному деянию»[23]. В начале 1840-х гг. Герцен мыслил себе движение человечества от несовершенства через воспитание сознания к формированию свободной разумной личности. «Но таков инстинктуальный путь

развития естественного, бессознательного к сознанию, к себяобладанию».

Важнейшей идеей философии истории Герцена, как и других западников, была мысль о преемственном развитии. Однако в работах Герцена она получила оригинальное развитие. Преемственность рассматривалась многими мыслителями того времени как условие прогрессивного, восходящего движения человечества, при этом значение каждого предшествующего этапа рассматривалось как приготвление народов к более высокой ступени развития, на их самоценность нередко не обращалось внимания. Отличительная особенность решения Герценом проблемы прошлого – настоящего – будущего заключалась в том, что он не рассматривал прошлое лишь как этап в процессе восходящего движения. С его точки зрения, оно не менее самобытно, чем будущее. «...все предшествующее необходимо в генезическом смысле, но самобытность и самозаконение грядущее столь же будет иметь в себе, как в истории. Грядущее относится к былому, как совершеннолетний сын к отцу; для того, чтоб родиться, для того, чтоб сделаться человеком, ему нужен воспитатель, ему нужен отец; но, ставши человеком, связь с отцом меняется – делается выше, полнее любовью, свободнее»[24]. Известно, что Герцен свободно изменял слова, вводил новые, добиваясь ясного изложения своей мысли. Он хотел быть понятым читателями. Обращает на себя его термин «самозаконение». Используя его, он, видимо, хотел усилить свою мысль о существовании внутренних источников развития природы и общества на каждом отдельном этапе. Их эволюция определяется не высшими силами, воздействующими на них извне, а внутренним потенциалом, их жизненными ресурсами. Народы не могут быть лишь средством для будущего развития. «Народы представляли бы нечто жалкое, если б они свою жизнь считали только одной ступенью (к) неизвестному будущему; они были бы похожи на носильщиков, которым одна тяжесть ноши и труд пути, а руно несомое – другим»[25]. Но в начале 40-х гг. Герцен не отрицал, что будущее принимает в себя прошедшее.

Как видно, Герцен существенно трансформировал гегелевскую теорию общественного прогресса в первой половине 40-х гг., а затем создал свое учение о развитии общества, дал свое понимание прогресса. Он исходил из идеи подчинения развития природы и общества единым законам диалектики. По Герцену, каждая форма природы и общества развивается «до последней крайности». В настоящем, т.е. в реальной действительности, достигнутые формы –

«высшее, что есть». Каждая форма стремится к развитию во все стороны. Талантливый мыслитель уже в 1842-1843 гг. тонко осознал ограниченность линейной концепции эволюции общества, которая выражалась в недостаточном внимании к конкретным формам развития, сглаживании многообразия в проявлениях жизни, акцентировании внимания только на элементах, обеспечивающих восхождение по ступеням развития. Герцен отводил многосторонним проявлениям каждой формы не меньшее значение, чем процессу влияния отживавших форм на новые. Он глубже, чем другие западники, характеризовал пути развития обществ. «Каждая степень развития в природе есть вместе и цель, относительная истина; она – звено в цепи, но кольцо для себя». Он решительно заявлял, что нельзя все произведения природы (следовательно, и все общественные формы) вытянуть в «мертвую прямолинейность», «правильную табель о рангах». «Произведения природы не составляют одну лестницу; нет – они представляют лестницу и то, что идет по лестнице; каждая ступень – вместе и средство, и цель, и причина» (1842-1843)[26]. Герцен отказывался видеть в развитии одного народа лишь средство для обеспечения будущего. Проецируя эту мысль на историю человечества, он предлагал своим читателям понять многообразие развития народов.

В конце 1840-х гг. Герцен объяснял многовариантность общественного процесса развитием настоящего до всех пределов самореализации[27]. Поскольку каждая форма развития представляет цель только для себя, а не для будущего, она стремится к полной реализации своих возможностей. Нельзя все явления жизни вытянуть в прямую линию, «природа ненавидит фронт, она бросается во все стороны и никогда не идет правильным маршем вперед»[28]. Герцен не считал, что каждая новая форма жизни начинается с достигнутого ранее уровня. Человечество может отступать назад, возможно развитие народов по другим дорогам. Вариации движения зависят от потенциальных возможностей народа в тот или иной период времени. По мысли Герцена, человечество не запрограммировано на постоянное совершенствование.

В отличие от западников-прогрессистов Герцен не рассматривал прогресс как цель движения человечества. Если прогресс рассматривать как цель, писал Герцен, то, следовательно, многие поколения людей будут обречены работать на отдаленное будущее и погибнуть. Он провел аналогии, доказывающие безразличность требования трудиться на неведомые никому результаты: «Неужели и вы обрекаете современных людей на

жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие будут танцевать... или на то, чтоб быть несчастными работниками, которые по колено в грязи, тащат барку с таинственным руном и с смиренной надписью "Прогресс в будущем" на флаге?»[29]. Герцен не характеризовал исторический процесс как целеполагающий. Он утверждал, что «путь... не назначен»[30]. По его мысли, надо видеть цель не в будущем, а в настоящем. Она должна быть конкретной. Каждый человек, каждое поколение, каждая эпоха имеют свою цель. Из этой мысли Герцена следует (хотя он прямо об этом не писал), что достижение цели в конкретной жизни и составляет прогресс. «Цель для каждого поколения – она сама»[31]. Воззрение Герцена на цель и прогресс в истории кардинально отличают его учение от позиции последующих русских радикалов. Его убежденность в том, что поколение, личность не могут быть «средствами для достижения будущего»[32] характеризует Герцена как гуманиста. Размышления Герцена о прогрессе и цели жизни позволяют нам сделать и другие выводы: каждый человек имеет свою цель, которая диктуется не свыше, а определяется индивидуумом в зависимости от его желаний, интересов, воли, т.е. от его личных качеств. Мы можем рассматривать понимание Герценом сущности прогресса как результат его видения смысла жизни личности и общества. «Прогресс – неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось; это деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью»[33]. Это определение прогресса включает в себя разъяснение причины бесконечности прогресса: непрерывность гарантируется восприятием людьми достижений предшествующего времени. Мыслитель выделял общезначимые, сущностные моменты в жизни всех поколений – совершенствование общественных отношений, условий жизни людей. Рассуждения Герцена на тему о преемственности в развитии жизни дают возможность продолжить его мысль утверждением о том, что с изменением эпохи и появлением новых возможностей и средств меняются и цели существования.

По Герцену, развитие человечества не может быть запрограммированным, потому что меняются конкретные условия жизни. Выделяя такие факторы движения, как воля людей, различные обстоятельства, климат, Герцен обращал внимание на непредсказуемость «взаимного действия естественных сил и сил воли». «Если б человечество шло прямо к какому-нибудь результату,

тогда истории не было бы, а была бы логика»[34]. Герцен неоднократно отмечал, что главные силы, от которых зависит будущее – это обстоятельства и люди[35]. Со временем расширяются средства, усложняются пути, усиливается разнородность развития. Вывод, который можно сделать из этой мысли Герцена, – движение народов идет не от многообразия к единообразию, некоему общему идеалу, установлению универсальной социальной модели, а по пути расширения многообразия. Эта мысль Герцена является фундаментальной идеей его концепции общественного развития.

Одной из основных тем работ Герцена было соотношение теоретической мысли и реальной действительности. Он находил два противоречия между идеями и реальностью. Первое – жизнь может быть слишком далека от теоретического, книжного знания, она не содержит условий для их применения. Развитие идей имеет свою логику. Мир идей создает небольшой круг образованных людей, интересующихся общими проблемами. Если нет возможности для воплощения идей в жизни, они имеют научное значение[36]. Невостребованные научные знания не оказывают никакого влияния на действительность. Второе – жизнь людей имеет свои основания и логику развития, не совпадающие с «диалектикой чистого разума». Развитие цивилизаций происходит непредсказуемо. Вместо гуманистических идей, развиваемых мыслителями, общество осуществляет иные модели, которые резко изменяют условия его существования.

Герцен в конце 40-х гг. был убежден, что движение человечества не запрограммировано, фатально не обусловлено законами. Демоническое начало истории может осмеять науку, хохотать над теорией. Идеи могут быть неприложимы к действительности. История нередко демонстрировала полное бессилие мысли «над миром – глухим, немым, бессильным схватить мысль спасения так, как она высказывается ему...»[37]. И мысль, и действительный мир имеют свою историю. Невозможно утверждать, что развитие мира должно происходить только под влиянием мысли, и тогда оно будет застраховано от ошибок. Неверно отрицать и желательность учета научных изысканий в решении жизненных задач. Герцен не признавал постановки вопроса об истинности только одного пути. Развитие многообразно. «Вся эта запутанность выходит из того, что жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума»[38].

Противоречие между мыслью и жизнью Герцен видел также в том, что жизнь не всегда соответствует идеалам, поставленным

могут учесть всего ее разнообразия. Кроме того, жизнь не торопится обновлять формы, давая простор полному развитию уже существующих явлений[39]. Как Герцен объяснял импровизацию истории? По его мнению, люди - не колеса в машине, они обладают нравственной свободой. Импровизация истории возможна только в процессе деятельности людей. Другая причина обновления жизни утверждал Герцен, заключается в непрерывном движении всего живого[40]. Герцен видел цель истории не в будущем, а в настоящем. В его представлении настоящее включает в себя наследие прошлого, но оно имеет новое оформление. История редко повторяется, она импровизирует. В каждый исторический миг жизнь стремится к полной реализации. Жизнь «всякий раз вся изливается в настоящую минуту и, наделяя людей способностью наслаждения насколько можно, не боится ни жизни, ни наслаждения, не отвечает за их продолжение»[41].

Как видно, философия истории Герцена отрицала существование predetermined свыше модели развития. Герцен настаивал на разумном осмыслении реальных проблем развития общества, не закрываясь от них абстрактными схемами. Он позитивно воспринимал взаимообогащение культур, если оно приближало к решению задачи сделать жизнь человека человеческой. Восприятие универсальных ценностей, идей элементов опыта общественного и технического развития, по Герцену, могло стать одним из необходимых условий жизни человека, стремящегося к самопознанию и, следовательно заинтересованного в независимости мышления, «самозаконности личности», «сознательном деянии», достойном уровне жизни. Мысли Герцена о том, что жизнь народа далеко не является продуманной реализацией чьих-то идей и программ, объясняла его отношение к процессу взаимодействия народов как многофакторному, имеющему различные последствия.

Герцен, уверенный в непредсказуемости хода развития народов, не считал возможным прогнозировать будущее. Он предполагал, что идейная работа образованного меньшинства может быть не востребована следующими поколениями, которые пройдут мимо идей и идеалов мыслителей. Классические западники стремились избежать фантазий о будущем России, уверенные в том, что нельзя загонять цивилизацию в прокрустово ложе теории.

Библиографический список:

1. Гуйван П.Н. Философия истории А.И. Герцена: Автореф... канд. филос. наук. Л., 1986 С. 4-7.
2. Володин А.И. В поисках революционной теории. М., 1962; Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973; Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1983; Смирнова З.В. Герцен и Гегель (50-60-е годы) // Гегель и философия в России. М., 1974. С. 88-106.
3. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. Т. 2. Избранные статьи. М., 1993. С. 95-130; Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Пг., 1921; Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973; Володин А.И. Об историософии Герцена // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 82-89; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997; Хестанов Р. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М., 2001.
4. Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 129.
5. Шпет Г. Указ. соч. С. 46-48.
6. Там же.
7. Герцен А.И. Ответ русской даме // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 томах. М., 1954-1966. Т. 14. С. 72-73.
8. Володин А.И. Об историософии Герцена... С. 85.
9. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Указ. соч. С. 97.
10. Там же. С. 100-101.
11. Хестанов Р. Указ. соч. С. 152.
12. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Указ. соч. С. 97.
13. Там же.
14. Хестанов Р. Указ. соч. С. 152.
15. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России... Т. 7. С. 245.
16. Там же. С. 237.
17. Герцен А.И. Дневник 1842-1845... Т. 2. С. 217-218.
18. Он же. Ответ русской даме... Т. 7. С. 73.
19. Он же. Дневник 1842-1845... Т. 2. С. 310.
20. Там же. С. 318-319.
21. Герцен А.И. Былое и думы... Т. 10. С. 171.
22. Он же. Дилетантизм в науке... Т. 3. С. 84.
23. Там же.
24. Там же. С. 84-85.
25. Там же.

26. Там же. С. 86.
27. Там же. С. 85.
28. Герцен А.И. С того берега... Т. 6. С. 31.
29. Там же.
30. Там же. С. 34.
31. Там же. С. 35.
32. Там же.
33. Там же.
34. Там же. С. 34.
35. Там же. С. 36.
36. Там же. С. 51.
37. Там же. С. 29.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же. С. 39.
41. Там же.

Е.Е.Белова
*Ярославский
филиал Московской академии
предпринимательства
при Правительстве г. Москвы*

Организация общественного призрения престарелых, больных и инвалидов в Ярославской губернии в конце XIX - начале XX века

Феномен отечественной благотворительности необходимо рассматривать как особое социальное явление. Это была важная сфера жизни дореволюционного общества, где проявляли себя многие люди, осуществившие крупные начинания в деле призрения.

С переходом России к капитализму благотворительность стала приобретать характер частных и общественных добровольных пожертвований. Это объясняется, прежде всего, появлением в общественном сознании гуманистических идей, идеи государственности.

Однако дело общественного призрения в конце XIX в. «...в настоящей его постановке заключало в себе конкретные недостатки и требовало обновления» [1]. Именно поэтому в ноябре 1892 г. была создана особая правительственная Комиссия по пересмотру действовавшего законодательства об общественном призрении под председательством статс-секретаря К.К. Грота. Он являлся инициатором дела призрения и обучения слепых, а также основателем попечительства о слепых, Костромско-Ярославское отделение которого существовало в г. Ярославле [2].

В комиссию вошли представители ведомств, имеющие отношение к организации дела призрения, профессора, учёные, представители печати, которые следили за деятельностью благотворительных организаций, а также «...несколько лиц, близко стоящих к практике этого дела» [3].

Целью работы комиссии стал «...пересмотр ныне действующих законов о призрении бедных, а также составление проекта законодательных мер по призрению» [4]. Главный вопрос заключался в том, как на практике организовать дело призрения.

Следует подчеркнуть, что на момент создания Комиссии (к 1892 г. – прим. авт.) существовал Устав об общественном призрении, который входил в Свод Законов Российской империи [5]. Как законы об общественном призрении, так и большая часть статей, касающаяся частных пожертвований, были заимствованы из законодательства 1811, 1816, 1821 гг., положения которого не соответствовали российской действительности конца XIX века. Таким образом, необходимо было выработать новые законодательные аспекты и нормы, которые бы регулировали дело общественного призрения и частную благотворительность.

Положение об общественном призрении в городах и уездах разрабатывал профессор всеобщей истории В.И.Герье, который являлся инициатором создания попечительств в Москве, был известным либеральным общественным деятелем Московского городского управления, гласным городской Думы [6].

Следует отметить, что Комиссия предложила оригинальное нововведение в дело призрения, а именно: ввести уплату страховой премии, «которая бы обеспечивала дело призрения от всяких случайностей и не обременяла бы государственное казначейство новыми расходами...» [7]. Введение этой премии обосновывалось тем, что государственное призрение помогало каждому нуждающемуся, который находился на территории государства, независимо от пола, возраста и социального положения.

В этой мере заметно стремление государства создать прочную материальную базу для благотворительных учреждений, причём за счёт самих же граждан. В конце XIX в. и особенно в начале XX в. можно отчетливо проследить стремление государства воздействовать на систему общественного призрения. По мере укрепления государственной идеи правительственная власть убеждалась в необходимости общественного призрения бедных как отрасли государственного управления, требующей от неё устройства и регламентации.

Государственное воздействие на систему общественного призрения выразилось, главным образом, в субсидировании учреждений общественного призрения, а также в разрешении их деятельности, в утверждении уставов новых благотворительных обществ. (С 1862 г. министр внутренних дел разрешал учреждать благотворительные учреждения частным лицам и обществам, а с 1869 г. Министерству внутренних дел прямо разрешалось утверждать уставы обществ и частных благотворительных учреждений).

Принципиально важным моментом было и формирование особой идеологии, когда быть членом благотворительного общества, заниматься благотворительностью стало престижно в обществе. Сначала дворянская аристократия, затем промышленники, купцы вкладывали средства в благотворительные дела, стремясь зарекомендовать себя в глазах общественности. К этому непрестанно подталкивала печать, всё активнее влияющая на общественное мнение. Несомненно, что данная идеология была связана с внедрением в общественное сознание идей человеколюбия, таких, как природное равенство людей, пробуждение достоинства личности и искоренение грубости нравов через распространение образования и правильного воспитания. Эта идеология была связана также с традиционным религиозным пониманием благотворительности, осуществление которой диктовалось внутренней потребностью «пособить сирым и убогим», что вело к выделению частными лицами средств на устройство богоугодных заведений. Издавна «любовь к ближнему полагали прежде всего в подвиге сострадания к страждущему, её первым требованием признавали личную милостыню. ...Благотворительность была необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. ...В древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать уменье и навык любить человека» [8]. Это традиционное религиозное понимание благотворительности сохранялось в российском обществе и на рубеже XIX – XX вв. отличалось от обычной подачи милостыни своими масштабами.

Необходимо отметить, что всё общественное устройство в России, социальная среда и формы общественной деятельности были пропитаны сословно-чиновной атмосферой и мелочным административным регулированием. Русское общество было строго ранжировано. Иерархическая система общественных отношений играла большую роль в деятельности капиталистов, занятых «делами благотворения». Как писал в конце XIX в. министр финансов России С.Ю.Витте, «изящные искусства, литература, наука, прикладные знания, промышленность, торговля, сельское хозяйство, общественное управление, благотворительность – всё это у нас в России состоит на государственной службе, если не целиком, то во всяком случае в значительной своей части» [9]. Все формы общественных занятий: служба в городских, земских, сословных или профессиональных организациях, участие в деятельности благотворительных обществ, членство в попечительных советах

школ, училищ, «домов призрения», приютов и т.д. – считались «государственным делом» и регулярно поощрялись властью, включая и награждение крупных благотворителей. Государство старалось стимулировать развитие общественных институтов, часто само не вкладывая в это дело ни копейки.

Помощь бедным и неимущим осуществлялась через государственное призрение, общественную благотворительность, а также посредством помощи со стороны частных лиц. Всё зависело от источника финансирования. Но государство в одиночку было неспособно оказать достаточную материальную помощь социально обездоленным, хотя его несомненной заслугой было утверждение в обществе престижа «благих деяний», а также создание благоприятных условий для деятельности общественной и частной благотворительности, которые получили в России широкое распространение. Основываясь на критерии благотворительной помощи, все благотворительные заведения конца XIX - начала XX в. можно условно разделить на несколько больших групп.

Во-первых, это заведения для постоянного призрения взрослых нуждающихся (богадельни, дома призрения, убежища и приюты для взрослых, инвалидные дома и др.).

Во-вторых, это заведения либо для временного призрения взрослых, либо для оказания специальных видов призрения (ночлежные дома, дешёвые и бесплатные столовые, квартиры для бедных, дома трудолюбия и др.).

В-третьих, это лечебные благотворительные заведения (больницы, лечебницы, санатории).

В-четвёртых, это заведения для призрения и воспитания детей (детские приюты, убежища, сиротские и воспитательные дома, ясли, мастерские, рукодельни, общежития для учащихся).

И, наконец, в-пятых, это образовательно-воспитательные заведения для взрослых (воскресные школы, народные театры, исправительные приюты для падших женщин).

Современники подразделяли общественное призрение в России конца XIX в. на две категории в соответствии с тем, от кого исходила помощь нуждающимся. С одной стороны, это призрение сословное, которое оказывалось учреждениями отдельных сословий общества; с другой стороны, это призрение внесословное или общественное, входившее в обязанности земств и городов [10]. «Благотворительность в виде общественного призрения, - отмечалось в докладе Комиссии К.К.Грота, - является на помощь лишь тогда, когда нуждающийся не может пользоваться поддержкой

своих родственников» [11]. Если нуждающийся не мог получить помощь от родственников, он должен был получить её от сословия, к которому он принадлежал. Помощь нуждающемуся со стороны его сословного учреждения была обязанностью этого учреждения.

Однако крестьянские, мещанские и ремесленные учреждения, т.е. учреждения наиболее нуждавшихся сословий, не всегда могли оказать помощь нуждавшимся членам своих сословий, поэтому они освобождались от призрения лиц их сословий в некоторых случаях. Во-первых, когда эти лица нуждались в специальном попечении в лечебных воспитательных, исправительных и т.п. заведениях. Во-вторых, когда они потеряли право на призрение в данной местности за давностью отлучки, не менее 10 лет [12]. В этих случаях средства на призрение выделяли земские и городские учреждения. Преобразование местного управления в ходе земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформ, а также бурное развитие капитализма России в пореформенный период укрепило материальную базу самоуправления и создало определенные предпосылки для решения социальных вопросов, в частности строительства больниц. Следует отметить, что помощь больным и инвалидам – это одно из направлений деятельности благотворительных организаций и учреждений Ярославской губернии.

Больница, в отличие от приюта или воспитательного дома, не является благотворительным заведением. Однако в больницах, в том числе и городских, неимущие больные лечились при помощи благотворительных организаций и обществ. «Больницы приказа общественного призрения, - по замечанию Б. Веселовского, - напоминали собой не лечебницы, а скорее богоугодные заведения» [13] и предназначались почти исключительно для малообеспеченных слоёв населения, не имевших возможности пригласить вольнопрактикующего врача. Лечение неимущего больного оплачивали либо общественные благотворительные организации, либо уездные полицейские управления как органы местного управления, находящиеся в ведении Министерства внутренних дел, наряду с Приказами общественного призрения.

Несмотря на то, что в больнице при Ярославском Приказе общественного призрения находились аптека, лаборатория и ванные комнаты, условия содержания больных в данном лечебном заведении были неудовлетворительными. Это объяснялось тем, что больница к 1870-м годам обветшала и не соответствовала современным требованиям. Поэтому в 1875 г. в здании больницы проводились ремонтные работы. В ваннных комнатах были

проведены печные работы, была улучшена приёмная комната. В аптеке и лаборатории заменили пол. Кроме того, при больнице построили погреб для хранения овощей [14]. На такие строительные работы у Ярославского Приказа общественного призрения средств не было. Только частные пожертвования могли финансировать подобные работы. Все расходы по переустройству здания больницы Приказа взял на себя ярославский купец второй гильдии В. Моснёв [15].

В больнице при Ярославском Приказе общественного призрения проходили лечение больные различных слоёв общества и различных профессий. Так, в сентябре 1864 г. там лечились больные «ввинских чинов Ярославской телеграфной станции» [16]. Причем в данном случае они не платили за своё лечение. Это сделало предприятие, на котором ранее работали люди, получившие лечение. В том же году лечение мещан оплачено не было, поэтому Приказ общественного призрения писал в адрес Ярославского губернского правления, «... чтобы оно сделало распоряжение о взыскании с ярославского городского общества денег за лечение в больнице Приказа мещан г. Ярославля» [17]. Лечение крестьян в больнице Приказа общественного призрения, как правило, оплачивалось из средств уездных полицейских управлений.

Значительное внимание в обществе уделялось призрению инвалидов. В частности, в больнице при Ярославском Приказе общественного призрения постоянно содержались инвалиды, у которых не было ни пенсии, ни заработка и которые были неспособны работать, чтобы прокормить себя. Например, постоянно в больнице Приказа содержался подпоручик А. Соковнин, у которого был паралич нижних конечностей, который был отправлен в отставку, но пенсии не получал [18]. Точное количество таких постоянных больных неизвестно, но только в больнице Приказа их было десятки.

Существовали и особые благотворительные организации для призрения инвалидов. Наиболее значительным и действовавшим активно как в конце XIX в., так и в начале XX в. было состоящее под августейшим покровительством её императорского величества императрицы Марии Александровны попечительство о слепых. Одним из основателей призрения слепых в России был статс-секретарь К.К. Грот. В Ярославской губернии действовало Костромско-Ярославское отделение этого общества.

Основу деятельности ярославского отделения попечительства о слепых составляла деятельность училища для слепых детей,

существовавшего при отделении попечительства, которое находилось в г. Ярославле. Это было училище для девочек, инвалидов по зрению. Дети принимались в училище в возрасте от 5 до 14 лет и выпускались в 18-22 года [19]. Было открыто четыре класса: подготовительный, первый, второй, третий, а также пятый - ремесленный. Перечень предметов, которым обучали воспитанниц, соответствовал программе курса народных школ. Вместе с тем, существовал ряд специальных занятий для слепых детей. Это были предметные уроки, где девочки узнавали об окружающем их мире, о вещах, которыми они пользовались, а также специальные фреблевские занятия, которые развивали органы чувств. Фреблевские уроки предполагали занятия плетением, вышиванием, вязанием.

Но, несмотря на то, что девушки получали начальное образование и овладевали рукоделием, они не могли самостоятельно устроиться в жизни после окончания училища. В 1896 г. из одиннадцати выпускниц училища только одна была взята своей матерью – вдовой полковника. Остальные десять, принадлежавшие крестьянскому сословию, не могли вернуться в свои семьи [20]. Поэтому деятельность попечительства о слепых была направлена не только на обучение слепых, но и на их призрение.

В 1896 г. на артельных началах было организовано общежитие для выпускниц училища для слепых. Отмечалось, что «учреждение общежития – единственная мера, чтобы устроить судьбу слепой работницы и дать ей возможность применить на деле приобретенные знания» [21]. Общежитие находилось в одном из деревянных флигелей училища. Одновременно местное отделение попечительства предоставило для артели слепых квартиру «с отоплением, освещением, стиркою белья, прислугой и столом» [22].

В артели девушки изготавливали щётки (существовали договоры с предприятиями данного профиля), а также занимались рукоделием, применяя на практике умения, полученные в училище [23].

Трудовая деятельность была неременным условием для содержащихся в артели слепых, поскольку расходы по содержанию в общежитии покрывались из заработка работниц. Ежемесячно из заработка каждой работницы высчитывалось по 6 рублей за содержание в общежитии. Остальные деньги перечислялись на книжку сберегательной кассы Государственного банка, которая была у каждой работницы. В целом данное общежитие существовало за счет частных пожертвований.

Наряду с призрением больных и инвалидов общественные благотворительные учреждения Ярославской губернии в конце XIX - начале XX вв. большое внимание уделяли организации помощи престарелым, которые нуждались в приюте и уходе. Основная цель деятельности общественных и государственных организаций по призрению престарелых заключалась в том, чтобы не допустить, чтобы нищий старый человек «дошел до бродяжничества и прошения милостыни»[24].

Как правило, с целью призрения нищих стариков создавались богадельни и приюты для престарелых. В конце XIX века в г. Ярославле насчитывалось 9 богаделен. Среди них были городская богадельня на 118 человек, богадельня ремесленного общества на 19 человек, богадельня Пастухова, открытая в 1873 г., на 50 человек, а также Старообрядческая богадельня при Леонтьевском кладбище, богадельня Приказа общественного призрения, Закоторосная богадельня, находившаяся на улице Бутырской и содержавшаяся на средства Н.И.Вахрамеевой, Палата Грязевых для призрения престарелых женщин, созданная по завещанию вдовы майора И.И.Грязевой при Ярославском Екатерининском Доме призрения ближнего, приют для престарелых, находившейся в ведении Ярославского общества вспомоществования бедным. В каждой из богаделен было мужское и женское отделение. Как видно из перечня богаделен г. Ярославля, большую часть этих учреждений составляли частные учреждения, созданные и содержавшиеся на средства, как правило, представителей купечества. Вместе с тем, существовали и учреждения так называемой государственной благотворительности. Такими были городская богадельня и богадельня Приказа общественного призрения.

В богадельню Приказа общественного призрения принимались престарелые люди старше 50 лет и лишь при наличии документов [25]. Паспорта всех проживающих в богадельне хранились в Приказе общественного призрения. После 1887 г. (когда Приказы общественного призрения были упразднены) функции Приказа по размещению престарелых в богадельню и их содержанию там перешли к городской управе.

Прежде чем поместить человека в богадельню, выяснялось, нет ли родных у нуждающегося, которые могли бы оплатить содержание своего престарелого родственника в богадельне. Правительственные организации неоднократно заявляли, что оказание помощи нищим родственникам – это прямая

обязанность граждан [26]. Нередко вместо размещения в богадельне Приказ общественного призрения выделял родственникам престарелого денежное пособие на его содержание. Рассмотрим один из подобных случаев.

Некая А.Л.Курдюмова (о её социальном положении не упоминается) обратилась в Приказ с просьбой зачислить её мать У.М.Бенедиктову в богадельню, поскольку её мать «... в преклонных летах и по расстройству здоровья требует медицинского пособия и особого ухода» [27]. В данном случае, поскольку свободных мест в богадельне не оказалось, было решено «произвести из казны денежного пособия», а Бенедиктову оставить на попечении её дочери.

Социальный состав престарелых, содержащихся в богадельнях, был разнообразным. Большую часть призываемых составляли крестьяне и их вдовы [28]. Вместе с тем, в богадельнях содержались мещане, а также военные низших чинов или рядовые в отставке и их вдовы (солдатки) [29]. Отставные военные помещались в богадельни по просьбе Управления Ярославского Губернского Военного начальника в связи с неизлечимой болезнью, а также «по дряхлости и преклонности лет». Например, в богадельню Приказа общественного призрения рядовой Семён Маслов был принят, поскольку был «... одержим падучею болезнью», а отставной рядовой Иван Челушкин «состоял на казенном содержании, но по своей старости не мог оставаться без присмотра» [30].

Нередки были случаи, когда Ярославским городским полицейским управлением в богадельни присылались бродяги преклонного возраста. По закону этим людям грозило тюремное заключение за бродяжничество, однако по старости лет и болезни осужденного отправляли в богадельню [31].

Следует отметить, что, хотя общество и государство активно помогало старикам, содержащимся в богадельнях, тем не менее, определение в богадельню считалось в обществе нежелательным окончанием жизни старого человека. Не случайно, те, кто призревался в богадельне, и кто имел родственников, нередко использовали шестимесячный отпуск для посещения своих родственников, который предоставлялся им с разрешения Приказа общественного призрения [32].

Цивилизованность и гуманизм общества определяются не в последнюю очередь тем, как это общество относится к больным, инвалидам и старикам. На рубеже XIX – XX вв. в Ярославской губернии складывается настоящая система попечительства,

способная помочь человеку любого возраста, попавшему в беду. Общественное призрение было делом общества и общественных учреждений, а попечение о тех, кто нуждался в помощи, со стороны общественных сил приносило ощутимые и действенные результаты, но только при условии чёткого контроля и управления со стороны органов государственной власти.

Библиографический список:

1. ГАЯО.Ф.83.Оп.2.Д.48.Л.7.
- 2.Отчет Костромско-Ярославского отделения, состоящего под покровительством императрицы Марии Александровны попечительства о слепых за 1886-1889 гг. Кострома,1889. С.4.
3. ГАЯО.Ф.83.Оп.2.Д.48.Л.8.
- 4.Там же. Л.10-11.
- 5.Свод Законов. Т.ХIII, изд. 1892: цит. по: ГАЯО.Ф.83.Оп.2. Д.48.Л.15.
- 6.Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1991. С.74.
- 7.ГАЯО. Ф.83.Оп.2.Д.48. Л.54.
- 8.Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси.- Сергиев Посад,1892. С.2-3.
- 9.Отдел рукописей Российской Государственной публичной библиотеки. Ф.58.Оп.1.Папка 28.Д.6.Л.29 об.: цит. по: Боханов А.П. Коллекционеры и меценаты в России. М.,1989.С.215.
- 10.ГАЯО.Ф.83. Оп.2.Д.48.Л.97-98.
- 11.Там же. Л.116.
12. Там же. Л.118.
- 13.Веселовский Б. История Земства за 40 лет. Т.1. СПб., 1909. С.267.
- 14.ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1336. Л.94.
15. Там же. Л.96 об.
16. Там же. Л.113об.
17. Там же. Л.127.
- 18.Там же. Л.71.
- 19.Отчёт Костромско-Ярославского отделения, состоящего под августейшим покровительством её императорского величества императрицы Марии Александровны попечительства о слепых.- Кострома, 1896.- С.7.
- 20.Там же. С.11.
- 21.Там же. С.13.
22. Там же. С.20.

23. Там же. С.31.
24. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1332. Л.114.
25. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1325. Л.14.
26. ГАЯО. Ф.83. Оп.2. Д.48. Л.96.
27. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1332. Л.112.
28. ГАЯО. Ф.83.- Оп.1.- Д.1325. Л.73; ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1332. Л.65.
29. Там же. Л.76; там же. Л.66 об.
30. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1332. Л.89 об.
31. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1336. Л.98.
32. ГАЯО. Ф.83. Оп.1. Д.1325. Л.47.

А.М. Новоторцева
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Правительственные мероприятия по выбору системы промыслового налога в России в конце XIX – начале XX в.

Начало 80-х гг. XIX в. было тяжелым периодом в финансово-экономическом развитии России. Некоторое оживление в промышленности и поступлении государственных доходов после русско-турецкой войны временно приостановилось, а неурожай хлеба 1884-1885 гг. повлекли торговые банкротства и закрытие многих фабрик и заводов в промышленных районах страны. В этой связи министр финансов Н.Х. Бунге в рамках общей политики протекционизма определил курс на подъем благосостояния населения и пополнения казны путем установления подоходного налога. Однако он не сразу приступил к коренным преобразованиям, а установил ряд частных налогов в качестве переходных мер. Среди них был налог на доход с процентных бумаг, процентный и раскладочный сборы с промышленных предприятий и частично налог с имущества, переходивших в собственность безвозмездными способами [1]. Министр финансов И. А. Вышнеградский продолжил экономический курс Н.Х. Бунге и в 1887-1891 гг. в целях пополнения бюджета страны увеличил ставки уже существовавших промышленных сборов. В результате действовавшая налоговая система в России по-прежнему не смогла соответствовать началам равномерности и справедливости в обложении и требовала дальнейшего усовершенствования [2].

В 1890-е гг. С.Ю. Витте наметил курс на скорейшее превращение России из преимущественно сельскохозяйственной страны в аграрно-индустриальную. Это также требовало от финансовых чиновников проведения гибкой и взвешенной налоговой политики, поэтому вопрос о пересмотре действовавшей системы обложения промышленности в конце XIX в. приобрел свою актуальность, как и в других странах Европы. Во второй половине XIX в. европейские государства по политическому и общественному устройству стремились сблизиться друг с другом. Научная разработка финансовых вопросов с последующей налоговой

практикой должны были вести к сближению налоговых законодательных систем. Россия также стремилась частично воспринять законодательный опыт ряда европейских стран в области взимания промышленных сборов. Но промысловый налог так и не стал единообразным и продолжал взиматься в различных государствах по совершенно разным налоговым системам. К концу XIX в. в Западной Европе сложились три основные системы устройства промыслового налога. Одной из них была *патентная система*, возникшая во Франции в 1791 г. С 1812 г. она действовала в Австрии, а также в германских и итальянских государствах до их объединения. В 1824 г. данная система была заимствована Россией и с тех пор составляла основу ее торгово-промышленного обложения. Патентная система представляла собой государственный налог, взимаемый за право торговли и других промыслов, рассчитанный на небольшое число классов или разрядов торгово-промышленных предприятий. Ставка налога устанавливалась по внешним признакам их вероятной доходности без строгого соотношения с действительными размерами оборотов и чистой прибылью [3]. При таком устройстве налога было возможно достигнуть лишь приблизительной равномерности по классам или разрядам промышленных заведений, но не по отношению к каждому плательщику или предприятию. Для того, чтобы сгладить возникшие недостатки патентной системы, необходимо было прибегнуть к дополнительным сборам с торговых и промышленных предприятий. В этой связи в 1885 г. в России были установлены *два вида дополнительного сбора: процентный* - с чистой прибыли акционерных предприятий, обязанных публичной отчетностью, и *раскладочный* - с предполагаемой прибылью всех остальных торговых и промышленных предприятий. *Раскладочная система*, которая существовала в Англии, Италии и Пруссии, была знакома России с самых древних времен. При помощи этой системы взималась дань татарам, затем раскладочный порядок применялся в «московский» период, когда все прямые налоги раскладывались «по животам и промыслам», а также с крестьян в связи с круговой порукой. В 1885 г. российское налоговое законодательство вернулось к раскладочной системе, но уже без круговой ответственности [4].

Наконец, третья система налога с торговли и промышленности - *подходный налог*, родоначальницей которого являлась Англия. Он был введен в ней в 1842 г., а с 1877 г. действовал в Италии. Отдельные элементы этой системы имели место и в России. Основу подходного налога составляли, во-первых, обязательные

декларации или заявления плательщиков о своих доходах, а также высокие штрафы за неподачу заявлений или неправильное их составление. Во-вторых, строгие оценки доходов податными учреждениями с правом не только пользоваться торговыми книгами, но и различными следственными приемами - допросом посторонних лиц и приведением к присяге свидетелей и плательщиков[5].

В 1892 г. вопрос о создании единой системы промыслового налога на основе одной из существовавших налоговых систем в стране - патентной, окладной и подоходной, стал особенно актуальным. С этой целью была образована специальная Комиссия под председательством В.И. Ковалевского, с 1893 г. директора Департамента торговли и мануфактур при Министерстве финансов. В нее вошли члены от всех заинтересованных правительственных ведомств, представители биржевых комитетов и купеческих управ, некоторые управляющие казенными палатами, а также лица, ознакомленные с фактическим положением торговых, кредитных и промышленных предприятий. Подвергнув всестороннему рассмотрению возможность такого перехода, Комиссия приняла решение отказаться от него по следующим практическим соображениям.

Во-первых, для правильного подоходного обложения необходим был точный учет доходов, предполагавший обязательное ведение плательщиками торговых книг и составление на их основании отчетности с последующей их проверкой. Установление такого порядка и распространение его на неотчетные частновладельческие предприятия представлялось комиссии мало реальным из-за бытовых и этнографических условий. На огромных окраинах страны большинство населения не было русскоговорящим и состояло из полуграмотных и совершенно неграмотных лиц [6].

Выделить из их дохода промысловую прибыль без учета по торговым книгам было невозможно, точно также как и предоставить широкое право податным учреждениям пользоваться всей торговой документацией. Это бы нарушило соблюдение коммерческой тайны. Кроме этого большинство мелких торговцев и ремесленников вообще не вели каких-либо записей о своей ежедневной выручке, а если и вели, то они не являлись достаточными источниками для определения чистой прибыли предприятия.

Во-вторых, двенадцатилетний опыт применения в России элементов подоходного обложения, то есть процентного сбора с акционерных, пасых и прочих предприятий, обязанных публичной отчетностью, показал, что из небольшой группы крупных

плательщиков сбора ежегодно 20-25% заявляли о бездоходности своих предприятий. Отчасти это было обусловлено искусными бухгалтерскими приемами составителей отчетов и балансов, поэтому одна лишь документальная проверка торговых и промышленных компаний была не в состоянии обнаружить действительное положение их финансовых дел.

Например, в семейных товариществах чистая прибыль могла быть обнаружена не только путем просмотра и ревизии торговых книг, но и с помощью обозрения самих заведений и складов на местах. Данный налоговый контроль мог обойтись казне слишком дорого, а для торговли и промышленности он был бы не менее стеснительным. При этом следовало учитывать довольно частые резкие колебания промышленных доходов, влиявшие на бюджетные предложения казны. Их приблизительность и неточность вынуждала бы покрывать возможные недоборы за счет взимания налогов с других, менее доходных источников.

В-третьих, применение подоходного обложения только к торговым и промышленным заведениям как к наиболее сложным областям экономической деятельности, но не единственным имущественным источникам, было бы несправедливо, поскольку имелись и другие имущества -- земли и дома, облагавшиеся в России без строгой соотнесенности с доходностью. До того времени, когда подоходный налог станет всеобщим, предлагалось усовершенствовать существовавшие налоги и извлекать из них все возможные выгоды без ущерба народному хозяйству[7]. В результате мнение Комиссии совпало с точкой зрения Государственного совета, который еще в 1884 г. отверг предложение Министерства финансов о введении дополнительного подоходного обложения в процентной форме со всех торговых и промышленных предприятий, как акционерных, так и частновладельческих, и нашел организацию таких сборов несвоевременной, затруднительной для плательщиков и рискованной для казны. Интересно, что поводом к этому частично послужили заявления представителей крупного купечества -- биржевых комитетов, из которых 22 из 24 отнеслись тогда отрицательно к введению в России подоходного обложения промышленности и торговли. С одной стороны, они опасались слишком активного вмешательства податных учреждений в свои частные дела, а с другой -- не надеялись на действительно справедливое обложение своих истинных доходов с помощью новых приемов[8]. В 1898 г. начался новый этап законодательной активности, который показал, что действовавшая в России система

обложения торговли и промышленности была выражена в двух совершенно самостоятельных налогах. К одному из них относился сбор за право торговли и других промыслов, взимавшийся в виде пошлин по родам и видам торговых и промышленных действий на основании внешних признаков (так называемая патентная система). К другому - дополнительный сбор с торговых и промышленных предприятий, облагавшихся сверх пошлин процентным сбором с чистой прибыли и раскладочным - с предполагаемой (подходная система) [9].

Данный период был отмечен своеобразным подведением итогов и оглашением результатов налоговой политики власти за последние тринадцать лет. В этой связи в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» были подробно представлены основания для проведения новых преобразований в области промышленного обложения. В своей аргументации очередного проекта представители Министерства финансов начали с критических замечаний и выявления слабых сторон действовавших в России налоговых норм. Недостатки раскладочного сбора они разделили на две части: общие недостатки, свойственные любой раскладочной системе, и недостатки, присущие лишь российской податной практике.

Ими были выделены четыре основных критических момента: сложность раскладочной системы; отсутствие твердых оснований к распределению сумм раскладочного сбора между городами, уездами и участками; правила об определении доходности предприятий; а также фиктивность права плательщиков сбора предоставлять возражения на раскладку и подавать жалобы на неправильные постановления губернских податных присутствий. Принимая во внимание все эти несовершенства, в наличии раскладочной системы признавалась и существенная польза. Например, она положила начало промысловому кадастру, без которого невозможно было достигнуть равномерности промыслового обложения [10].

Много нареканий вызывали сроки платежа, а также связанные с ними правила. Вместе с тем его однообразный 5% размер со всех отчетных предприятий актуализировал вопрос о допущении в нем, хотя бы незначительной прогрессии в зависимости от показателя абсолютной прибыли или величины дивиденда. В итоге 5% сбор был признан необходимой составной частью промыслового обложения, способного обеспечивать интересы казны, а его усовершенствование могло способствовать тому, чтобы прибыль акционерных и пасвых предприятий не скрывалась по их отчетам и не ускользала от

налоговых взысканий. Сбор за право торговли и других промыслов (патентная система) критиковался за свою несоотнесенность не только с размерами предприятий, но и с их количеством, что свидетельствовало о его крайней неравномерности. Он являлся частью устаревшей, не соответствовавшей современным условиям системы распределения местностей по классам. В целом чиновники финансового ведомства не видели обременительности в общем переобложении торговли и промышленности в России в конце XIX в. и демонстрировали это со ссылкой на статистические данные. Отчасти ими рисовалась идеалистическая картина достижения главных принципов промыслового налога, что нашло отражение в задачах по его реформированию[11].

Среди основных признаков указывалось, что всякий государственный налог должен быть в достаточной мере определен и заранее известен плательщикам, равномерен на всей территории государства и соотнесен с платежными силами населения. Способствуя увеличению казенного дохода в соответствии с естественным развитием облагаемых источников, он не должен был вызывать при этом необходимости у финансовой администрации слишком часто менять общие и частные законодательные нормы. Кроме этого необходимо было облегчить положение мелких и «слабых» предприятий и промыслов за счет усиления обложения крупных доходных предприятий, пользовавшихся ничем неоправданными податными льготами[12]. В итоге проект нового налогового закона не предполагал окончательного перехода к единому подоходному способу обложения в России и продолжал основываться на старом, подразумевавшем единство трех налоговых систем (патентной, окладной и подоходной). В этой связи данный проект нельзя было рассматривать как реформу, поскольку действовавшего порядка в обложении он не нарушал и не подвергал его сколько-нибудь кардинальным изменениям. Главное внимание законодателей было обращено на объединение в нем разнородных частей, между которыми не было надлежащей связи, и на введение возможной уравнительности[13]. Вопрос о пересмотре действовавшего закона о промысловом налоге по Положению от 8 июня 1898 г. вновь был поставлен на обсуждение в 1903 г., поскольку в течение его пятилетнего применения в нем были замечены серьезные недостатки. В этой связи Министерство финансов решило не ограничиваться решением одних только частных вопросов, а заняться пересмотром всего Положения. В 1904 г. при Министерстве финансов было созвано межведомственное

совещание с участием представителей промышленности и торговли. Однако его работа была прервана событиями первой русской революции в мае 1905 г [14]. В октябре 1905 г. министр финансов в целях усиления ресурсов казны внес в Государственный совет проект временного закона о промысловом налоге, предусматривавший значительное повышение существовавших сборов в большей степени с отчетных предприятий и устанавливавших новое прогрессивное подоходное обложение занятых в их деятельности лиц. Данное представление Министерства было одобрено законодательной властью и получило утверждение в виде закона об изменении некоторых постановлений о государственном промысловом налоге 2 января 1906 г., но было ограничено двухлетним сроком до 1 января 1908 г. Несмотря на протесты со стороны торгово-промышленного класса в лице Совета съездов представителей промышленности и торговли, действие этого закона было продлено еще на два года до 1 января 1910 г. В 1908-1910 гг. Министерство финансов предприняло попытку пересмотра действовавших узаконений о промысловом обложении. Главные основания предварительных предложений, на которых предполагалось построить реформу промыслового налога и добавочных к нему сборов в пользу земств и городов, подверглись обстоятельному обсуждению весной 1908 г [15].

Для этого было созвано межведомственное совещание под председательством товарища министра финансов Н.Н. Покровского с участием представителей промышленности и торговли в лице уполномоченных биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур, съездов и обществ промышленников, а также делегатов от Советов съездов представителей промышленности и торговли, биржевой торговли и сельского хозяйства. В январе 1909 г. выработка предварительной редакции проекта была закончена и передана на обсуждение частного совещания при Министерстве финансов. Его работе предшествовали январские заседания постоянной Комиссии по юридическим и налоговым вопросам при Совете съездов. Ее членами были сделаны выводы относительно содержания данного проекта, касавшиеся, главным образом, недостатков реформы, вследствие которых она признавалась совершенно неприемлемой для большинства представителей промышленности и торговли. Они заключались также в отсутствии гарантии против чрезмерного роста обложения предприятий в пользу земств и городов и отмене патента.

Результатом совместного пересмотра явилось внесение 28 сентября 1909 г. в Государственную думу двух проектов,

включавших Положение о государственном промысловом налоге и временные Правила о земском и городском добавочном сборе. Срок их введения был назначен на 1 января 1912 г. По мнению Комиссии, министр финансов мотивировал его отсрочку необходимостью одновременно подготовить население и податные органы к особенностям нового обложения, а также желанием ввести его в действие одновременно с общим подоходным налогом [16].

Военное время внесло свои коррективы в налоговое законодательство. В октябре 1914 г. было издано Положение Совета министров о повышении ставок некоторых видов существующего обложения и о введении новых налогов. На 1915 г. было решено повысить на 50% оклады основного промыслового налога на торговые предприятия I, II и III разрядов, на промышленные предприятия I-IV разрядов, на ярмарочные и золотоплатиновые промышленные предприятия, на паровые суда, а также на личные промысловые занятия экспедиторов, биржевых маклеров и нотариусов. При этом сборы с цены промысловых свидетельств, выбираемых на 1915 г., установленные в земские и городские доходы, а также на губернские и земские повинности, оставались на старом уровне.

До 1 января 1916 г. продлевалось действие утвержденного 2 января 1906 г. мнения Государственного совета об изменении некоторых постановлений о государственном промысловом налоге, но со следующими условиями. Во-первых, налог с капитала и процентный сбор с прибыли предприятий, обязанных публичной отчетностью, взимался в полуторном размере так, чтобы ставки процентного сбора не превышали 30% прибыли этих предприятий. Во-вторых, процентный сбор с предприятий, не обязанных публичной отчетностью, взимался в размере 7,5% с прибыли, исчисленной для обложения раскладочным сбором в счет процентного сбора по ставке основного промыслового налога, уплачиваемого за данные предприятия или личные промысловые занятия. В-третьих, со служащих в предприятиях, обязанных публичной отчетностью, основной промысловый налог на личные промысловые занятия взимался в полуторном размере [17].

С 1 января 1915 г. взимание раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий распространялось на Амурскую, Забайкальскую, Самаркандскую, Семипалатинскую, Тургайскую, Приморскую, Акмолинскую, Уральскую, Закаспийскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Дагестанскую и Карскую области; на г. Якутск и

Закатальский округ. Кроме этого, сумма раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий, назначенная по закону от 24 июня 1914 г. на трехлетие 1914-1916 гг., была повышена на 1915 г. до 19 млн. 500 тыс. рублей. Но увеличением ставок уже имевшихся налогов и введением новых сборов правительство не ограничило. Расширяя территориальные рамки действия налогового законодательства, оно стремилось привлечь к промышленному обложению также новые объекты, способные приносить коммерческую прибыль. В этой связи 9 января 1915 г. было принято Положение Совета министров о некоторых мерах к увеличению доходных поступлений в казну. В нем сообщалось, что с 1 января 1915 г. к платежу государственного промыслового налога привлекались постоянные или передвижные кинематографические предприятия за исключением тех, которые принадлежали правительственным или общественным учреждениям, учебным заведениям, просветительским обществам, попечительствам и комитетам народной трезвости.

В перечень впервые облагаемых объектов вошли цирки, скетинг-ринги, увеселительные сады и залы с открытыми и закрытыми сценами, предназначенными для исполнения песен, куплетов, акробатических и других представлений, если за вход в них взималась особая плата. Особо оговаривалось содержание и обложение судов, плававших по внутренним водам России. С января 1915 г. платежу раскладочного сбора подлежали предприятия, содержавшие паровые, моторные, деревянные, палубные и полупалубные, металлические суда, если общая сумма уплаченного им основного промыслового налога превышала 20 руб. Дополнительно предлагалось ввести Положение о сборе с денежных капиталов [18].

Разработка и введение новых налоговых законов не могли не привлечь внимания лидеров торгово-промышленной общественности в России. В 1914 г. один из них, Н.С. Авдаков, констатировал, что в Государственной думе разрабатывались некоторые налоговые вопросы, однако решение их предполагалось не в рамках конкретной налоговой политики, а в русле политики казенного предпринимательства. Все они обсуждались довольно медленно, поэтому ничего конкретного и нового в налоговом отношении не произошло. Пройдены были всего лишь некоторые инстанции, результатом чего стало усиление средств земств и городов за счет промышленности. В итоге был сделан вывод, что все существовавшие налоги так и остались неизменными, но к ним

прибавились еще новые сборы. По мнению крупных промышленников в лице Н.С. Авдакова, налоговое обложение должно было быть проникнуто какой-нибудь одной идеей: «нельзя делать надстройку, не сделавши прежде основного базиса». Выход для них заключался в следующем - торгово-промышленному классу необходимо было как можно ближе подойти к решению политических задач, поскольку вопросы власти, политики и влияния – это вопросы, которые в значительной степени были связаны с решением чисто экономических задач [19].

Очередной этап преобразований в области промышленного обложения пришелся на не менее тяжелые для страны 1916-1917 гг. В феврале 1916 г. в правительственных и законодательных кругах активно обсуждались проекты законов о двух новых налогах – военном налоге на прибыль и подоходном налоге. Оба налога вызвали к себе значительное внимание со стороны российской общественности. В результате по вопросу о военном налоге на прибыль возникла дискуссия, поделившая граждан на две основные группы. Одна часть общества выступала за введение налога на военную прибыль, другая настойчиво добивалась установления подоходного принципа обложения. Проект военного налога вызвал серьезное волнение среди промышленного предпринимательства в Петрограде. Совет съездов представителей промышленности и торговли отправил специальную депутацию к министру финансов и председателю Совета министров, поручив ей изложить точку зрения объединенной российской промышленности.

Считалось, что промышленники, исполнявшие казенные заказы и работавшие на оборону, получали достаточно высокую плату и устанавливали завышенные расценки на производимую ими продукцию. Это увеличивало их прибыль, что в условиях тяжелого военного времени не могло считаться справедливым. Поэтому необходимо было сократить доходы предпринимателей и перераспределить их часть на благо государства. Неудивительно, что сами промышленники считали данный налог нецелесообразным и очередным шагом правительства к выкачиванию средств. Они были скорее согласны уменьшить плату за заказы и установить новые цены, нежели довериться сложной процедуре определения прибыли в результате производства [20].

Однако, несмотря на протесты, 13 мая 1916 г. в порядке ст. 87 Основных государственных законов Российской империи было опубликовано Положение Совета министров об установлении временного налога на прирост прибыли торгово-промышленных

предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий, а также о повышении размеров отчислений на погашение стоимости некоторых имуществ, подлежащих обложению процентным сбором. Действительно, продолжительная и колоссальная война требовала от государства громадных денежных расходов, для которых помимо внешних и внутренних займов Министерство финансов изыскивало средства путем увеличения ставок существующих налогов и введения новых. В результате к 1917 г. было повышено обложение основным и дополнительным промысловым налогом, привлечен к обложению целый ряд новых предприятий, увеличены ставки гербового сбора [21].

Таким образом, в конце XIX в. Министерство финансов поставило перед собой важную проблему выбора пути преобразования системы промыслового налога и ее основных законодательных принципов. Причиной обращения к данному вопросу послужил уровень развития отечественной промышленности в этот период, требовавший дальнейшего повышения с помощью либерального налогового регулирования. К этому времени было выявлено, что в России существовала сложная налоговая система, не всегда соблюдавшая принципы равномерности и справедливости в обложении промышленности.

В этой связи правительство попыталось сместить тяжесть налогового бремени с мелкого производства и при этом обратить более пристальное внимание на доходы крупных компаний, а также усилить средства земских и городских органов самоуправления. Данные законодательные установки были неоднозначно встречены в среде российских предпринимателей, что отразилось на законодательном процессе. Одной из сторон критики налоговых преобразований со стороны промышленников было перераспределение налогового бремени в сторону усиления сборов с крупных доходных предприятий и облегчения положения мелких «слабых»: образно – с «хороших», ущемленных промыслов на «плохие», пользовавшиеся ничем необоснованными податными льготами.

В целом правительство очень осторожно подходило ко всем налоговым преобразованиям. Во-первых, необходимо было подготовить население и органы податного надзора к особенностям нового налогообложения, для этого следовало провести тщательную предварительную просветительскую работу в сфере популяризации его в России. Во-вторых, сохранить платежеспособные силы российских налогоплательщиков и не ущемить при этом их права, в

частности в отношении соблюдения коммерческой тайны. Однако большинство позитивных либеральных мер было приостановлено начавшейся в 1914 г. войной, вызвавшей огромные денежные расходы со стороны казны и деление общества на сторонников скорейшего введения подоходного налога в стране и приверженцев общих принципов справедливого распределения налогового бремени.

Библиографический список:

1. ПСЗ-III. Т. V. № 2664, № 2961.
2. Там же. Т. VII. № 4898.
3. Обзор иностранных законодательств о промысловом обложении. СПб., 1893. С. I-II.
4. Там же. С. II-IV.
5. Там же. С. IV-VI.
6. Основания для реформирования промыслового обложения. Системы окладная, раскладочная и патентная// Вестник финансов, промышленности и торговли, 1898. Т. III. № 28. С. 34-37.
7. Там же; Основания для реформы промыслового обложения. Смешанные системы// Вестник финансов, промышленности и торговли. 1898. Т. III. № 29. С. 80-85.
8. Основания для реформы промыслового обложения. Системы окладная, раскладочная и патентная... С. 35.
9. Общий обзор и финансовые результаты нашей системы промыслового обложения// Вестник финансов, промышленности и торговли, 1898. Т. II. № 26. С. 775.
10. Промыслы, вновь привлекаемые к промысловому налогу// Вестник финансов, промышленности и торговли, 1898. Т. III. № 30. С. 122.
11. Дополнительный раскладочный сбор в нашей системе промыслового обложения// Вестник финансов, промышленности и торговли, 1898. Т. II. № 25. С. 725-729; Общий обзор и финансовые результаты нашей системы промыслового обложения... С. 775-777.
12. Там же. С. 726; Общий обзор и финансовые результаты нашей системы промыслового обложения... С. 777.
13. Реформа промыслового обложения// Вестник финансов, промышленности и торговли, 1898. Т. III. № 27. С. 3.
14. Доклад состоявшей при Совете съездов постоянной Комиссии по юридическим и налоговым вопросам по поводу внесенного министром финансов в Государственную думу проекта Положения о

государственном промысловом налоге и временных Правил о земских и городских добавочных ко всем видам государственного промыслового налога сборах// Четвертый очередной съезд представителей промышленности и торговли, 1909. С. 2.

15. Доклад состоявшей при Совете съездов постоянной Комиссии по юридическим и налоговым вопросам... С. 2-4, 80-81.

16. Там же; Материалы по пересмотру положения о государственном промысловом налоге. Проект изменений и дополнений в Положении о государственном промысловом налоге. СПб., 1904. Т. I. С. 33-55.

17. Свод законов Российской империи. Уставы о прямых налогах и пошлинах. СПб., 1914. Т. V. С. 1-2.

18. Там же. С. 3-4.

19. Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал заседания, состоявшегося 2 мая 1914 г. Пг., 1915. С. 87.

20. Законопроекты о новых налогах// Торгово-промышленный юг. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли юга России. Одесса, 1916. № 4 (15 февраля). С. 2-4.

21. Опубликование закона о налоге на военную прибыль// Биржа, 1916. № 16-17 (25 мая). С. 7; Приамурский краевой съезд податных инспекторов. Хабаровск, 1917. С. 2-3.

Г. В. Карндашев
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Трезвенное движение в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века

Важной частью питейной проблемы конца XIX – начала XX века является трезвенное движение, которое зародилось в странах Европы и США в начале XIX века. Первоначально деятельность трезвенных движений была направлена на воздержание от употребления крепкого алкоголя – водок. Позднее, в 1830-1880 гг., в период завершения промышленного переворота, началась пропаганда отказа от употребления всех спиртных напитков.

Россия отставала от большинства развитых стран по количеству членов обществ трезвости. В этом отношении лидировали США, Великобритания, Швеция и Норвегия. При этом необходимо отметить, что высота среднечеловеческого потребления алкоголя в них была не особо высокой. В этих государствах на 1 тыс. населения приходилось от 16 до 87 трезвенников. В России этот показатель соответствовал 0,66 чел. на 1 тыс. населения, а всего в движении трезвости принимали участие до 100 тыс. человек[1].

В конце XIX – начале XX века патриархальные ценности утратили свою актуальность. В России с разрушением общины и ослаблением религиозных ценностей человек стал беззащитен перед новыми реалиями капитализма. Поэтому борьба с пьянством была не только средством от него избавиться, но и способствовала социализации и самовыражению личности.

Активная борьба с алкоголизмом стала развиваться с начала 90-х годов XIX века, когда в стране появились общества трезвости. В этом отношении не отставали и губернии Центрально-промышленного района. Так, в Ярославле в 1891 году открыло свои действия «Предтеченское общество трезвости». Его председателем стал священник Предтеченской церкви Ф. Успенский. Район действия охватывал также окрестности города. К 1 августа 1898 года в общество входили 1 221 человек, в основном, крестьяне и мещане. Средства общества состояли из добровольных пожертвований, расходованных на содержание читальни, библиотеки, чайной и на помощь бедным членам[2].

В 1893 году в Рыбинске открылось «Общество трезвости во имя Святого Николая Чудотворца». Район действия ограничился городом Рыбинском. Общество состояло из 52 членов, большинство составляли мещане. Как отмечал рыбинский полицмейстер, «общество достигло мало из-за трудности борьбы с безнравственным пришлым людом, избалованным легкой наживой во время навигации, дающей возможность этому люду получать дешевое пропитание, а избыток от заработка пропивать»[3].

В Угличе также существовало «Предтечевское общество трезвости» при Предтечевской церкви. Оно было учреждено священником А. Алексинским при содействии председателя Угличской земской управы камер-юнкера Тучкова и помощника смотрителя Угличского духовного училища А. Соколова. Открылось 15 декабря 1896 года. В общество входили более 450 человек: угличские мещане, чиновники, крестьяне Угличского и Мышкинского уездов и «пришлый рабочий люд». Средства составляли добровольные пожертвования членов общества и шли на выпуск брошюр и книг в библиотеку общества и покупку образков св. Иоанна Предтечи – покровителя общества. В праздники в церкви устраивались религиозно- нравственные чтения[4].

Общества трезвости находились и в сельской местности. В Угличском уезде в селе Никольском действовало «Никольское общество трезвости», открытое по инициативе священника С. Чистосердова, в которое входили около 100 человек, преимущественно крестьян. В селе Ильинском того же уезда в 1891 году под руководством священника А. Соболева было открыто «Ильинское общество трезвости», в нем участвовали до 20 членов прихода церкви, но и без общества трезвости «они вели себя трезво»[5].

В Любимском уезде в селе Корчководом с 1891 года начало работать «Корчководомское общество трезвости», действовавшее в пределах прихода церкви села. В 1898 году оно насчитывало 38 членов, в основном крестьян. Пожертвования направлялись на покупку книг и брошюр о вреде пьянства, которые распространялись между членами общества[6].

Позднее появлялись общества трезвости и в других местах. Часто в них входили известные предприниматели и общественные деятели в качестве почетных членов, но все же движение не носило массового характера. Район деятельности обществ, главным образом, ограничивался местонахождением. Необходимо особо выделить важную роль местного духовенства в организации и жизни обществ трезвости. Количество активистов сокращалось, но особо

взволнованные проблемой пьянства представители духовенства продолжали поддерживать движение[7].

В Нижегородской губернии большинство обществ трезвости были церковно-приходскими. Например, «Общество трезвости при Сергиевской церкви» в Нижнем Новгороде, «Городецкое общество трезвости», общества трезвости в селе Панино и Флоровском Горбатовского уезда, «Сормовское общество трезвости» и многие другие[8].

В Тверской губернии трезвенное движение также начало развиваться с середины 1890-х гг. Основными членами обществ трезвости были священники, представители земства и крестьяне. Тверские общества трезвости (наиболее известными из них были «Мир», «Парус», «Казанское общество трезвости») также устраивали народные чтения, чайные, библиотеки. Основными задачами этих организаций была борьба с пьянством в крестьянской среде[9].

Многие общества трезвости, как городские, так и сельские, в связи с отсутствием поддержки со стороны населения постепенно сворачивали свою деятельность. Так, уже к началу XX века работа рыбинского общества трезвости приостановилась. Авторы «Иллюстрированного Рыбинского календаря» связывают это с тем, что «первые и лучшие из учредителей его почти в самом начале были вынуждены покинуть свое детище на произвол судьбы, а заступившие на их место лица...начали производить от имени последнего различные коммерческие дела, совершенно упустив из виду главную его цель»[10].

В Пошехонском уезде при Тарасовском волостном правлении тоже имелось общество трезвости, открытое в 1892 году. Просуществовав около двух лет, оно прекратило свою деятельность из-за малочисленности членов и недостатка средств[11].

В начале XX века на территории губерний Центрально-промышленного района развернуло деятельность «Общество трудовой помощи», которое находилось в ведении попечительства о домах трудолюбия и рабочих домах, состоявшего под покровительством императрицы Александры Федоровны[12]. Устав общества в Ярославской губернии был утвержден в 1901 году. Основными целями общества были оказание помощи рабочим в трудоустройстве, предоставление нравственной поддержки и опеки, а также стремление к улучшению быта трудящихся. Для их достижения общество учреждало и поддерживало артели трудовой помощи, дома трудолюбия, справочные конторы по трудоустройству, ночлежные приюты, чайные, столовые, читальни.

Особой задачей общества было создание лечебницы и убежища для алкоголиков[13].

Ходагайство о выделении средств на строительство убежища в Ярославле было направлено как в Ярославскую городскую думу, так и в земство еще в 1902 году[14]. Но продвижение этого проекта не пошло дальше перекладывания ответственности друг на друга. Единственное, что было сделано, так это то, что губернское земское собрание выделило землю под постройку убежища. Гласные думы ограничились тем, что было решено выразить сочувствие этому делу и поддержать морально[15]. Оправдания нашлось два: во-первых, это то, что «алкоголиков в Ярославле не 300, а 7 или 8 тысяч», во-вторых, как объяснил это гласный думы К.Н. Кедров, «сама мысль о постройке лечебницы явилась благодаря совершенно случайному появлению в «Обществе трудовой помощи» людей энергичных. И если они уйдут, то общество не сможет закончить «начинаемое им ныне доброе дело»[16].

8 сентября 1903 года в г. Ярославле открылось убежище для алкоголиков. Средства на него были ассигнованы ярославским губернским попечительством о народной трезвости и Министерством финансов. Убежище было рассчитано на одиннадцать мужчин и трех женщин. За 1904 год было принято 1275 человек. Лица в бесчувственном состоянии доставлялись полицией «во всякое время дня и ночи, если в убежище есть свободные места». Пьяные задерживались также до вытрезвления или отдавались на попечительство родственникам или знакомым[17]. Через четыре года в Ярославле появилась больница для алкоголиков[18].

Одной из форм пропаганды трезвого образа жизни была публикация и распространение различных книг и брошюр о вреде пьянства. Печатались такие издания в Ярославской губернии. Так, в 1902 году в городе Романов-Борисоглебске вышла книжка для народного чтения с рисунками старшего уездного врача К.К. Доводчикова «Развеселое пьяное житье. Телу вред, душе пагуба». Он в общедоступной форме рассказывает о влиянии алкоголя на человеческий организм, выделив три «сорта» людей:

1. Сорт, совсем водкою не тронутый – цветы – наша молодежь.
2. Уже тронутые, врезанные водкой, вкус к ней понявшие, и с привычкой – это, скажем, созрелые ягоды.
3. «Насквозь промокший, просоковший, с винными выжимками в одурелой голове, с угасшей совестью и пропитой волей!..»[19].

Подобные книги распространялись среди членов обществ трезвости, продавались во время праздников трезвости, с их помощью проводились народные чтения.

В конце первого десятилетия XX века антиалкогольное движение среди крестьян Центрально-промышленного района проявлялось в составлении приговоров о закрытии винных лавок, отказе сдавать под лавки помещения и в наложении штрафов на односельчан, уличенных в шинкарстве[20].

В начале XX века в трезвенное движение активно включились рабочие. На фабриках и заводах открывались общества трезвости, составлялись петиции о закрытии мест продажи спиртных напитков. Распространялась литература, в которой алкоголь рассматривался как злейший враг пролетариата, орудие порабощения, которое удерживало эксплуатируемые классы в состоянии невежества и нищеты. Борьба с алкоголизмом считалась одним из средств классовой борьбы[21].

В январе 1910 года на I Всероссийском съезде по борьбе с алкоголизмом в Петербурге представители от рабочих, большинство из которых были большевиками, были наиболее последовательными и целеустремленными. Несмотря на то, что рабочая группа на съезде составляла менее 50 % (40 делегатов от 25 рабочих обществ), она сумела провести резолюцию о свободе рабочих организаций и об учреждении обществ трезвости. На съезде разгорелась жесткая полемика с представителями церкви, утверждавшими, что причина пьянства состояла в упадке религиозного сознания. Представители рабочих увязывали пропаганду трезвости с борьбой за осуществление классовых целей трудящихся.

Кроме обществ трезвости на территории Ярославской губернии действовали и другие общественные организации, которые своей целью ставили борьбу с алкоголизмом. Такой организацией был Всероссийский трудовой союз христиан – трезвенников (ВТСХ-Т), который возник после того, «когда I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством исключил религию из этой борьбы». Основной своей целью данная организация, устав которой был утвержден министром внутренних дел 8 января 1911 года, преследовала объединение «разрозненных обществ трезвости» под началом Церкви[22].

Не считая цели объединения обществ трезвости и превращения их в отделы ВТСХ –Т, одним из основных пунктов программы было «желание вести проповедь трезвости среди детей в низших и средних

школах путем организации кружков Христианской Трезвой Молодежи».

По просьбе ВТСХ – Т Ярославская духовная консистория благословила учителей начальных и средних школ ярославской епархии на учреждение кружков ХТМ и напечатала в Ярославских епархиальных ведомостях воззвание «Союзу» и правила для «кружков». В программу ВТСХ–Т по настоянию гомельского архиепископа Митрофана вошло предоставление «Союзу» права «посылать в разные места России летучие отряды христиан-резвенников для проповеди трезвости»[23]. Деятельность «Союза» сводилась к организации лекций в школах, среди рабочих; открывались библиотеки, хор и даже оркестр трезвенников[24].

Основную работу общество развернуло в Петербурге. Постепенно в ВТСХ – Т вошло большое количество церковноприходских обществ трезвости в качестве отделов, в том числе и ярославские. Председателем ярославского епархиального комитета трезвости стал священник Предтеченской церкви Ф. Успенский.

Сложилась четкая структура управления трезвенным движением под эгидой церкви, что давало возможность действовать более эффективно – например, устраивать Всероссийские праздники трезвости. Первый антиалкогольный день был проведен в Санкт-Петербурге 29 сентября 1911 года. В 1913 и 1914 годах такие мероприятия прошли и в губерниях Центрально-промышленного района. В течение дней трезвости собирались пожертвования, продавались брошюры, плакаты, значки, служились молебны и устраивались крестные ходы во всех отделениях ВТСХ - Т[25].

Таким образом, кроме борьбы с пьянством возникновение трезвенного движения и обществ трезвости объясняется потребностью части населения в общественной активности и самовыражении. Кроме того, приходские общества трезвости способствовали укреплению христианского образа жизни. Общества трезвости, состоявшие из рабочих, нередко попадали под влияние социал-демократов, которые преследовали политические цели.

В середине 1913 года в России насчитывалось не менее 1800 различных обществ трезвости, но в целом не следует переоценивать масштабы их деятельности. При бедности основной массы населения страны, недостатке питания, тяжелом физическом труде рабочих и крестьян обществам трезвости было крайне сложно вести пропаганду отказа от спиртного, и в итоге результаты их работы оставляли желать лучшего.

В антиалкогольном движении конца XIX – начала XX века можно выделить два основных течения: религиозное и светское. Оба они зависели от активных и целеустремленных лидеров, с уходом которых движение нередко теряло силу.

Библиографический список:

1. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России, Европе, США как движение за самосохранение человечества (XIX в. – 1914 г.) // Социально-политические исследования. 1997. № 9. С. 118 - 121.
2. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Фонд 73. Опись 1. Дело 6977. Лист. 6.
3. Там же. Л. 7 - 8.
4. Там же. Л. 12-18 об.
5. Там же. Л.12 - 18 об.
6. Там же. Л. 20.
7. См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Ярославль. 1906. С. 182
8. См.: Городецкое общество трезвости. Устав. Балахна, 1907; Общество трезвости при Сергиевской церкви. Устав общества трезвости при Сергиевской церкви т-ва Нижегородской льнопрядильной мануфактуры. Н.Новгород, 1902; Общество трезвости Сормовского района. Устав. Н.Новгород, 1913; Устав общества трезвости в селе Панино Горбатовского уезда. Село Панино, 1914; Устав общества трезвости с. Флоровского, Горбатовского уезда. Н.Новгород, 1911.
9. См.: Богданов С.В. Винокуренное производство Тверской губернии Богданов С.В. Винокуренное производство Тверской губернии во второй половине XIX века: Автореф. ...канд. ист. наук. Тверь, 2000. С. 21.
10. См.: Иллюстрированный Рыбинский календарь на 1904 год. Рыбинск, 1903. С. 92.
11. ГАЯО. Ф. 73. Оп.1. Д. 6977. Л. 21.
12. Там же. Ф. 509. Оп.1. Д. 1068. Л. 4; Устав «Общества трудовой помощи» в Ярославской губернии. Ярославль, 1901.
13. См.: Отчет о деятельности Ярославского попечительства о народной трезвости за 1904 год. Ярославль, 1905. С. 13 - 19.
14. См.: Отчет о деятельности Ярославского попечительства о народной трезвости за 1908 год. Ярославль, 1909; Отчет по убежищу для алкоголиков за 1908 г. Ярославль, 1909.

15. Доводчиков К.К. Развеселое пьяное житье. Телу вред, душе пагуба. Романов-Борисоглебск, 1902. С. 24.
16. См.: Нижегородская Земская Газета. 1909. № 5. 5 февраля.
17. См.: Отчет о деятельности Ярославского попечительства о народной трезвости за 1904 год. Ярославль, 1905. С. 13 - 19.
18. См.: Отчет о деятельности Ярославского попечительства о народной трезвости за 1908 год. Ярославль, 1909; Отчет по убежищу для алкоголиков за 1908 г. Ярославль, 1909.
19. Доводчиков К.К. Развеселое пьяное житье. Телу вред, душе пагуба. Романов-Борисоглебск, 1902.С. 24.
20. См.: НЗГ. 1909. № 5. 5 февраля.
21. См.: Фрелих Р. Алкоголизм и пролетариат. М., 1906. С. 23 - 25.
22. ГАЯО. Ф. 230. Оп.3. Д. 6977. Л. 1-5.
23. Там же. Л. 2-5.
24. Там же. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3222. Л. 9.
25. Там же. Ф. 230. Оп.3. Д. 6977. Л. 9-20.

Л. М. Архипова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Роль земства в преобразовании мелкой крестьянской промышленности в начале XX века

Особенностью российской экономики конца XIX - начала XX в. являлось широкое распространение кустарной промышленности, в которой было занято не меньше рабочих рук, чем в фабрично-заводском производстве. Низкая оплата труда и тяжелая эксплуатация, господство ростовщического капитала и скупщиков в этой сфере жизнедеятельности как факторы усиления социальной напряженности в деревне обратили на себя внимание правительства и земства.

В бюджете органов местного самоуправления мелкая крестьянская промышленность была представлена графой "Расходы на содействие «экономическому благосостоянию населения», и наряду с другими предметами забот вошла в поле земского попечения. Незначительность средств, отпускавшихся на подъем сельского хозяйства и местные крестьянские промыслы - 3% расходной части бюджета, объяснялась не столько слабой заинтересованностью земских гласных в развитии мелкого производства, сколько правовой регламентацией их финансовой деятельности. Перспективы расширения земского хозяйства за счет таких источников дохода, как сборы судебные, с недвижимых имуществ и торгово-промышленных заведений, ограничивались законом 12.01.1900 г., разрешавшим земским собраниям увеличивать сборы не в соответствии с ростом губернии или уезда, а не более чем на три процента в год. Другим известным ограничителем ассигнований на медицинскую часть, народное образование и подобные им статьи «необязательных затрат» служило возложенное на земство содержание местных административных и судебных учреждений, арестных домов, полиции, квартир для войск, составлявшее «обязательные расходы». Вместе с тем возможность укрепления материальной базы путем накопления собственных капиталов у земства все же имелась. Она гарантировалась правом получения ссудной и коммерческой прибыли в процессе использования земством оборотных средств, которые, в свою очередь, складывались путем специальных отчислений из расходной

части бюджета, но, главным образом, из кредитов Государственного Банка, иных правительственных учреждений, частных лиц (1).

Именно за счет этого операционного фонда осуществлялась основная часть мероприятий в области сельского хозяйства: в 1904-1908 гг. половина всех правительственных и земских ассигнований на устройство агрономических школ, содержание опытных станций, организацию музеев кустарных изделий и т.п. была реализована через «оборотные кредиты». К 1910 г. их объем достиг 20,5 млн.р., из которых 9,08 млн.р. (44,1 %) обращались в посреднической сфере, обеспечивая деятельность сельскохозяйственных и кустарных складов, а остальные значительные средства использовались в деле мелкого кредита и других полезных операциях. Общие же размеры капиталовложений, составлявших финансовую базу земского содействия «экономическому благосостоянию населения» насчитывали около 29,5 млн.р., из них не менее 5,63 млн.р. (19,1 %) были направлены на развитие подсобных промыслов (2).

Группировка губерний по размерам ассигнований на поддержку кустарных промыслов и сопоставление этих данных с относительными показателями распространения местных и отхожих промыслов свидетельствовали, что заинтересованность земств в развитии мелкой крестьянской промышленности определялась прежде всего социально-экономическим обликом той или иной местности.

Усиление внимания земской общественности к мелкой крестьянской промышленности по времени совпало с разработкой и проведением столыпинской аграрной реформы. Динамика земских ассигнований на развитие неземледельческих промыслов за период 1905-1908 гг. отразила абсолютное и относительное увеличение расходов на эту статью в структуре земских бюджетов (3).

Больше всего заботы уделялось профессиональному образованию - созданию учебно-показательных мастерских, учебных пунктов, образцовых земских заводов, а также личных курсов, классов ручного труда, наконец, ремесленных отделений и училищ. Менее десятой части сметных расходов направлялось на содержание торговых агентств, кустарных музеев, музеев образцов, складов кустарных изделий и сырых материалов с орудиями труда. Изменение доли средств, затраченных на обследование мелкой крестьянской промышленности - от 0,38% в 1911 г. до 1,82% в 1913 - отражало возрастающую заинтересованность земцев в более эффективной и целенаправленной деятельности по подъему

жизнеспособных промыслов, оказанию помощи перспективным формам мелкого производства (4).

Именно такими были в 1912 г. намерения Владимирского губернского земства, признавшего необходимость коренной перестройки всей работы в области мелкой крестьянской промышленности. Схема обновленной земско-кустарной организации представлялась в следующем виде. Коллективной разработкой всех вопросов по кустарным мероприятиям должна была заниматься специально созданная для этого комиссия, которая возлагала выполнение своих решений на отделение по профессиональному обучению и кустарной промышленности при губернской земской управе. Кустарный музей был призван стать учебно-показательным заведением, снабжающим кустарей образцами продукции, а земская касса - широко кредитовать кооперативы, обеспечивать им посреднические операции. Вся снабженческо-сбытовая работа кассы мелкого кредита финансировалась капиталом из фонда губернского земства (по 2 тыс.р. ежегодно), ссудой от ГУЗиЗ (15 тыс.р.) и строилась с опорой на специальных «агентов-комивояжеров», находивших заказы кустарям (5).

План служил вариантом конкретного воплощения достаточно распространенной в кругах земской общественности концепции участия местных органов самоуправления в реализации экономических мероприятий правительства. В среде земцев-практиков идея хозяйственно-культурного и политического посредничества земства между властью и народом получила широкое признание. Наделенные рядом экономических и отчасти фискальных функций, земства в то же время строились на избирательной, а не на бюрократической основе, то есть роль проводника правительственных начинаний по подъему народного благосостояния обуславливалась их местом в политической системе страны. Конкретный смысл идеи воплотился в тезисе о том, что цели столыпинской реформы могут быть достигнуты благодаря деятельности земств, призванных объединить через кооперативы крестьянство вокруг интеллигенции, работавшей в деревне (6).

Применительно к перспективам кустарно-кооперативного строительства многим современникам казалась привлекательной идея расширения муниципального кредита. С ее претворением в жизнь связывались надежды на укрепление финансовой основы количественного роста крестьянских товариществ. Сотрудничество двух центров - кооперативного в виде Московского Народного банка

и земского - развивалось бы в этом случае по линии соответствующего разграничения функций на краткосрочный кредит, с одной стороны, и долгосрочный, мелиоративный, с другой. Эффективность взаимодействия умножалась за счет структурно-организационной разности муниципального и кооперативного банков, поскольку первому из них предстояло сыграть главную роль в привлечении крупного частного капитала к ссудным и посредническим операциям (7). Достижение этой цели совершенно естественно освобождало бы кооперацию от бюрократической опеки, выводя из-под опасной зависимости от тех или иных колебаний правительственного курса в кредитно-кооперативной политике. Однако бюрократия, по крайней мере в то время, не планировала выпускать из-под административного и тем более финансового контроля ни кооперативные, ни тем более земские средства, о чем свидетельствовали ее проекты создания особого банка для кредитования земств и городов (1910 г.) и сельскохозяйственного банка (1916 г.).

Вместе с тем, возлагая надежды на активность земцев в реализации мероприятий по поддержке неземледельческих промыслов, отдавая им явное предпочтение перед деятелями кооперации, на съездах которых звучали речи от умеренно до радикально оппозиционных, правительство пошло на определенное расширение финансовых прав органов местного самоуправления, предложив им в 1906 г. Образцовый устав земских касс мелкого кредита. Земства получили возможность открывать собственные кредитные учреждения, но учреждения, не способные по данной им правовой регламентации подниматься до уровня банковских операций.

Задача земских касс заключалась в кредитовании главным образом кооперативов и их союзов, что не исключало выдачи ссуд отдельным лицам. Правительство стремилось приблизить земские кассы к уровню центральных кооперативных учреждений, поддерживая их эволюцию в сторону расширения функций и усложнения производственных операций (8). К середине 1915 г. сводный баланс 255 земских касс составил 200, 86 млн.р., и по этому показателю, земство значительно превосходило МНБ (соответственно 26,86 млн.р.). В более прочном положении земских касс в кооперативном строительстве убеждает активная часть их сводного баланса, в которой на долю ссуд приходилось 64,7% (65,27 млн.р.), тогда как в МНБ показатель связи с кредитными товариществами и союзами составлял 41,26% или 11,51 млн.р. (9).

Среди причин, по которым МНБ был не в состоянии удовлетворить кредитно-финансовые запросы кооперативов, специалистами признавались не только «ничтожный размер собственных средств банка, но и просчеты в технике организации кредита, затруднение связей с клиентами, громоздкость сношений с ними» (10). Деятельность земских касс уже вследствие их территориальной близости к потенциальным клиентам обладала большими шансами на оперативность и точность реагирования, что в целом способствовало их постепенному превращению в учреждения мелкого кредита типа союзных и даже центральных.

В частности, ссудные операции Московской губернской земской кассы отразили ее заботу о развитии объединяющих организаций в кооперативном движении, а также поддержку кустарных товариществ. В 1915 г. из общей суммы выданных ею кредитов более трети приходилось на долю уездных земских касс, около трети - на союзы учреждений мелкого кредита, еще треть - на кустарные товарищества. Спустя год баланс земской кассы достиг 3 млн.р. и она приступила к товарным операциям по приобретению сырья для кустарной промышленности и к оптовому сбыту кустарных изделий. Для дальнейшего развития своей финансово-коммерческой деятельности правление кассы признавало необходимым увеличить предельную норму залогового кредита до 1 тыс.р. на одного участника кооператива (вместо уставных 300 р.); получить право на прием в залог и заклад недвижимого имущества, строений, товаров и процентных бумаг, машин, двигателей; иметь разрешение на кредитование кооперативов по учету векселей и принимать от них документы для получения по ним платежей; открыть некредитным кооперативам текущие счета; увеличить сроки ссуд некредитным кооперативам для приобретения ими оборудования. В устав Московской губернской земской кассы в 1915 г. были внесены соответствующие изменения (11).

По наблюдениям инспекции по делам мелкого кредита, в Московской губернии все земские кассы, за исключением Можайской и Подольской, «приближаются к центральным кооперативным учреждениям» (12). Такая же тенденция наблюдалась в Нижегородской, Тверской, Ярославской и, вероятно, многих других губерниях (13). Степень же их озабоченности проблемами кооперирования мелкотоварного производства определялась той ролью, которую играли местные промыслы в социально-экономической жизни.

Так, в Ярославской губернии решение задачи организации сбыта кустарных изделий полностью взял на себя в 1915 г. Кустарный комитет, поскольку губернские органы местного самоуправления, кассы мелкого кредита и сельскохозяйственные склады не проявляли интереса к этому делу. Объявив своей целью подготовку кооперативной организации кустарной промышленности, комитет, состоявший главным образом из представителей местной администрации, возложил на губернскую земскую кассу кредитование промышленных товариществ, предложив образовать для этой цели особый капитал(14).

Более широкому развитию коммерческих операций с крестьянами-промышленниками препятствовал недостаток в уездных земских органах лиц, способных и специально подготовленных к заведованию кустарным производством. Именно по этой причине все трудовые товарищества Владимирской губернии, возникшие на основе образцового устава, расположенные в различных уездах, кредитовались и инспектировались исключительно губернской земской кассой мелкого кредита (15).

Дальнейшее усиление роли земских касс в кооперативном движении способствовало приданию еще большей устойчивости всей создаваемой вертикали отношений «правительство-земство-кооперативы-крестьянство», что соответствовало развитию народной самостоятельности под бюрократическим контролем при посреднической деятельности земств.

Это взаимодействие получило новые формы и стимулы к развитию в ходе мобилизации мелкой крестьянской промышленности на нужды войны. Уже в июле-августе 1915 г. губернскими земскими управами были проведены кооперативные съезды, посвященные обсуждению вопроса о формах участия кооперативов в деле снабжения армии. На этих съездах присутствовали представители земских касс и МНБ. Земцы, проявляя заинтересованность в деле выполнения военных заказов, исходили из того, что кустарная промышленность может иметь будущее как кооперативная форма труда, а также из впечатления, что экономическая жизнь земства к 1915 г. повсюду «базируется на кооперативных учреждениях» (16). Путь к сотрудничеству земской и кооперативной общественности в деле мобилизации мелкой крестьянской промышленности был закреплен постановлением общего собрания Земского и Городского союзов 7-9 сентября 1915 г. Предполагалось, что в ходе реализации казенных заказов сложится следующая цепочка: "комитеты Земгора - кооперативные комитеты,

подчинявшиеся своему центральному органу (ЦКК), - товарищества". Средства на организацию поставок кооперативные комитеты должны были получать от комиссионного сбора за посредничество, но, главным образом, от земских касс мелкого кредита в виде займов (17).

Наряду с созданием кооперативов и передачей им военных заказов земства считали целесообразным организацию собственных кустарных фабрик и заводов. В результате удавалось не только устранить скупщика из мелкоговарного производства, но и преобразовать труд кустарей. Оборудование муниципальных заводов сопровождалось изменением технологии изготовления предметов, механизацией многих ручных операций, что приводило к исчезновению характерного признака мелкого товаропроизводителя - собственности на средства производства, превращению кустарей в рабочих земских фабрик. Широкого распространения эта форма организации военных заказов не получила, и источники свидетельствуют лишь об отдельных предприятиях такого рода. К их числу относились заводы по изготовлению ручных гранат Подольского и Бронницкого уездных комитетов Земгора, шорно-седельные мастерские и завод по производству ударников Московского губернского комитета, Ветлужский химический завод. Земские промышленные заведения отличались средними и крупными размерами производства: сапожная фабрика Костромского губернского земства была оборудована машинами, позволявшими выпускать до 60 тыс. пар в год; кожевенный завод Земгора в с.Богородском имел только оборотных средств на сумму свыше 3 млн.р., содержал 68 рабочих и 17 человек администрации; ярославское губернское земство весной 1917 г. занималось устройством клепочно-механического завода производительностью до 250 тыс. пуд. клепки в год (18).

Аппарат Земгора признавал такую форму организации мелкой крестьянской промышленности целесообразной и на период восстановления нормального товарообмена после войны. На протяжении 1917 г. обсуждался вопрос о развитии своего муниципального производства и необходимости в этом случае соответствующей переориентации земских касс с кредитования кооперативов на обеспечение ссудами местных органов управления и их товариществ и обществ. Предполагалось, по сути дела, превращение касс в банки, способные путем привлечения средств государственных сберегательных касс и всех видов вкладов оказывать долгосрочное кредитование земских мероприятий по

развитию муниципального производства, коммерческих операций (19).

Активизация земской помощи мелкой крестьянской промышленности в годы войны имела целый ряд важных последствий. Прежде всего произошла существенная демократизация работы местных органов самоуправления. Решение чисто хозяйственных вопросов требовало участия в их обсуждении непосредственных производителей и их представителей. Правления кредитных товариществ, выступая с предложениями об объединении усилий в деле снабжения и снаряжения армии, одновременно предлагали допустить представителей кооперативов в земские собрания, в органы земского управления. Так складывалась практика включения членов кооперативов в поверочные советы земских касс мелкого кредита, в экономические советы при земских управах(20).

Кроме того, благодаря земству роль мелкой промышленности стала более заметной: не менее 75% потребности армии в кожаных и валеных сапогах, теплых вещах, белье удовлетворялось интендантством при посредстве местных комитетов Земгора. Помощь земства способствовала созданию благоприятных условий для подъема сапожного, портняжного, вязального промыслов; обновлению основного и пополнению оборотного капитала в металлообработке; распространению новых производств - изготовлению термометров, ампул, хирургических инструментов, ранее недоступных для кустарей (21).

Вместе с тем система военных поставок послужилаживительной средой не только для деятельности земств и кооперативов по организации кустарной промышленности, но также скупщиков, владельцев раздаточных контор. Борьба земско-кооперативной общественности с иерархией посредников между крупной индустрией и мелкой крестьянской промышленностью лишь в немногих случаях имела шанс завершиться победой, когда кустарные кооперативы, получив ссуды от правительства, коренным образом изменяли технику и технологию своего производства, весь строй отношений. Однако и такая реорганизация не гарантировала им устойчивости в условиях чрезвычайно развитой спекуляции частных торговцев сырьем, попадавших нередко в число представителей уполномоченных биржевых военно-промышленных комитетов и отдававших при распределении заказов предпочтение не кооперативам или отдельным кустарям, а скупщикам-хозяйчикам, удерживавшим в свою пользу не менее 25-30 % прибыли. Сводки заказов местных отделений Земгора и Центрального военно-

промышленного комитета, отражая степень участия в поставках различных по социально-экономическому признаку производителей, позволяют в единстве с другими данными обнаружить, что проблематично считать успешными попытки включения мелкой промышленности в систему государственно-монополистического регулирования, поскольку спекулятивно-рыночная стихия, препятствовавшая им, не ослабевала по целому ряду причин (22).

Библиографический список:

1. См.: Статистический сборник по Ярославской губернии. Вып. 37. Ярославль, 1910. С. 58.
2. РГИА. Ф.395, оп.1, д. 996-б, л. 151 об.-154; Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству: По данным на 1910 г. Вып.12. Ч.1. Спб.,1912. С.22,23.
3. См.: Барыков В. Задачи земских кустарных организаций // Земское дело. 1910. №4. С.295-296.
4. Рассчитано по: Голубев В. Расходы казны и земств на кустарную промышленность // Там же. С.335; Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. Вып.3. Пг., 1916. С.306.
5. См., Доклады-отчеты Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию. 1912 г. По кустарным мероприятиям и профессиональному образованию. Владимир, 1912. С.1-3, 40-41.
6. См. Хейсин М. Кооперация в русской литературе: Евгений Трубецкой о перспективах кооперативного развития России // Вестник кооперации. 1914. № 2. С.89-93.
7. ЦГИАМ. Ф.419. Оп. 1. Д.3175. Л. 19.
8. Подробнее об этом см.: Корелин А.П. Земства и мелкий кредит // Кооперация. Страницы истории. М., 1994. С.23-38.
9. Рассчитано по: Известия МНБ. 1916. № 5. С.4; Вестник мелкого кредита. 1916. № 13. С. 572-573.
10. РГАЭ. Ф. 476 -с. Оп. 1. .12, л. 11; ГАВО. Ф. 311. Оп.1. Д. 108. Л. 23 об.
11. См.: Вестник мелкого кредита. 1916. № 20. С. 5.
12. См.: Известия МГЗУ. 1916. № 6. С.54-56.
13. См.: Мелкий кредит в Тверской губернии. Краткий исторический очерк и современное положение учреждений мелкого кредита и деятельности земств. Тверь, 1913; Мелкий кредит в Ярославской губернии. Исторический очерк развития

- учреждений мелкого кредита, обзор их деятельности и сводка материалов анкеты. Ярославль, 1912.
14. РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2379. Л. 28. 53-53 об.
 15. См.: Отчет по мелкому кредиту и о мероприятиях по содействию кооперации. Владимир, 1915. С.3; Известия Главного комитета по снабжению армии. 1916. № 20. С. 68.
 16. ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Т.2. Д. 3881. Л. 14; Известия Главного комитета... 1916. № 20. С.65.
 17. См.: Материалы по кооперации в Московской губернии . Вып. 13. М., 1915. С. 19; Известия Главного ... 1915. № 1. С. 156.
 18. См.: Известия Главного... 1916. № 13. С. 97; № 20. С. 75; № 22. С. 119; 1917. № 4 (35). С. 15; Вестник мелкого кредита. 1916. № 38. С. 1560; № 45. С. 1883; № 49. С. 2065-2066.
 19. ЦГИАМ. Ф. 255. Оп. 1. Т.1. Д. 670. Л. 93.
 20. ГАВО. Ф. 311. Оп. 1. Д.132. Л. 44, 48, 53; Меркулов А. Кооперативное движение в России // Вестник кооперации. 1914. № 1. С. 105.
 21. См.: Борисов Н.К. Местное самоуправление и оборона страны // Известия Главного ... 1917. № 2 (33). С. 6.
 22. Борисов Н.К. Кустарная промышленность и военная прибыль // Известия Главного... 1917. № 3. С.5.

Г. Н. Кочешков
*Ярославский государственный
педагогический университет*

«Политический» портрет провинциального рабочего в революции 1905-1907 гг.

Политическое сознание рабочих в революционные годы - тема малоизученная. Объясняется это не только источниковедческими трудностями или идеологическими стереотипами, свойственными советской эпохе. Плохо уловимо прежде всего само содержание мыслей, чувств, представлений и настроений столь плодотворной социальной общности. То, что характерно для «столичного» пролетариата (достаточно высокий уровень социальной активности, сплоченности, солидарности), отнюдь не свойственно рабочему-провинциалу.

«Политизированный» рабочий в обычном понимании этого слова, то есть как человек, интересующийся политическими новостями и высказывающий собственные суждения, в российском обществе периода революции 1905 – 1907 гг. явление довольно редкое. Об этом свидетельствуют документы – воспоминания рабочих, протоколы собраний фабрично-заводских комитетов, донесения жандармских и полицейских органов власти. Рабочие слабо разбирались в партийных различиях; нередки были случаи избития партийных агитаторов и уничтожения листовок, распространявшихся на предприятиях.

На собрания рабочие ходили крайне неохотно, и требовалась большая изобретательность строителей, чтобы привлечь их к участию в митингах. Любопытно свидетельство командира отдельного корпуса жандармов Ярославской губернии Артеньева: «Помощник мой в Рыбинском, Мологском и Мышкинском уездах подполковник Смирнов донес, что 5 ноября 1905 г. с утра началась забастовка рабочих и служащих Рыбинско-Богословской линии... Хотя солидное большинство и не желает бастовать, но под насильственным давлением функционирующего среди их революционного кружка прекратило работу» [1].

Вряд ли стоит говорить о высокой степени политической зрелости и самосознания рабочих. Участники памятных событий (забастовки на заводе Гунсона в Москве осенью 1905 г.) делятся своими впечатлениями: «Собралась уже большая часть рабочих,

некоторые, озираясь и боясь, еще терлись, прижимаясь у стены и ворот своих цехов. Вот на бочку вскакивает районный организатор В. В. Костин и открывает собрание. Его горячая речь, призывающая к всеобщей стачке, приковывает внимание всех присутствующих. Со стороны к толпе приближается администрация завода во главе с Гунсоном, многие из присутствующих начинают ежиться, стараясь скрыться от взгляда администрации» [2].

Анализ архивных источников наглядно подтверждает факт политической непросвещенности, низкой культуры значительной части рабочих. Возникает ощущение, что рабочие собрания – это хорошо спланированный и отрежиссерованный спектакль, все роли в котором строго распределены. Принятие политических решений редко сопровождалось спорами, дискуссиями, часто голосование было единогласным (протоколы собраний пестрели пометками: «вопрос не было», предложение оратора было встречено аплодисментами» [3].

Причины политической пассивности основной массы рабочих весьма редко анализировались современниками революционной эпохи. Однако, принимая во внимание весь корпус изученных документов, можно выявить зависимость политической активности и пассивности от материальных условий жизни людей, заставляющих их более заботиться о хлебе насущном, нежели участвовать в политических акциях. Об этом свидетельствуют воспоминания рабочих-участников забастовки на фабрике Корзинкина в Ярославле 9 декабря 1905 г.: «Рабочие фабрики... порядком безо всякой преднамеренности и каких-либо вооруженных восстаний...направились к дому губернатора. По пути были устроены митинги во дворе фабрики на углу Большой, в то время Предтеченской... Но только ни на одном из них слова не говорилось о низвержении правительства, а только и говорилось об изменении чисто экономического положения и хотя бы мало-мальском человеческом отношении хозяев и администрации к рабочим» [4]. Эти свидетельства не единичны. Рабочие боялись открыто высказывать свою позицию в связи со страхом быть уволенными с предприятия [5].

Политические взгляды трудящихся зависят от многих факторов: материального положения, социального статуса, образования, воспитания данной категории. Более квалифицированные, высокооплачиваемые и, как правило, более образованные рабочие отличались политической активностью, быстрым усвоением социалистических идей. Что же касается

низкооплачиваемых рабочих, полуграмотных (выходцев из крестьян), численность которых была значительная (не менее 80 % от общего числа пролетариата), то для них были характерны такие формы поведения, как почитание царя, индифферентность к лозунгам агитаторов. Связь между социальным и политическим в те годы фиксировалась постоянно, и приведенные выше примеры – лишь малая часть свидетельств, устанавливающих зависимость политических настроений рабочих от особенностей их социального положения.

В советской историографии авангардом революционного движения считались рабочие металлургических предприятий. Квалифицированность труда металлистов, меньшая связь их с землей, высокая степень концентрации рабочей силы на крупных предприятиях – все это создавало хорошие предпосылки для организованности и сознательности данной социальной группы. Об этом свидетельствует отчет Харьковского комитета РСДРП² о рабочем движении России в начале XX века: «Сравнительно более благоприятные условия труда, в какие поставлены рабочие крупных механических заведений, значительная дифференциация рабочих, на них затрудняли экономическую борьбу, и она во всё время не переходила за пределы мирно улаживаемых столкновений. Зато, с другой стороны, мы имели здесь дело с рабочим населением, отличающимся сравнительно высоким культурным уровнем...Выражением этой культурности может служить широкое распространение среди них чтения книг, газет, журналов, посещение воскресных школ...Совокупностью этих обстоятельств и объясняется то, что местное рабочее население вышло как будто бы готовым из головы Юпитера и сразу удивило всю Россию своим развитым классовым сознанием» [6].

Нельзя отрицать большую сплоченность металлистов, их высокую производственную квалификацию, массовость их профессиональных выступлений. И всё же своеобразная «сакрализация» металлистов, наделение их абстрактно-идеальными характеристиками возникли под влиянием ряда факторов – не только политических, но и идеологических. Во-первых, именно на заводы - гиганты (а таковыми и были металлургические предприятия) были направлены главные усилия социалистов. Во-вторых, согласно ортодоксальной марксистской идеологии, там, где сосредоточивались наиболее квалифицированные и организованные рабочие, и следовало ожидать самых смелых и решительных действий.

Говоря о соотносительности политической социальной стратификации, нельзя не упомянуть о роли женщин в освободительном движении. Мнение о том, что женщины были наименее всего политически «просвещены», весьма часто высказывалось в революционные годы. «Были случаи, - пишет участница революции 1905 г. П. Лаптева, - когда совсем неграмотные работницы, умственно притупленные раскаленной плитой, вонючими пеленками, грязным бельем и всем прочим, не уясняли достаточно того революционного времени, какое переживал рабочий класс в 1905 г. Приходилось плачущих работниц вытаскивать из ванн, уборных, чердаков, подвалов и прочих мест, куда их прятали «добрые» хозяева для спасения от «буянов», призывавших на собрание» [7].

Причины политической отсталости женщин трактовались однообразно. Занятость семьей, отсутствие свободного времени, неграмотность – такими представлялись источники политической индифферентности женщин.

Вместе с тем подчеркнем, что критериями политической «просвещенности» женщин в то время считались посещение ими различных политических кружков, участие в общественной работе. Подтверждение тому мы находим в анкетах участниц революционных выступлений 1905 г. Приведем одну из них. А. Н. Хабарова принимала активное «участие в сборе денег на литературу, в разное прокламаций по прядильне. Остановила машину в забастовке... Читала прокламации в уборной. Шила 2 флага...» [8].

Женщины не только принимали активное участие в забастовках, но иногда были их инициаторами. Об этом свидетельствуют донесения командира отдельного корпуса жандармов от 16 ноября 1905 г.: «...на новой фабрике Корзинкина забастовали работающие на ней женщины, которые после забастовки толпою около 1000 человек отправились на старую фабрику, где также начали силою снимать с работ женщин разных цехов и выгонять на улицу» [9].

Формы протеста против царизма приобретали чудовищный характер. Так, Софья Хренкова, работница фабрики Корзинкина в Ярославле, находясь в Коровницкой тюрьме, «в одиночной камере облилась керосином и зажглась...покончила с собой» [10].

Особой социальной группой, чье политическое поведение было специфическим, считалась рабочая молодежь. Возрастные особенности, пассионарность, юношеский нонконформизм, стремление доказать свою общественную значимость - вот что

толкало юношество на баррикады. Молодой рабочий-ярославец, участник манифестации в Москве, свидетельствовал: «Помимо кружковых занятий каждый из членов тут же...получал пачку прокламаций, чтобы на утро разбросать в цехах завода. Эта работа нас, молодежь, радовала (мне было всего шесть лет), чувствовалась помощь, которую оказывали партии, хотелось большего...» [11].

Важным элементом формирования революционного сознания являлись уравнилельные настроения рабочих. Неприязнь к тому, кто лучше одевался, был более образован, обладал более высоким материальным достатком и лучшим жильем, являлась питательной почвой для политического экстремизма. Эгалитарный настрой зачастую инициировал протест против привилегий государственных чиновников и тем самым усиливал политическую критику рабочих: «Человеческие права у рабочих России топтали в грязь, отнимали прежде всего «полицейские блюстители порядка», и они надругивались над правами рабочих... Рабочие знали своего врага, рабочие видели его всюду и, потому гнев их в первую очередь рушится на своих злейших врагов - жандармов» [12].

Усиление уравнилельных настроений в городской среде в сочетании с более настойчивой пропагандой эгалитаризма - такова примечательная картина революционного периода. Причина этого кроется не только в интенсивном общественном выдвигении и обсуждении эгалитарных лозунгов - последнее стало неотъемлемой частью политического ритуала. В этом можно увидеть и специфический протест против социальных неурядиц, имевших место в революционное время.

Одним из типичных проявлений эгалитаризма стали так называемые «антибуржуазные настроения». «Буржуй» являлся особым социальным типом, символизирующим такие негативные черты, как паразитизм, классовая отчужденность и др. Часто в источниках «буржуи» наделялись следующими характеристиками: «не работая, приобретают себе почести», «забирают миллионы от труда рабочих» [13]. К эксплуататорам и «паразитам» мог быть причислен любой, чье поведение и материальное благосостояние противоречило уравнилельным представлениям масс.

Эгалитаризм для значительной части рабочих - не целостная система представлений о том, какова должна быть иерархия мира, основанная на справедливом порядке вещей. Это прежде всего осознание своей ущемленности в обществе, где правит богатство, несправедно нажитое. В эгалитарном представлении подспудно присутствовала убежденность, что богатство следует не просто

разделить, а отнять полностью. Сам акт «выравнивания» - скорее акт социальной мести, а не восстановление имущественного паритета.

Сколько-нибудь заметной и прочной приверженности к собственности у большинства рабочих не было. И это можно объяснить необустроенностью, низким уровнем жизни, отсутствием частнособственнических традиций, сохранившимися общинными представлениями.

Кража изделий и деталей с заводов и фабрик становится повсеместным явлением («эксплуататоры крадут нашу заработную плату, значит, мы имеем моральное право посягать на хозяйскую собственность») [14].

Уравнительные настроения проявлялись в основном в условиях реальной оппозиции богач-бедняк, когда культурные, имущественные и политические разрывы были слишком глубоки и очевидны для масс. Но эгалитарные устремления могли ограничиваться и рамками однородной профессиональной группы. Так, рабочие выражали недовольство лучшим материальным положением мастеров, инженеров, техников [15].

Устойчивый эгалитаризм был прежде всего идеологическим. Ему в равной степени могли быть привержены и бедняки, и имущие. Они в силу различных причин оказывались одинаково восприимчивыми к социалистическим идеям, истолковывая мир по предложенным им канонам. Идеологический эгалитаризм в его утрированных формах – это скорее отход от парадигмы обычного поведения, это вызов традиционным нормам. Он определялся не принадлежностью к профессиональным или ключевым группам, а представлял собой одну из моделей отклоняющегося общественного поведения.

И все же, анализируя всю гамму эгалитарных проявлений в пролетарской среде в 1905 – 1907 гг., мы можем сказать, что они имели по преимуществу стихийный характер. Существовало некое неотчетливое, аморфное, переменчивое представление о справедливости, неотделимое от конкретной ситуации и во многом зависимое от нее. Оно было прежде всего практическим, а абстрактная этическая безупречность эгалитарных норм часто просто не принималась во внимание.

Библиографический список:

1. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее ЦДНИЯ. – Г. К.). Ф. 394. Оп. 5. Д. 2. Л. 88.

2. Там же. Ф. 394. Оп. 4. Д. 1. Л. 48.
3. Там же. Ф. 394. Оп. 1. д. 13. Л. 23.
4. Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 17. Л. 47.
5. Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 12. Л. 79, л. 211; Д. 13. Л. 13.
6. См.: Панкратова А. М. Рабочий класс России. М., 1983. С. 63.
7. См.: Шишкин В. Ф. Так складывалась революционная мораль. М., 1967. С. 282.
8. ЦДНИЯО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 12. Л. 248.
9. Там же. Ф. 394. Оп. 5. Д. 2. Л. 94.
10. Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
11. Там же. Ф. 394. Оп. 4. Д. 1. Л. 48.
12. Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.
13. Там же. Ф. 394. Д. 22. Л. 1.
14. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО – Г. К.). Ф. 674. Оп. 3. Д. 210. ЛЛ. 1 - 33.
15. Там же. Ф. 906. Оп. 4. Д. 333. Л. 3.

А. Е. Коняев
Ярославский государственный
педагогический университет

«Социальная политика» в дореволюционных тюрьмах Ярославской губернии как образец государственного лицемерия

Слово о жандармских учениках

Сохранились очень яркие, показательные свидетельства того, какой «государственный подход» к арестантскому труду демонстрировали власти Советского Союза в наиболее жестокие годы сталинизма. Вот что писал, например, начальник треста «Главзолото» А.И. Мильчаков: «На следующем заседании правительства Ежов снова вернулся к этому вопросу (*о привлечении заключённых к добыче золота на «вольных» рудниках, подчинявшихся Главзолоту – А.К.*). Он привёл пример:

- На Индигирке открыли богатое золото. Далеко от Магадана, в глубь якутской тайги по бездорожью ещё 800 километров. Я послал туда лагерь в несколько тысяч. Не все дошли. Многие уже там померли. Но цель достигнута. Дорога пробита, несколько посёлков выстроено. Я обещал Сталину дать через год с Индигирки первые тонны золота. Теперь туда пойдёт людей побольше.

- Пешком?

- Пешком, конечно, - сделал гримасу Ежов» [1].

В другой раз при разговоре подобного же свойства «страшный карлик захохотал» так, что начальника Главзолота «передёрнуло» [2]. Хотя кроме самого А.И. Мильчакова это вряд ли кого волновало: «первые тонны золота с Индигирки уже через год» исправно поступили в Гохран, газеты отрапортовали об очередных успехах индустриализации в СССР, «страшному карлику» повесили на грудь орден Ленина, а «поэт-правдоруб» акын Джамбул в связи с этим написал поэму про «зоркоглазого и умного наркома», которую наверняка читали и в индигирских лагерях.... Ну, те, кто там, выражаясь языком героя поэмы, «ещё не померли».

Сегодня известны факты и пострашнее описанного выше, в совокупности своей составляющие представление о «Большом терроре» 2-й половины 30-х гг. прошлого столетия. Когда в эпоху перестройки они стали доступны обществу, то одной из наиболее ярких реакций на новое историческое знание стало творчество поэта

И.В. Талькова. Он, характеризуя казнённую «новоявленными иудами» царскую Россию, писал: «Из мрачной глубины веков ты поднималась исполином» [3]. Сегодня, по прошествии лет, «исполин» видится скорее колоссом на глиняных ногах, и фактических подтверждений тому – множество. Вот и у сталинских «железных наркомов», как свидетельствуют архивы, были свои – в профессиональном плане прекрасные – царские учителя.

«Высшая мера социальной защиты»: истоки

Сегодня это может казаться злой иронией, но в сталинские времена расстрел называли в судебных актах именно так: «высшая мера социальной защиты». Что это было – трудно сказать. То ли откровение сталинских энкавэдэшных «соколов» по поводу того, какое «общество всеобщего благоденствия» они построили, то ли типичная для русской бюрократии уверенность, что она знает всё лучше, чем тот среднестатистический «человек», для блага которого бюрократия якобы работает. Всё равно ведь он такой, антисоветчик, в нашем наилучшем обществе не приживётся, а будет обречён на вымирание, долгое и мучительное – так вот ему высшая мера соцзащиты, чтоб не мучался зря.

Но это опять же – одно из «общих мест» раздела «к вопросу о сталинском терроре». А вот документ практически неизвестный – письмо начальника Ярославского исправительного арестантского отделения «технику сего же отделения г. Власову» от 9 октября 1907 г. [4]:

«Знакомясь с отчётностью по работам и записью заработка в арестантские рабочие книжки, я обратил внимание на книжку № 98 (Василия Меленчука), в которой за август месяц записано только в его долю заработка на 69 рублей 55 копеек, что вместе с записью за весь текущий год составило по сентябрь 221 руб. 10 к., или по 27 р. 64 к. в месяц (в те годы младший надзиратель ЯИАО имел в месяце чистого оклада, не считая премиальных и выплат за выслугу лет, 15 руб., а старший – 20 руб. – А.К.)...

Возможность для заключённых иметь такой заработок может доказывать только крайне напряжённое развитие работ при особенно благоприятных условиях, позволяющих отбывающим наказание, пользующимся казенной квартирой, одеждой и продовольствием, иметь вознаграждение за труд физический, много превышающее вознаграждение труда служащих в отделении надзирателей и прочих, на обязанности которых лежит не только физический труд, но и постоянное напряжение психических сил...

Однако за время двухмесячного управления отделением я ... не видел особого напряжения деятельности мастеровых».

Сам стиль документа говорит многое о характере и складе ума его автора – в недавнем прошлом армейского подполковника А.Л. Гордова, который чем-то очень напоминает грибоедовского С.С. Скалозуба (напомню, что автор «Горя от ума» своих персонажей писал в основном «с натуры»). Пребывая в должности «и.д. Начальника Отделения» в течение 2 месяцев, уважаемый подполковник не заметил особой активности среди заключённых-мастеровых, занятых на производстве, а между тем некий В. Меленчук имеет заработок больше, чем многие надзиратели. Могут ли эти два факта не противоречить друг другу? Для г-на Гордова (видимо, привыкшего мыслить исключительно по уставу) – безусловно нет! А если поставить вопрос иначе: может ли отдельно взятый арестант Меленчук вдруг захотеть по окончании отсидки действительно выйти на свободу с чистой совестью и с достаточным количеством честно заработанных денег в кармане, чтобы хватило начать новую жизнь?

Ну ладно, допустим, побывав в реальных ярославских «Коровниках» и увидев воочию разницу между прекрасными документами, где так много правильных слов о первоочередной необходимости нравственного исправления арестантов, и реальностью, в которой арестант рассматривается начальством исключительно как автомат для выпуска продукции, все 100% заключённых, не исключая и Меленчука, напрочь теряют желание что-либо созидательно производить и зарабатывать. Но какова оценка начальника: арестанты – это люди «пользующиеся казённой квартирой (*курсив мой – А.К.*), одеждой и продовольствием».

В Государственном архиве Ярославской области сохранились результаты медицинских освидетельствований заключённых местного ИАО за различные годы [5]. Диагнозы у признаваемых «негодными к работам» (т.е., по сути, полными инвалидами), почти одни и те же. Например, очень часты такие медицинские заключения: «катар кишок», «катар желудка» (т.е., в современных медицинских терминах, гастрит) – это к вопросу о пользовании казённым продовольствием. К нему же: в 1902 г. арестантам ЯИАО «поступило пожертвований продуктами на 1154 руб. 38 коп.» [6]. При тогдашних ценах: пуд картофеля стоил 25 коп., пуд капусты – 40 коп. Есть и конкретные данные о «пользовании казённым продовольствием»: «тяжёлое положение заключённых усугублялось

скудным рационом питания: хлеба – 2 фунта (820 г.) в день, мяса 3-го сорта или солонины – около 15 золотников (64 г.)» [7].

О «пользовании казённой одеждой и квартирой» хорошо написал в своём дневнике арестант И.С. Опанасенко, отбывавший срок в «Коровниках» в 1915 г. [8]. Вот некоторые из его воспоминаний, не нуждающиеся, на наш взгляд, в особом комментарии: «Холод собачий, спал 1-й раз в шапке. В уборной при раскрытой половине окна пронизывает насквозь». Или: «Прошу взять матрас, подушку и одеяло, а то, слышно, на всех не хватает».

Но самую интересную позицию занял г-н Гордов по вопросу «правильной» оплаты арестантского труда [9]: «Избегать расценок из 6/10 (закон предписывал в обычных случаях оставлять арестанту 3/10 от суммы заработка, но иногда допускалось оставлять и 6/10, в ряде особых случаев вроде работы в праздничные дни – А.К.) только потому, что род работы тяжёлый или рабочий подготовлен к делу лучше других».

...Царскую Россию многие в Европе всерьёз считали в начале XX в. феодальным государством – хотя бы за такие явления, как наличие государственной религии или еврейская черта оседлости. Но вот отказ в поощрении работника, занятого на «тяжёлых работах» (в современном русском языке – «вредное производство») или лучше освоившего мастерство – это даже не феодализм, а какое-то развитое рабовладение, причём древнеегипетского образца: даже в США до Гражданской войны трудолюбивых рабов хозяева поощряли, рассматривая их с экономической точки зрения, тогда как для древних египтян раб – это «живой убитый». Причём ведь уважаемый подполковник к документу, откуда взято цитированное выше выдающееся изречение, сделал ещё и приписку следующего содержания [10]:

«Настоящее... прочесть всем г.г. помощникам моим, старшим надзирателям, надзирателям, заведывающим мастерскими и находящимся в мастерских, канцелярским, ведающим рабочую отчётность, и принять указания к исполнению. Ознакомить и заведывающего фабрикою. По прочтении с расписками предъявить мне». Рабовладение – так рабовладение, все пусть знают.

Кто виноват?

Помните, у В.С. Высоцкого: «...но виновен не жираф, а тот, кто крикнул из ветвей “Жираф большой, ему видней!”» [11]? Действительно – эпоха 1905-1907 гг. была бурной, богатой на террористические акты, большинство из которых были направлены

против «угнетателей» и «приспешников царя» (в их число обязательно входили и начальники мест заключения, коих в 1905-1906 гг. было убито революционерами несколько десятков по всей империи). В таких условиях немногие соглашались занимать должность «и.д. начальника отделения», вот и взяли первого согласившегося подполковника. А если взяли и не первого попавшегося – так мало ли случаев, когда на высокие должности попадают люди, интеллектуально и нравственно не соответствующие своему назначению? Но ведь всегда есть некая инстанция, которая призвана контролировать подобные назначения и по необходимости исправлять ошибки. Такая была и в тюремном ведомстве царской России – Тюремная инспекция.

В общероссийском масштабе этот институт был учреждён законом от 21 марта 1890 г. «Об учреждении губернской тюремной инспекции» (предполагалось, что в каждом регионе будет создана своя инспекция, чей глава – губернский тюремный инспектор – будет отчитываться непосредственно перед начальником Главного тюремного управления). Уже сам этот закон показывает, насколько власть была «заинтересована» в усилении борьбы с беззаконием в тюрьмах: ГТИ в каждой губернии должна была состоять из 3 человек – губернского тюремного инспектора, его помощника и секретаря [12]. Применительно к Ярославской губернии, например, выходило, что эти трое должны были держать в сфере своего внимания только в одном губернском городе 3 крупные тюрьмы (губернскую и 2 отделения ЯИАО), приют для малолетних преступников. Плюс к этому уездные тюрьмы в Рыбинске, Мышкине, Ростове, Пошехонье и других уездных городах; земские арестантские дома и арестантские помещения при полиции.

Хотя внешне всё выглядело просто великолепно: ярославцы учредили ГТИ одними из первых в России. К 1896 г. губерnsкие тюремные инспекции имелись лишь в 24 регионах страны, другие всячески оттягивали введение у себя этого института, а вот в Ярославской губернии ГТИ заработала уже в сентябре 1890 г. [13]. К 1902 г. её штат даже увеличили до 20 человек [14], в число которых входил и врач, признававший арестантов годными или негодными к работам по состоянию здоровья.

Формально круг обязанностей начальника ГТИ определялся так:

- 1) контроль и надзор за деятельностью местных карательных учреждений;
- 2) руководство местной тюремной администрацией;

- 3) возбуждение ходатайств перед ГТУ об удовлетворении нужд местных тюрем;
 4) обобщение тюремной практики и предоставление отчётов в ГТУ [15].

Функции, как видим, в основном сводящиеся к наблюдению и рекомендациям относительно организации деятельности местных тюрем. Иначе говоря, была создана ещё одна бюрократическая машина – это подтверждается и фактами.

Осуществляя контроль и надзор, ГТИ регулярно издавала циркулярные распоряжения и рассылала письма начальникам тюрем по частным вопросам практической деятельности. Причём рассылала их в огромном количестве – в среднем по 5-6 тысяч исходящих документов в год или, вычитая выходные дни года, около 20 каждый рабочий день. А ведь созданию каждого такого исходящего документа предшествовала масса работы: сбор данных, переписка с инстанциями, рассмотрение прошений.... Вот и исходили из ЯГТИ такие циркуляры, что лучше бы уж там ничего не писали.

Например, вот такое распоряжение поступило начальникам тюрем губернии 22 мая 1910 г.: «Не в ущерб качеству, необходимо рядом разумных хозяйственных мер удешевить продовольствие... Поезжайте один, лично, раз-другой на рынок, поторгуйтесь, делайте покупки за наличный расчёт» [16].

Или другой бесспорно выдающийся акт того же периода: оказалось, что в большинстве тюремных канцелярий не экономят бумагу, и сообщения «даже в несколько строк» пишут на листах «ин-кварти» (*чуть крупнее современного А4 – А.К.*). Так что отныне начальники тюрем должны были следить и за расходом бумаги [17].

...В исторической науке существуют определённые правила критического разбора источников: установление авторства, принадлежности автора к классу или сословию и пр. А можно взглянуть на любой документ с точки зрения здравого смысла и с точки зрения бюрократии, заинтересованной, по меткому выражению одного из советских юмористов, лишь в обеспечении «бумажкина благополучия». С этой точки зрения всё в порядке: проявлена забота об экономии государственных средств. С точки же зрения здравого смысла.... Хотя, конечно, иногда попадают начальники, которые обычно вообще ничего не делают – так пусть хоть на рынок съездят или проконтролируют расход бумаги – будет что указать в ежегодном отчёте о проделанной работе.

Надо сказать, что качество циркуляров Ярославской ГТИ вполне соответствовало качеству документации, создававшейся в

центре для всей Империи. В том же 1910 г., 8 июля, Министерство юстиции «осчастливило» арестантов, подхвативших в тюрьмах туберкулёз, циркуляром «О борьбе с чахоткой». В частности, там заявлялось: «В значительной степени способствуют улучшению здоровья туберкулёзных арестантов лёгкие наружные работы.... Этой цели более всего отвечают сельскохозяйственные работы в полях, огородах, садах, а равно и другие хозяйственные работы (уборка снега и т.п.)» [18]. Документ этот столь выдающийся, что на него обратила внимание даже известный историк российского права Н.Н. Ефремова [19].

Обратимся к контролируемым ЯГТИ частным вопросам тюремной жизни Ярославии. Здесь, не в пример циркуляротворчеству, наблюдаем высокое качество работы: инспекция вникала в самые мелкие финансовые вопросы, при малейшей задержке требуя от начальников тюрем то прислать отчёт, то предъявить закупленную продукцию; при участии ЯГТИ был создан Временно-строительный комитет, осуществлявший реконструкцию и расширение зданий местного исправительного арестантского отделения на протяжении ряда лет. А вот социальная сторона активности ЯГТИ демонстрирует только бессилие инспекции что-либо изменить в существующем «порядке» внутри тюрем края.

Как уже говорилось выше, с 1902 г. при ЯГТИ работал собственный врач, свидетельствовавший арестантов на предмет годности к работам. По закону признанных негодными полагалось из исправительных отделений переводить в губернские тюрьмы, однако ввиду хронической нехватки там мест, ярославские арестанты-инвалиды чаще всего оставались в стенах ЯИАО. А там вовсю строили «экономическое чудо» за решёткой, и нетрудоспособные были явно лишними. Поэтому находим, например, такое свидетельство: 8 ноября 1902 г. врачом ГТИ свидетельствован арестант А. Галиченков, признанный негодным к работам. Но ещё более интересна приписка: «28 июня ещё признан неспособным, о чём сообщено Начальнику Исправительного Отделения со списком № 2284» [20]. Но тому, видимо, было виднее, инвалид арестант или нет – вот и проработал Галиченков как миленький ещё почти полгода.

Хотя кто обращал внимание на такие мелочи в эпоху великих тюремных преобразований! Итоговая цифирь, выдаваемая ежегодно тем же ЯИАО (с 1911 г. на его базе была создана ЯВКТ – Ярославская временно-каторжная тюрьма), позволяла не замечать

статистических погрешностей вроде арестанта Галиченкова. Экономический прогресс был налицо: если в 1911 г. «Коровники» принесли доход в 36.693 р. 36 к., то 5 лет спустя – уже в 99.758 р. [21]; минимум с 1915 г. городской бюджет Ярославля был избавлен от расходной статьи «Отопление и освещение тюрем» – обходились своими силами [22]. Так что посетивший 1 сентября 1912 г. ЯВКТ министр юстиции И.Г. Щегловитов нашёл тамошний порядок «образцовым» [23]. А почему бы и нет? – по крайней мере, для человека, при чём непосредственном участии был рождён выдающийся циркуляр «О борьбе с чахоткой».

...В своём дневнике И.С. Опанасенко в 1915 г. оставил великолепную запись, точно характеризующую внешнее благополучие и внутренний беспорядок, творившийся в тюрьмах Ярославского края: «После прогулки Харченко передал из конторы прошение для переписки, т.к. его там замарали. Может, баба яка тряпку положила – они там часто убирают» [24].

Базис...

Попробуем всё же руководствоваться бюрократической логикой и логикой г-на Гордова: все арестанты – плохие. Никто из них не был невинно осужден и, невзирая на различный характер их преступлений (от действительно жестоких актов до банальных мелких краж), все они равным образом уже как бы бывшие нормальные люди, недостойные ни в коем случае зарабатывать больше надзирателя и обязанные отбывать весь срок на работах в ИАО, как бы ни было расстроено их здоровье. Но ведь у них иногда ещё и малолетние дети бывают, которых уж никак в «бывшие люди» не запишешь – сын за отца не отвечает.

Для таких вот детей в Ярославле в 1900 г. был открыт приют при местной губернской тюрьме. Открыт на средства благотворителей – почётной гражданки Ярославля А.А. Беляевой и некоего неизвестного, пожертвовавших на постройку и обустройство приюта общей суммой 2.500 руб. [25]. Гарантированными источниками финансирования приюта должны были стать проценты с капитала в 22.000 руб., завещанного попечителем А.Н. Вахрамеевым (340 р. 91 к. в год); ещё 300 р. в год обязалось выделять попечительство над ЯИАО; 150 р. ежегодно отпускалось из средств губернского Тюремного комитета, и казна оплачивала питание детей по установленным законом расценкам: 7 коп. в день для здоровых детей, 40 коп. – для больных [26].

При открытии приюта местная газета (в ГАЯО сохранилась лишь вырезанная статья) писала: «Наружный и внутренний вид приюта составляют полную противоположность возвышающемуся напротив мрачному зданию - тюрьме. Это домик - красивый по архитектуре, высокий, светлый и чистый» [27]. Не менее чисты были и помыслы для его создания: «Основная цель организации приюта – оказать помощь лицам заключённым в тюрьме в заботах о существовании детей, сохранить детей от дурного влияния и дать им насколько возможно доброе направление» [28]. Вот только реальная политика «попечителей» по отношению к приюту несколько отличалась от заявленных целей.

Непосредственной работой с детьми были заняты надзирательница и нянька: они следили за детьми, организовывали игры, чтение книг, выезды в город, дальние прогулки. Получали же за это первая – 7 руб. в месяц, последняя – 5 руб. [29]. Что это за суммы? Из расчёта 6 коп. в день (т.е. 1 р. 80 к. в месяц) в той же ЯГТ кормили непривилегированных арестантов, а 3-5 коп. (1 р. 50 к. в месяц) стоило в Москве переночевать в одной из хитровских ночлежек. Видимо, на остающиеся 1 р. 50 к. в месяц няньке можно было купить отрез самого дешёвого сукна и самой сшить себе какую-никакую чистую одежду – чтобы бродяги за свою не приняли.

Ещё «лучше» обстояло дело с материальным обеспечением приюта. Одна опись имущества [30] чего стоит: на содержащихся в приюте детей (до 27 чел. одновременно) значатся «чашек эмалированных – 6» и «кружек – 3», а также «штор – 9». На 4,5 окна, стало быть.... Ещё в расходах на 1903 г. [31] значатся 276 р. 65 к. «на пристройку чёрного хода и отхожего места». Функционировал приют, напомню, с 1900 г. – три года без нужника....

Немало интересного и в вопросах финансирования приюта. В 1903 г. из-за подобных (см. выше) расходов и массовых закупок постельного белья, одежды и пр. приют едва свёл концы с концами: при общих поступлениях в 1082 р. 32 к. расходы составили 1080 р. 54 к. [32], чему помогли благотворители, пожертвовавшие общей суммой 17 рублей. А вот в 1904 г., когда всё уже наконец-то было достроено и закуплено в должном количестве, расходы составили 316 р. 10 к. при поступлениях в 1024 р. 32 к. [33]. Это самым непосредственным образом сказалось на финансировании приюта: если в 1904 г. казённые расходы на питание детей возросли с 7 до 8 коп. в сутки, то в 1905 г. их снова уменьшили до 7 коп. А из причитающихся и ни разу не выплаченных с 1900 г. процентов с капитала Вахрамеева на приют пошли только 531 руб. 46 коп., а 1391

руб. 46 коп. прошли «мимо кассы» «на общие тюремные нужды» [34].

...и надстройка

Любое действие, как известно, всегда рождает противодействие. В наших предыдущих публикациях уже описывался случай с военными арестантами ЯГТ, которые в феврале 1917 г. чуть не устроили в тюрьме бунт [35]. Но этот случай был вовсе не уникален по своему содержанию. В Рыбинске двумя годами ранее имел место ещё более показательный инцидент [36].

22 сентября 1915 г. с работ в Рыбинском порту привели на обед партию арестантов местной уездной тюрьмы; при проверке выяснилось, что двоих нет. Бросились в порт на поиски и одного быстро нашли, он прятался в трюме пустой баржи. Второго же найти никак не удавалось, возникло подозрение, что его укрывают вольные рабочие с баржи № 23 – латыши. Далее – словами рапорта помощника начальника Рыбинской тюрьмы: «Когда я пришёл на баржу № 23, на которой работали вольные рабочие латыши, последние стали кричать, называя меня и надзор кровопийцами и не пускали меня и надзор к осмотру баржи» [37]. Сбежал в тот день арестант русской национальности по фамилии Жуков, да и латыши его вовсе не укрывали (спустя некоторое время при помощи полиции баржу всё-таки осмотрели, не найдя никаких следов пребывания там беглого). И за что они только царских тюремных работников так ненавидели?

Сохранились и жуткие свидетельства об «ответной реакции». Февральская революция выпустила из тюрем большинство заключённых – людей, научившихся в тюрьме не жить честно, а лишь люто ненавидеть «остальной мир». В октябре многие из них, особенно «революционеры» (точнее, осужденные за мародёрство, убийства и насилие во время революционных беспорядков) сами стали «властью» - чекистами. И началось: «В Ярославле чекисты... убивали мальчиков в гимназических фуражках: «Чтобы не вырос ещё один русский интеллигент». Дети перестали носить фуражки, и тогда чекисты стали определять подлежащих смерти по характерному рубчику под волосами: натирает фуражка и натирает в определённом месте! Поймает коммунист русского ребёнка, начинает щупать и если нашупает – выстрел!» [38].

* * *

Сегодня, переосмысливая историю России XX века, любой психически здоровый человек приходит в ужас, изучая факты эпохи

Гражданской войны и «Большого террора», что вполне естественно. Но нелишне помнить и о том, что сталь «железного наркома» и его приспешников ковалась и закалялась под чутким руководством тюремщиков из эпохи «до исторического материализма».

Библиографический список:

1. Мильчакова Н. «Писать всё-таки надо!...» // Реабилитированы посмертно. Вып. 2-й. М., 1988. С. 149.
2. Там же. С. 148.
3. Тальков И.В. Монолог. М., 2002. С. 58.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 337. О. 1. Д. 303. Л. 248.
5. Наиболее полно подобные данные представлены за 1902 и 1905 гг. См.: ГАЯО. Ф. 337. О. 1. Д. 109. 259.
6. ГАЯО. Ф. 337. О. 1. Д. 112. Л. 4.
7. Приговор приведён в исполнение. К 125-летию уголовно-исполнительной системы России. // Авт.-сост. А.Н. Пичуев, редколл.: И. А. Мудров и др. Ярославль, 2004. – С. 62.
8. Подробнее см.: ГАЯО. Ф. 338. О. 2А. Д. 86.
9. ГАЯО. Ф. 337. О. 1. Д. 303. Л. 247.
10. Там же.
11. Высоцкий В.С. Я был душой дурного общества. М., 2006. С. 299.
12. ГАЯО. Ф. 335. Оп.1. Предисловие. С. 3.
13. Приговор приведён... С. 28-29.
14. ГАЯО. Ф. 335. О. 1. Д. 229. Л. 3.
15. Приговор приведён... С. 29.
16. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 130. Л. 59.
17. Там же. Л. 44.
18. Там же. Л. 80-81.
19. Подробнее см.: Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802-1917 гг. М., 1983.
20. ГАЯО. Ф. 337. О. 1. Д. 109. Л. 27.
21. Приговор приведён... С. 62.
22. Критский П. Путеводитель по г. Ярославлю на 1916 год. Ярославль, 1915. С. 11.
23. Приговор приведён... С. 63.
24. ГАЯО. Ф. 338. О. 2А. Д. 86. Л. 1.
25. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 19. Л. 1.
26. Там же. Л. 1-3.
27. Там же. Л. 26.

28. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 26. Л. 1.
29. Там же. Л. 4.
30. Там же. Л. 5-6об.
31. Там же. Л. 4.
32. Там же. Л. 3-4.
33. Там же. Л. 9.
34. ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 19. Л. 12.
35. Коняев А.Е. Изменение характера взаимоотношений между надзирателями и заключёнными ярославских тюрем в конце XIX – начале XX вв. // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 3 С. 115-119.
36. Подробнее см.: ГАЯО. Ф. 936. О. 1. Д. 398. Л. 1-7.
37. Там же. Л. 1-1об.
38. Буровский А.М. Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории в 2 книгах. Кн. II. – М.-Красноярск, 2004. С. 203.

Н. А. Миронова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

**«Неужели это – сброд безнадежных
пошляков?» (Понятие «интеллигентская
обывательщина» на страницах советских газет
1920-х гг.)**

Авторы «Вех» и многие другие мыслители, впоследствии относимые к «буржуазным», неоднократно говорили об особой миссии интеллигенции по отношению к народу. Народ – это, по выражению Н.А.Бердяева, бог интеллигенции[1]. Существует даже особая «интеллигентская правда» и «интеллигентский героизм»[2]. Между тем, одним из результатов советской пропаганды должен был стать человек с определенным мировоззрением, твердый, решительный, волевой, живо участвовавший во всех мероприятиях власти, видящий и понимающий все тонкости политики большевистского руководства. Идея «избранничества» интеллигенции не только критиковалась и высмеивалась в большевистской прессе, но и совершенно искажалась пропагандой. В статьях большевистских пропагандистов эта идея превращалась в признание «высокомерия» интеллигенции, существования некоего «интеллигентского гонора»[3]. Постепенно происходило изменение эмоциональной окраски самого слова «интеллигенция». Социальная роль интеллигенции в большевистской пропаганде совершенно изменяет свое звучание уже в первые советские годы.

Несмотря на то, что в XIX веке понятия “интеллигенция” и “мещанство” были прямо противоположны, в советское время интеллигенцию постоянно стремились приравнять к понятию “обыватели”. Родство этих понятий заключалось в консерватизме, желании противостоять потоку пролетарской культуры и культурной революции в частности, в непонимании политики советской власти. Появляется парадоксальное сочетание «интеллигентская обывательщина».

Обвинение интеллигенции в ее близости к «обывательщине», в том, что она «опустила руки», отказываясь выполнять «предназначенную ей миссию», звучало весьма своеобразно. Оно скрывало под собой некую иронию по отношению к тем, кто долгое

время претендовал на то, чтобы быть «солью земли». Уныние интеллигенции, ее «упаднические» настроения были восприняты большевиками как собственное признание «рыцарей печального образа» в своем поражении, в отходе от старых идей. Большевики считали, что интеллигенция крепкими нитями связана с буржуазной идеологией и оттого никогда не станет духовным вождем пролетариата[4]. По мнению некоторых пропагандистов, поняв, что революционный процесс набирает силу, «старая» интеллигенция отреклась от своих прежних политических стремлений и активной политической позиции.

«Нет ни ярости, ни скрежета зубного; вопли о черни и хамстве сменились равнодушно-нигилистическим: "чорт с ним, с народом"... Ушло оно, доброе, старое время, с комфортом, уютом, журналами, добродетельно демократическими разговорчиками и спорами. "А как ели, а как пили - и какие были либералы!" Все в прошлом. Были дни борьбы - разбиты этими, как их, - хамами... Ни торжества, ни злорадства. Равнодушие, безразличие, сознательный эгоизм, возведение обывательщины в догмат, в принцип, в кредо»[5], - так описывал А.Воронский состояние интеллигенции. Интеллигент, по мнению критика, не только утратил свою «мессианскую» роль в обществе, но и вообще активную политическую позицию. Характеристиками интеллигенции А.Воронский называет эгоизм, безразличие к происходящему, то есть поведение «обывателя». Последнее понятие, применяемое в пропаганде, подчеркивало удаленность таких людей – «обывателей», «мещан» от идеала советского человека. Мало интересовавшиеся политикой, ориентированные на материальные ценности, предпочитающие частные формы жизни коллективным, такие «обыватели» впоследствии образовали собой «средний класс», формирование которого также происходило в эти годы[6].

Во многих газетных и журнальных статьях критиковались публичные выступления, в которых нет просветительской пролетарской направленности: как было отмечено ранее, отсутствие интереса к политике стало одним из основных признаков мещанства и «обывательщины». Такие «культурные просветители», по мнению некоторых большевиков, могут преподнести массам только «буржуазную окрошку из пошлости и мещанства»[7].

Очень резко с критикой «интеллигентства», «мещанства» выступал Н.Бухарин. В статье «Рыцари духа» он с иронией писал: «Наша интеллигенция считала себя «солью земли», «мозгом страны» и т.д.». «Но посмотрите на них, на этих «лучших»!» Далее Бухарин

давал презрительную характеристику интеллигенции за непостоянство, «несерьезное» отношение к социализму, подвергая ее насмешке. «Присяжный поверенный: кончил, как полагается, университет, читал, радикальствовал, нюхал даже социалистическую литературу». Известно, что С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев пережили увлечение социализмом, за «несерьезность» этого увлечения они также попадают под это обвинение. «Если интеллигент видел где-нибудь, как советский служащий (его же брат) прикарманивает масло или яйца, то он решает, что Ленин должен спать на лебедином пуху, есть соловьиные языки и ананасы. Если интеллигент наблюдал своих патронов в лобазе, то он решает, что «захватчики тоже жулики», но с другого конца. Если он – жалкий трус, то и здесь у него мерка на свой аршин. Теперь интеллигент живет этой мелкой сплетней. Прямо поражаешься порой: ну как им не стыдно... Неужели это они не понимают, неужели они так тупы, неужели это – сброд безнадежных пошляков? По-видимому, да, как это не прискорбно. Интеллигент живет слухами, а «коллективный интеллигент это размножает, распространяет, смакует, жует, пережевывает, проглатывает, отрыгивает и жует снова и снова. Несчастные, скорбные главою «рыцари духа»! Когда же, когда же, наконец, вы хоть сколько-нибудь поумнеете?»[8]

Обратим внимание, что в это сатирической зарисовке интеллигент обвиняется в том, что распространяет сплетни и «живет ими». Появляется еще некто «коллективный интеллигент», который якобы заинтересован в распространении сплетен. Подобные статьи способствовали формированию мифа об интеллигенции. Однако, возможно, Н.Бухарин, говоря о распространении сплетен, подразумевал роль интеллигенции как социального коммуникатора. Марксистский теоретик не мог игнорировать значительный элемент контрпропаганды, содержащихся в подобных «сплетнях».

В других статьях Н.Бухарин говорил о том, что интеллигенция недостойна доверия, она представляет собой сплошную обывательскую массу. «У нас до сих пор продолжается «перелом» в психологии интеллигенции, которая робко пытается стать на «советскую площадку», но в то же время озирается назад»... Большевик приводил сведения о том, что в Австрии, вообще в Европе, интеллигенция «буквально умирает с голоду». Распродажа библиотек, якобы, происходила повсеместно. Упомянув об этом, Бухарин стремился подчеркнуть положительные меры, которыми советская власть «облагодетельствовала» интеллигенцию России после революции. Мотив недоверия, скептицизма по отношению к

интеллигенции звучит в следующих словах Бухарина: «Действительно, лучшие люди из старого лагеря переходят к нам. Но разве много среди всероссийской интеллигентской обывательщины «лучших»? [9]

Стоит отметить, что в дальнейшем, во время выступления в Политехническом музее в период знаменитых дискуссий о судьбах интеллигенции, Бухарин вновь говорил об «интеллигентской массе», но уже в другом ключе. Концепцию борьбы со «старым» в его речах сменяет идея нивелирования интеллигенции и массы (культурного роста массы до уровня интеллигенции). Он считал это достижимым, во-первых, через разрушение монополии на знания, во-вторых, через ограничение свободы творчества интеллигенции и усиление идейного руководства обществом. Бухарин постоянно говорил о том, что партия предоставила всем не меньшую свободу творчества, чем интеллигенции было дано царизмом. Он так объяснял необходимость ограничения свободы: «Мы никогда не можем стать на такую позицию, что пускай все совершается само собой, - кто в бога верует, пусть верует. Это не есть руководство страной.... Надо всем усвоить, что те идеологи, которые думают, что коммунизм уступит, ошибаются. Никогда мы на это не пойдем! Мы от своих коммунистических целей не откажемся! Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике» [10]. Большевики заявляли, что им надо бороться с засильем буржуазной идеологии во всех сферах [11]. Формирование идеологической системы должно было идти именно по пути усиления контроля над общественным мнением, и, в первую очередь, над мнением интеллигенции.

Прямое обобщение интеллигентности и мешанства в большевистской пропаганде можно увидеть и в статьях Н. Мещерякова, содержащих в себе идеи, очень сходные с идеями Н. Бухарина. Отсталость интеллигенции, по мнению Мещерякова, заключается в том, что она находится под влиянием буржуазных профессоров, а следовательно, ей свойственно недоверие к установившемуся режиму. «Обывателям-интеллигентам, привыкшим верить во всем мудрости ученых буржуазных профессоров, это казалось нелепым [то, что главою государства стали «классы эксплуатируемых»]. Разве может долго существовать такая нелепая власть? Нет, она неизбежно осуждена на скорое падение. Она не продержится далее нескольких недель. Нужно поскорее валить ее и поставить у власти старого, привычного барина», - писал

Мещеряков[12]. В этой статье большевик выдвинул обвинения в открытом сопротивлении интеллигенции советской власти. По его словам, убежденные в близкой и неизбежной гибели Советской власти, интеллигенция и буржуазия немедленно объявили ей жестокую войну, методами которой были как военные восстания, так и бойкоты и отказы работать с нею. Н.Мещеряков также выделил особую категорию интеллигенции – интеллигент-обыватель, что в дальнейшем у него превратилось в термин «обыватель». Характеристикой этого нового типа является доверие к слухам, сплетням, негативное отношение к советской власти, социальная глупость и недалекость. Мещеряков развивал идеи Бухарина, заявляя, что внутренние враги Советской власти давно уже признали свое бессилие перед этой властью, в то время как буржуазия и интеллигенция надеялись победить ее собственными усилиями. «Но силу и прочность Советской власти начинает смутно понимать тупоголовый интеллигент-обыватель, - писал Мещеряков. - Вначале он пытался бороться с Советской властью силой оружия и забастовок. Теперь он смирился. Теперь он признает эту власть и только из-за угла шипит на нее да исподтишка сеет всякую клевету и вздорные слухи»[13]. Интеллигент, по мнению Мещерякова, мечтает об ушедшем в прошлое господстве буржуазии. С одной стороны, «интеллигент-обыватель» начинает понимать, что Деникин и Колчак несут с собой разгром, с другой – боится их. «Его душа раскалывается на две части. Медленно интеллигент-обыватель начинает приходить к искреннему признанию Советской власти. Но это процесс еще только начался. Зародыши нового слишком малы. Пока интеллигенция только трепещет, создает всякие нелепые слухи и легенды о Советской власти и верит этим слухам и легендам»[14]. «Тупоголовый интеллигент-обыватель» – вот ключевой образ, который создается в этой статье. Раздвоение души, душевные метания интеллигенции, о которых столько было сказано на страницах интеллигентских журналов, здесь высмеиваются, помогают проиллюстрировать «социальную тупость» интеллигенции. В статьях Н.Мещерякова мы можем увидеть всю палитру обвинений интеллигенции: от контрреволюционности до обвинения в саботаже. Автор не забывает сказать и об идее «классовой отброшенности» «старой» интеллигенции, о ее «метаниях» между буржуазией и пролетариатом.

Вслед за Н.Бухариным Н.Мещеряков обвинял интеллигенцию в доверчивости к слухам и сплетням. «Когда-то русская интеллигенция гордилась тем, что она – самый передовой слой

русского общества, соль земли, что ее силами велась упорная борьба с самодержавием. Она мечтала о руководящей роли в революции. А теперь она болтает о том, что «жиды» вызвали нашу революцию и руководят ею». Мещеряков заявлял, что интеллигенция всрит всем нелепым толкам, которые распространяются в городе, и погрузилась в болото самого пошлого, грязного антисемитизма. Интеллигенты, по словам Мещерякова, подстрекают к еврейским погромам и сами принимают в них горячее участие. Интеллигенты якобы создали целую теорию, что вся история революции со времен Великой Французской революции есть дело еврейского заговора[15].

Продолжая идеи Бухарина и Мещерякова о том, что интеллигенция распространяет сплетни и тем самым вредит советской власти, А.Воронский писал, что причина «разложения» интеллигенции – в ее близости к буржуазии. «А рядовой интеллигент верит тому, что Ленин пирует у «Яра» и ест при этом с золотого блюда, да и о том, что Троцкий походя покупает фруктов на 40 тысяч рублей. В этих слухах ярче всего отражается полное банкротство буржуазной интеллигенции – этого мозга буржуазного общества»[16].

Большевик Ф.Пономарев сравнивал интеллигенцию, верившую в сплетни, с «фарисеями и книжниками». Подобно последним, они «не уверовали в новоявленного мессию, роясь в своих книгах», посчитав, что Россия – страна отсталая во всех отношениях[17].

Большевики замечали, что среди интеллигенции распространились упадочные настроения, которыми она заражала молодежь. Это также было признаком «обывательщины». По мнению большевиков, это было недопустимо, так как вело к угасанию классовой ненависти к врагу, к падению общественных чувств, боевых качеств. Подвергнуться «растлевающему влиянию интеллигенции» считалось крайне опасным. «Выгаскивать сейчас на свет божий права обывателя в том виде, в каком это делает Андрей Белый - великие принципы долой, да здравствует маленький человек, - значит сдавать позиции, впадать в недопустимую расхлябанность, возводить усталость, угомление, большое в добродетель, значит открывать двери всему упадочному»[18].

Портрет интеллигента-обывателя появляется и во многих других статьях. Когда открывались некие курсы драматического искусства, В. Боярченков, написавший об этом заметку, заметил, что контингент желающих заняться творчеством совершенно не тот, который был нужен для работы кружка в идеологическом ключе. «Так как Пролеткульт не позаботился своевременно разъяснить

рабочим значение и задачу открывающихся курсов, то в студию попали как раз не рабочие, а именно та мещанская и интеллигентская масса, с которой нельзя творить пролетарскую культуру. Эта заполонившая студию мещанская масса своим мелкобуржуазным взглядом разложила и то небольшое пролетарское ядро, которое организовалось еще до открытия студии»[19]. Автор противопоставляет «мещанскую массу» и «пролетарское ядро». Не совсем понятно, в чем собственно заключается этот мелкобуржуазный взгляд, который оказал на пролетариев такое пагубное влияние. Характерен негатив, который присутствует при упоминании автором интеллигенции: в этой статье четко видно, как в едином негативном потоке два изначально противоположных понятия «интеллигентский» и «мещанский» сливаются, образуя крайне распространенную отрицательную характеристику. В. Боярченко обращает внимание на «засилье» мещанской массы, которая мешает созданию «новой» культуры.

Несколько лет спустя слово «интеллигентский» стало синонимом слов «беспольный», «бесплодный», «пустой»[20]. Интеллигенция, особенно гуманитарная, воспринималась как совокупность людей, склонных к рассуждениям о вечном, о смысле жизни и т.д. Именно поэтому появляется огромное количество упоминаний о «никчемности» интеллигенции. В пропаганде господствовало утверждение о том, что интеллигенты не представляют особой ценности для пролетариата, например, потому, что они не могут создать подлинно революционное искусство для того, чтобы поддержать пропаганду, например, революционную музыку[21]. Л.Сабанев заявлял: «Музыка осталась в стороне, революция прошла мимо нее, не задев ее, не изменив музыкальных подходов к искусству». По его мнению, музыка бедна, а «настоящих», пролетарских композиторов не было. Сабанев прямо заявлял о бесполезности творческой интеллигенции, связанной с музыкой: «Наши корифеи музыкального творчества – мрачно и сосредоточенно безмолвствовали», либо их творчество было простым повторением прежнего, не заключая в себе никаких намеков на «революционное преобразование» психологии. «Старые» писатели постоянно упоминались как совершенно бесполезные. Большевики заявляли, что буржуазно-дворянская литература не создала ни одной вещи, которая заслуживала бы серьезного внимания. «Ахматова хранила гробовое молчание. Эмигранты услаждались изысканиями Мережковского о мистических сексуальных учениях древности. Более или менее любопытна, может

быть, книга стихов Марины Цветаевой «Ремесло», вышедшая в Берлине»[22]. Однако Цветаева обвинялась в политическом непостоянстве: она печатала свои стихи и в Госиздате, и в эзэровских «Современных Записках». Большевики сделали вывод, что «идеологически и психологически Цветаева - целиком эмигрантка. И «Ремесло» - зловещая эмигрантская книга»[23].

Многие идеи буржуазной интеллигенции признавались большевиками абсурдными. Вместе с тем, даже говоря об определенных достоинствах старой интеллигенции, ее попытках сотрудничать с новой властью, пойти на компромисс, большевики всегда в этот же момент вспоминали о ее «грехах», недостатках, высмеивали ее и практически никогда не признавали ее конструктивную роль в создании нового советского общества. Попытки интеллигенции воспринять созидательную силу революционного процесса было ничем иным с точки зрения большевистских идеологов, как «подлым стремлением умирающих уцепиться за живых».

Большевики пришли к следующему выводу: задачей «новых» писателей, художников является борьба с мещанством, «обывательщиной», которые во многом несут «старые» интеллигенты. Особенно остро призывы к борьбе звучали летом – осенью 1922 года. Заметим, что в это время увеличивается общее количество статей, посвященных проблемам интеллигенции. А.Воронский писал, что «задача писателя сейчас заключается в борьбе с новым мещанством, которое заражает советский воздух, - с мещанством где бы оно ни было». Борьба должна вестись во имя «старых, славных заветов», во имя «испытанных лозунгов революции». Эти идеи должны были стать главными для молодых писателей, их писательской «платформой». «Провозглашение и возведение обывательщины в принцип, как это сделал Андрей Белый, - писал А.Воронский, - опасно не только тем, что ведет по пути отказа от «великих принципов», но приводит как раз к этому чумазому, принижает активность, сосредоточивая ум, сердце и душу на узеньком, личном, анти-общественном, бескрылом. Это как раз то, что нужно гражданину Нэпману. Ему нужно сорвать флаги с великими лозунгами, и тогда он уже беспрепятственно займется магазинами, кафе, биржей, личным уютом, и песнь торжествующей свиньи сменит боевые звуки Интернационала. Вот его идеал»[24]. А.Воронский писал, что «г. Нэпмана» нужно было подчинить интересам труда, указать ему место, не дать ему «испошлить жизнь», сделать совсем «мутным» поток революции.

Большевики заявляли, что «Г.Нэпман» уже действует на арене идеологической борьбы, поэтому надо не только изображать его в произведениях, отражать его пороки, но и не позволять писателям поддаваться его влиянию[25]. А.Воронский призывал пролетарских писателей к борьбе. Нэп, по словам автора, стал основной причиной ее обострения.

Надо заметить, что при создании образа интеллигента в советской пропаганде использовались самые разные приемы и методы. Само сочетание «интеллигентская обывательщина» является примером использования приема transfer[26] (переноса, в данном случае парадоксальном соединении двух противоположных характеристик). Зачастую он применяется для того, чтобы противопоставить роль интеллигенции в дореволюционном обществе и в советском обществе.

Таким образом, понятие «интеллигентская обывательщина» было довольно ёмким, оно обобщало целую группу морально-нравственных характеристик, которыми, по мнению большевиков, обладала интеллигенция: отсутствие активной политической позиции, нежелание содействовать культурному строительству, стремление к буржуазной идеологии и многие другие. Появление и распространение рассматриваемого словосочетания, в сущности парадоксального, способствовало складыванию негативного стереотипа восприятия интеллигента.

Библиографический список:

1. Вехи. Интеллигенция в России: Сб.ст. М.: Мол.гвардия,1991. С.25.
2. Там же. С. 42, С. 65.
3. Мещеряков Н. О пыли на шляпах // Правда. 1920. 7 августа.
4. Голос труда. (Александров) 1918. 25 мая.
- 5.Воронский А. Литературные отклики // Красная новь. 1922. №2. С. 258.
- 6.Dunham Vera Sandomisky. In *Stalins Time. Middle Class Values in Soviet Fiction.* Cambridge etc., 1976
- 7.Закс Г. Культурно-просветительная работа //Правда. 1919. 7 мая.
- 8.Бухарин Н. Рыцари духа // Правда. 1919. 22 августа.
- 9.Там же.
- 10.Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923-1925 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С.59.
- 11.Виленкин А. Организация борьбы с мещанством // Красный мир. 1922. 16 января.

12. Мещеряков Н. Агония буржуазии // Правда. 1919. 7 сентября.
13. Мещеряков Н. Агония буржуазии // Правда. 1919. 7 сентября.
14. Там же.
15. Там же.
16. Воронский А. Литературные отклики. // Красная новь. 1922. №2. С. 269-270.
17. Пономарев Ф. Старое старится, а молодое растет // Известия Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. (Владимир). 1918. 13 сентября.
18. Воронский А. Литературные отклики // Красная новь. 1922. №2. С. 269-270.
19. Боярченко В. К вопросу о пролеткульте // Правда. 1919. 6 мая.
20. Покровский М. Разложение продолжается // Правда. 1921. 27 декабря.
21. Сабанеев Л. Революционный итог в музыкальном искусстве // Правда. 1922. 27 июля.
22. Лелевич Г. 1923 год // На посту. 1924. №1. С. 79.
23. Там же.
24. Воронский А. Литературные отклики // Красная новь. 1922. №2. С. 275-276.
25. Там же.
26. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Transfer_%28propaganda_technique%29

М. В. Александрова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

**Изменение социально-пространственной
структуры
города в первые годы советской власти
(на примере г. Ярославля)**

Специфика истории России XX столетия заключается в непрерывном процессе урбанизации. Бурно развиваясь, российские города становились местом концентрации населения, производства, событий и явлений общественной жизни страны. Важнейшей отличительной чертой российского урбанизационного процесса, по сравнению с Западной Европой, являлась огромная роль государства, которое не только создавало города, но и регламентировало их жизнь [1]. Городское пространство, начиная с XVIII века, являлось объектом целенаправленного планирования. Градостроительная политика, выступая во многом как продукт господствующей идеологии, была направлена на организацию городской территории в соответствии с задачами власти.

Особый интерес в этом отношении представляет советский период. После революции 1917 г. в нашей стране начался широкомасштабный эксперимент по строительству нового общества. Радикальным изменениям подверглись все стороны общественной жизни. Новые явления в социально-экономической, политической и духовной сферах оказали влияние на облик российского города. Переустройство городского пространства в 20-е гг. стало одной из основных задач социальной политики большевиков. Город должен был стать инструментом формирования нового жизненного уклада, новой системы ценностей. Перестройка социально-пространственной структуры отражала завоевания новой власти, демонстрируя принципы функционирования нового, социалистического государства.

Градостроительная теория и практика 20-х гг. может оказаться ценным источником для понимания сущности преобразований, проводимых в первые годы советской власти, их целей, методов и результатов. Ярким примером воплощения тенденций отечественной градостроительной политики является застройка города Ярославля.

Ценность Ярославля как одного из интереснейших градостроительных ансамблей, имеющих значение для российской и мировой культуры, в настоящее время является предметом широкого признания и активного обсуждения. В 2010 г. Ярославль готовится отметить свой тысячелетний юбилей. В связи с этим повышается внимание к истории этого древнего города и его уникальному облику. В 2005 г. исторический центр Ярославля был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО как образец комплекса, демонстрирующего преемственное развитие градостроительства и архитектуры, монументального искусства организации городских ландшафтов на протяжении более пятисот лет, ярко представляя исторический процесс этого развития в центральном регионе России.

Ярославль, являясь до революции классическим примером губернского центра, в 20-е гг. XX века становится пионером воплощения новых градостроительных идей. Таким образом, застройка нашего города предоставляет богатый материал для исследования изменений, произошедших в социально-пространственной структуре городского пространства в первые годы советской власти.

Перспективным методом для понимания сущности переустройства городской территории в 20-е гг. XX века является сравнительный анализ социально-пространственной структуры дореволюционного Ярославля и Ярославля социалистического.

Первый регулярный план Ярославль получил в 1778 г. Появление этого градостроительного документа, на многие десятилетия определившего облик Ярославля, было связано с целенаправленным переустройством русских городов, проводившимся с 60-х гг. XVIII в [2]. В 1777 г. Ярославль стал центром наместничества. Регулярный план соответствовал новому статусу города, воплощая принципы классической рациональности и иерархии пространства. Согласно этому проекту, город приобретал геометрически правильную и законченную композицию. Центром Ярославля становилась Площадь административных учреждений, впоследствии получившая название Ильинской (ныне – пл. Советская). От этой площади расходилась сеть широких центральных улиц, на которых располагались главные культовые и торговые здания города.

К середине XIX века реализация регулярного плана 1778 г. в основном завершилась. По мере превращения города в крупный промышленный, торговый и транзитный центр новые

градостроительные документы регламентировали дальнейшее освоение городской территории.

В центральной, наиболее престижной части города новые преобразования «накладывались» на планировочный замысел 1778 г., но, как правило, не вступали с ним в противоречие [3]. Доминантой центральной части города оставалась Ильинская площадь с расположенными на ней корпусами Присутственных мест. Основная масса административных, деловых и торговых зданий концентрировалась в историческом городском ядре. Престижным районом также являлся «25 обывательский квартал», расположенный в границах современных улиц Первомайской, Республиканской, Свободы и Которосльной набережной. Здесь наряду с усадебной застройкой размещались многочисленные доходные дома, гостиницы, лавки и магазины [4].

В отличие от центральной части Ярославля, где преобладали каменные здания, ближе к городским границам застройка была в основном деревянной. Во второй половине XIX века здесь появляются промышленные предприятия. Строительство фабрик и заводов за чертой города, где предпринимателей привлекала дешевая земля, способствовало освоению новых территорий. Вместе с предприятиями за городской границей появлялись административные здания, жилые и бытовые корпуса для рабочих. В районе грузового порта Дядьково сложилась промышленно-складская зона. В районе Московского вокзала, станций Всполье и Урочь формировались поселки железнодорожников. Жилые массивы частных застройщиков образовались в Полянках, за городским валом, вдоль Угличской дороги. Росли рабочие поселения ЯБМ в Творогове, Забелицах, Починках. Все эти участки в 1910 г. вошли в пределы городской черты [5]. Ярославль постепенно обрастал рабочими окраинами.

Социальный состав центральной части города не был однородным. В доходных домах и сдававшихся внаем помещениях могли проживать представители разных слоев общества. Некоторые ремесленные мастерские и предприятия также находились в центральном районе. Однако, как и в других крупных российских городах, центр ассоциировался, прежде всего, с богатством, лучшими гигиеническими условиями, комфортом, престижем, хорошей городской инфраструктурой. Здесь в 1883 г. появился водопровод, обслуживавший кварталы от Стрелки до ул. Духовской (совр. ул. Республиканская). Жители других районов пользовались водой, взятой непосредственно из реки или через водоразборные

будки по талонам. Центральные улицы мостились булыжниками и имели асфальтовые тротуары. Для стока дождевых вод в центре города устраивались подземные водосточные трубы, закладывались под землю многие ручьи. На улицах окраин в лучшем случае существовало лишь ленточное покрытие -- дорожки из камня посередине дороги, а тротуары были из щебня или песка. Уличные фонари, появившиеся в 1903 г., размещались только на центральных площадях [6].

Таким образом, в дореволюционном Ярославле существовала четкая иерархия пространства. Центр являлся средоточием жизнедеятельности состоятельных слоев общества, жизнь низших слоев редко выходила за пределы рабочих окраин. Центральная часть города застраивалась приносимыми прибылью зданиями, украшалась в соответствии с архитектурной модой, благоустраивалась. Окраины города, наоборот, воплощали лишь необходимый минимум удовлетворения человеческих потребностей.

Деление городского пространства на главное и второстепенное, престижное и неблагоустроенное, центр и периферию характерно для крупных дореволюционных российских городов. Петербург начала XX столетия распадался в представлении горожан на районы «буржуазно-аристократические» (центр) и рабочие районы, включавшие «городские деревни» (окраины) [7]. Концентрическая структура Москвы воспринималась как «феодально-иерархичная» [8].

Иерархия городского пространства в определенной степени отражала принципы господствующей идеологии монархизма. Вместе со сменой власти в 1917 г. необходима была коренная перестройка социально-пространственной структуры российского города. В 20-е гг. XX столетия в советском градостроительстве развернулись дебаты о социалистическом городе: каким он должен быть, чем должен отличаться от капиталистического, какой тип жилья в нем будет преобладать и т. п.

В новом социалистическом городе, в соответствии с лозунгами новой власти, иерархия пространства должна была уступить место равенству и общедоступности территорий. Многие планировщики и архитекторы 20-х гг. отрицали наличие в соцгороде центра в старом его понимании как элитного района, арены культурной и общественной жизни [9]. В качестве альтернатив развития города проектировались новые модели поселений: город-сад, город-коммуна, агрогород, а также равномерное расселение жителей вдоль транспортных магистралей. Для достижения оптимальных условий

быта и отдыха населения разрабатывались новые типы жилища: коттеджи, дома-коммуны, мобильные дома-кабины. Воплотить эти идеи предполагалось в планировании новых городов и реконструкции старых. Для изменения иерархии городских пространств в градостроительной политике использовалось несколько стратегий. На пространственном уровне устранение различий между центром и окраинами могло быть достигнуто за счет благоустройства рабочих районов, нового строительства. На социальном уровне – путем перемещения различных слоев общества в городском пространстве, передела жилищного фонда. На символическом уровне усилия властей были направлены на понижение статуса центра как наиболее престижной, значимой и привлекательной части города.

Вопрос о перепланировке российских столиц и крупных городов провинции не вставал перед большевиками до середины 20-х гг., пока не были хотя бы частично преодолены последствия гражданской войны и революции. Однако в Ярославле новая градостроительная политика заявила о себе гораздо раньше. Во многом причиной этому послужило значительное разрушение города в ходе трагических событий июля 1918 года. Восстановление Ярославля предполагалось вести «в соответствии с новыми требованиями градостроительства и произошедшими в стране социальными изменениями» [10]. Проект реконструкции Ярославля, разработанный в 1918 – 1924 гг., стал первым генеральным планом города советского периода, воплотив наиболее рациональные элементы градостроительных концепций 20-х гг.

Альтернативой иерархии пространства в генплане Ярославля 1924 г. становится функциональное зонирование территории. Деление на равнозначные участки, каждый из которых выполнял в городском организме свою функцию, обеспечивало рациональное и спланированное устройство города, предоставляя всем процессам городской жизни оптимальные условия. Предусматривалось пять равных по своему значению зон: административно-деловая, фабрично-заводская, больничная, жилая и транспортная. Жилая зона города «для более удобного обслуживания нужд населения» разбивалась на десять районов. В каждом из них устраивались свой административный центр, пожарное депо, милиция, почта и телеграф, амбулатория с аптекой и пунктом скорой помощи, библиотека, клуб, кинотеатр, магазины, рынок, столовые, школы, детские сады, детские площадки [11]. Таким образом, жилые районы представляли собой относительно независимые и равные по уровню

культурно-бытового обслуживания городские территории. Понятие элитного квартала должно было уйти в прошлое.

При крупных промышленных предприятиях проектировались рабочие поселки. Основную их массу предполагалось сосредоточить в районе Полушкиной рощи, «где поблизости река, парк и наиболее здоровое, возвышенное место» [12]. В соответствии с идеями советских градостроителей рабочие поселки считались чрезвычайно перспективными жилыми массивами-спутниками, позволяющими разгрузить большие города и создать оптимальные условия жизни населению.

Большое влияние на проектирование жилых районов и рабочих поселков в 20-е гг. оказала идея «города-сада», предложенная Э. Говардом в начале XX века. Эта концепция предполагала формирование городских комплексов как системы озелененных территорий с малоэтажной застройкой. Отечественных архитекторов в ней привлекала целесообразность небольшого размера поселений и возможность улучшить санитарно-гигиенические условия жизни [13]. Первым конкретным воплощением данной идеи стал проект поселка-сада Дядьково, разработанный в 1923 г.

В соответствии с новой градостроительной политикой, направленной на ликвидацию иерархии городского пространства, необходимо было сделать рабочие районы такими же удобными, благоустроенными, красивыми, как и центральные кварталы города. В 20-е гг. каменная застройка появляется не только в центре, но и на окраинах Ярославля. Первые каменные жилые дома советского периода были построены для рабочих фабрики «Красный Перекоп» и Ярославского Государственного Авторемонтного завода (ныне ЯМЗ). Во второй половине 20-х гг. начинается строительство жилых комплексов – Бутусовского поселка, поселка Резиноасбестового комбината. Вместе с жилой застройкой на бывших рабочих окраинах Ярославля возводятся каменные школы, амбулатории, клубы. Проектирование жилых зданий и объектов соцкультбыта в рабочих районах осуществляли ведущие инженеры и архитекторы Ярославля – Г.В. Саренко, Н.Ю. Лермонтов. Для застройки Бутусовского поселка был объявлен всесоюзный конкурс проектов. В новых домах для рабочих и служащих создавались система отопления, водопровод и канализация, в каждой квартире имелись прихожая, кухня, бытовые удобства [14]. В народе такие дома долгое время называли «дворцами».

Революционный лозунг «Дворцы – рабочим» претворился в

жизнь и другими способами. Параллельно с благоустройством рабочих районов в начале 20-х гг. шла кампания по экспроприации строений центральной части города для удовлетворения нужд трудящихся. Перераспределение помещений центра проходило в полном соответствии с ленинским планом «жилищного передела», о котором еще задолго до прихода к власти он писал: «Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающегося семью в квартиру богатого человека» [15].

Переселение трудящихся с рабочих окраин, из негигиеничных и неблагоустроенных квартир в квартиры «бывших» осуществлялось в 20-е гг. во многих крупных городах. В Москве количество рабочих, проживавших в пределах Садового кольца, увеличилось за три года советской власти с 5 до 50 процентов [16]. В Ярославле уже в конце 1917 г. рабочие и красногвардейцы стали явочным порядком занимать особняки буржуазии. После мятежа Ревком принял решение о переселении 16 400 погорельцев в наиболее благоустроенные кварталы города [17]. 30 июля 1919 г. Ярославский Губисполком создал комиссию по выселению буржуазии из занимаемых ею помещений и водворению на ее место рабочих. Вместе с этим аналогичные меры проводились в отношении торговых помещений.

Согласно ленинской формуле жилищного передела, «богатой» считалась квартира, в которой «число комнат равняется или превышает число душ населения, постоянно проживающих в данной квартире» [18]. «Богатые» квартиры подлежали «уплотнению». В октябре 1922 г. всем домоуправляющим Ярославля предписывалось представить в жилищный подотдел Ярославского Губкоммунотдела точные сведения о свободной жилплощади с подробной характеристикой каждого помещения. Домоуправляющих, не представивших такие сведения, могли подвергнуть отстранению от должности и привлечению к суду [19]. Вся доля полезной площади, полученной в результате уплотнения, отдавалась «под жилье рабочим, живущим в подвальных помещениях, в самых невероятных гигиенических и санитарных условиях» [20]. Постепенно центральная часть города из элитного района, олицетворявшего престиж, недоступность, консерватизм, превращается в средоточие непрерывных переселений, переделов и конфликтов.

В 20-е гг. меняются привычные ориентиры городского пространства. В дореволюционном Ярославле доминантами городской застройки выступали старинные храмы. Согласно регулярному плану 1778 г., церкви и башни XVII века служили

главными узлами пространственно-планировочной композиции города. Храмы и монастыри Ярославля являлись одной из главных примет своеобразия города, центрами, вокруг которых разворачивалась жизнь прихожан. В советский период церкви утрачивают господствующее положение в городской застройке. Многие из них значительно пострадали в результате трагических событий июля 1918 г. и урагана 22 июня 1921 года. В первой половине 20-х гг. Ярославская реставрационная комиссия провела работы по восстановлению ряда архитектурных памятников. Однако из-за недостатка средств в большинстве случаев реставрация оказалась лишь частичной. Национализация церковного имущества, политика государства в отношении религии привели к дальнейшему запустению культовых сооружений. Несмотря на то, что во многих церквях продолжались службы, их роль в организации городского пространства, жизни горожан сводилась к минимуму. Некоторые закрытые в начале 20-х гг. храмы передавались на нужды города. Кафедральный Успенский собор на стрелке с 1922 г. находился в ведении Биржи труда, а позднее в нем устроили зернохранилище. В церкви Николая Рубленого разместилось общежитие, храм Петра и Павла за Которослью был занят под клуб [21]. Часть территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря в 1919 - 1921 гг. превратилась в 1-й городской концлагерь «нетрудового элемента» [22].

Под жилье для рабочих и советские учреждения передавались и другие памятники архитектуры, прежде выделявшиеся на фоне городской застройки своим великолепием. Например, бывший дом Лопатина был отдан под Дом ребенка, дом Вахрамеева «против медного столпа» - под Губвоенкомат [23].

Иерархия пространства стирается не только в градостроительных документах, но и в сознании горожан. Элитные кварталы и роскошные особняки становятся общедоступными, культовые постройки, имевшие прежде сакральный смысл, превращаются в рядовые хозяйственные помещения. Центр города, выступавший в качестве парадного фасада дореволюционного Ярославля, в 20-е гг. оказывается ареной постоянных перемещений и изменений, демонстрирующих нестабильность и ориентацию на перемены, свойственные молодому государству. При этом эталоном застройки нового, социалистического города объявляются второстепенные прежде территории – рабочие кварталы и поселки. На их строительство направляется большинство средств и усилий, энтузиазма и внимания общественности.

Советский город 20-х гг. постепенно перестает быть дифференцированной по значимости районов территорией. Эксперимент по строительству нового общества охватил все городское пространство в целом.

Библиографический список:

1. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 78.
2. Бобович А.Р. Ретроспективный анализ градостроительного планирования г. Ярославля // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. Ярославль, 2004. С. 11.
3. Островская О.И. Застройка города Ярославля в период развития капитализма во второй половине XIX – начале XX века // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. Ярославль, 2004. С. 36.
4. Дутов Н.В. Ярославские слободы. Ярославль, 2004. С. 13 - 27
5. Островская О.И. Указ. соч. С. 39.
6. Дутов Н.В. Из истории 25 квартала // Губернский город. 2004. № 12. С. 34 – 35.
7. Герасимова К., Чуйкина С. От капиталистического Петербурга к социалистическому Ленинграду // Нормы и ценности повседневной жизни. С.-Пб., 2000. С 31.
8. Паперный В. Мужчины, женщины и жилое пространство // Жилище в России: век XX. М., 2001. С. 94.
9. Хазанова В.Э. Остались на бумаге... Неосуществленные проекты советской архитектуры. М., 2002. С. 17.
10. Коммунальное хозяйство и строительство. 1921. № 1. С. 52.
11. Астафьева М. План «Большого Ярославля» 1918 -1923 гг. // Архитектура СССР. 1969. N 1. С. 59.
12. ГАЯО. Ф. Р-1526. О. 1. Д. 70. Л. 11.
13. Сапрыкина Н.С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность. Ярославль, 2006. С.22.
14. Там же. С. 35 – 39.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 26. С. 88.
16. Паперный В. Указ. соч. С. 95.
17. Ярославль социалистический. Очерки по истории города. Ярославль, 1960. С. 58.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1975. Т. 54. С. 380.
19. ГАЯО. Ф.Р-208. О. 1. Д. 250. Л. 1.
20. Там же. Л.11.

21. Пир во время чумы // Родина. 1992. № 8/9. С. 28 – 30.
22. Блажевская С.Е. Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле. М., 2003. С.110.
23. ГАЯО. Ф.Р-208. О.1. Д. 237. ЛЛ. 58 – 59.

О. Е. Феофанов
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Проблема накопления капитала (К вопросу об индустриализации в СССР)

Новая экономическая политика создала неплохие предпосылки для роста экономики в целом. Однако наряду с успехами возникли и трудности, вызванные различными причинами, в том числе неспособностью и нежеланием большевистского руководства преодолевать кризисные явления хозяйственными, рыночными методами.

Середина 20-х годов характеризовалась серьезными внутривнутрипартийными дискуссиями о возможности построения социализма в одной стране, в ходе которой звучали требования о необходимости корректировки экономической политики. В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП (б) был провозглашен курс на индустриализацию. Вскоре после съезда в апреле 1926 г. состоялся Пленум ЦК ВКП (б), в центре внимания которого «был вопрос, какими путями должно идти дальнейшее развитие нашего хозяйства и, в частности, промышленности, как можно осуществить выдвинутый XIV партсъездом лозунг индустриализации нашей страны» [1].

Определение темпов индустриализации являлось кардинальной проблемой экономической политики советского государства. После завершения восстановительного периода темпы роста промышленности неизбежно снижались; требовались огромные капиталовложения, и в новое строительство и в реконструкцию старых предприятий с изношенным оборудованием. Где найти необходимые финансовые ресурсы? Апрельский Пленум, обсуждая проблему накопления средств для развертывания промышленного строительства, казалось, определил эти источники: «Экспроприация непродовольственных классов (буржуазии и дворянства), аккумуляция долгов, сосредоточение доходов от промышленности, госторговли (внутренней и внешней) и всей кредитной системы в руках государства и т. п. - сами по себе дают возможность такого накопления внутри страны, которое обеспечивает необходимый для социалистического строительства темп развития индустриализации» [2]. На IV съезде Советов СССР

(апрель 1927 г.) в законодательной форме было закреплено требование «обеспечить максимально возможный темп накопления в народном хозяйстве средств, необходимых для фактического разрешения задачи индустриализации страны» [3].

Главным средством распределения национального дохода на нужды социалистической индустриализации являлся государственный бюджет, для доходной части которого в конце 20-х годов было характерно значительное повышение доли платежей предприятий и организаций социалистического хозяйства в налоговых поступлениях, большой рост неналоговых доходов от государственных хозяйств и поступлений по государственным займам [4].

Задача максимального использования денежных сбережений населения для финансирования индустриализации страны нашла свое выражение в докладе о хозяйственном положении Советского Союза, сделанном Сталиным в 1926 году на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б): «Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не расплылись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов, на предмет их использования для нужд прежде всего промышленности. Понятно, что вкладчики должны получать за это известный процент. Нельзя сказать, чтобы в этой области дело обстояло у нас сколько-нибудь удовлетворительно. Но задача улучшения нашей кредитной сети, задача организации дела внутренних займов, несомненно, стоит перед нами как очередная задача, и мы ее должны решить во что бы то ни стало» [5].

В 1924-26 гг. советским правительством велась достаточно успешная работа по созданию широкого рынка государственных ценных бумаг. Но чтобы оздоровить финансовую систему, необходимо было восстановить доверие масс к государственному кредиту. В связи с этим проводилась крайне осторожная политика денежной эмиссии. Доходы от государственных кредитов предусматривались в сравнительно небольших размерах – порядка 400 млн. руб. [6].

В годы, предшествовавшие появлению займов индустриализации, советские финансисты стремились к тому, чтобы государственные ценные бумаги лучше усваивались рынком, были ликвидными. Ликвидность обеспечивались за счет создания сети финансовых организаций: банков, сберкасс, обществ взаимного кредита.

Основными тенденциями в развитии государственных займов в 1924-26 гг. являлись постепенное повышение доли среднесрочных и долгосрочных займов; переход от натуральных форм возврата займа к денежной; переход к распространению государственных ценных бумаг исключительно на добровольной основе; ориентация правительства на рыночные механизмы размещения ценных бумаг и др.

Для того, чтобы эти тенденции упрочились, необходимы были новые шаги, способные обеспечить более гибкое управление фондовыми операциями на основе ценных бумаг в сторону снижения учетного процента. Кроме того, особое внимание следовало обратить на диверсификацию, то есть расширение разнообразия в сроках, доходности, способах выплаты дохода, предоставлении различных преимуществ держателям облигаций государственного займа.

В случае, если бы развитие советских займов действительно пошло по такому пути, кредитно-денежная политика принципиально не отличалась бы от американской. А это означало только одно: Россия изповская неуклонно продвигалась в направлении капиталистического развития. Большевицкое руководство не могло этого допустить. Выбор был сделан в пользу жесткого государственного администрирования, в том числе и в финансовой сфере.

Первый заем индустриализации был выпущен в 1927 г. сроком на 10 лет в форме облигаций номиналом 5 и 25 рублей под 6 % годовых. Облигации содержали по 20 купонов, по которым должен был выплачиваться доход. Заем был выпущен на большую сумму - 200 млн. руб. [7]. Для распространения государственного займа были созданы комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу (комсоды). В их функции входило проведение разъяснительной работы среди трудящихся об услугах, предоставляемых сберкассами, а также распространение облигаций [8]. На них так же возлагалась функция контроля за ликвидностью облигаций госзаймов, хотя никакого вторичного рынка они не имели. Лишь в чрезвычайных ситуациях сберкассам разрешалась покупка облигаций или предоставление кредита под их залог, а позднее и выдача ссуды под облигации, но на очень невыгодных условиях [9].

«Разъяснительная» работа, проводившаяся комиссиями, достигла цели. Доля поступлений таких займов после начала деятельности этих организаций увеличилась в 2, 4 раза [10].

Суммы, полученные от реализации особой серии облигаций первого займа индустриализации, направлялись на строительство

Днепрогэса – так гласила надпись на украинском языке, выполненная на облигациях этой серии [11].

Первый заем индустриализации в целом еще не носит «безвыигрышного» характера, свойственного более поздним выпускам. Со второго займа индустриализации можно проследить первые признаки того, что государство не намеревается возвращать свои долги.

Второй заем индустриализации был выпущен в 1928 г. на сумму 550 млн. руб. сроком на 10 лет в виде облигаций номиналом в 5 и 10 руб. Отличало его от первого займа то, что он распространялся двумя выпусками. Сначала был выпущен беспроцентный выигрышный выпуск, доходность по облигациям которого была крайне мала [12]. Более того, после распространения облигаций беспроцентного выпуска их количество было увеличено на 50 млн. руб. в денежном выражении за счет сокращения процентного выпуска. Тем самым государство подрывало веру населения в прибыльность организуемых им мероприятий по индустриализации страны.

Третий заем индустриализации был выпущен в 1929 г. на сумму 950 млн. руб. сроком на 10 лет облигациями по 5, 25, 50 руб. и с первоначального значения в 700 млн. руб. выросло до 900 млн. руб. [14]. Снова было увеличено количество беспроцентных разрядов облигаций (на 150 млн. руб.) и даже выпущен один дополнительный процентный разряд (50 млн. руб.) [15].

Таким образом, доходы от займов достигли значительных размеров. По справочным данным, опубликованным в советских изданиях, их доля в бюджете составляла 5 % [16]. В то же время авторы монографии «История социалистической экономики» приводят цифру в 20,2 %. Правда, в исследовании учтены не только займы индустриализации, но и другие многочисленные займы, в том числе рыночные, проведенные советским правительством. Однако нужно учесть, что доля последних за 1927-29 гг. упала до 12,9 % от всей суммы займов. Так что львиная доля внутреннего государственного долга пришлось на обязательства по облигациям, купленным населением в рассрочку, то есть по займам индустриализации [17].

Сумма государственного долга выросла за эти годы в 4, 5 раза. Можно выделить в ней три составляющих: займы, размещенные в организациях, размещенные по подписке и рыночные займы. Доля первых составляет 52 %, вторых – 35 %, третьих – примерно 13 %. Из этого следует, что только по 13 % своих обязательств государство

было готово всерьез отвечать. Но гораздо важнее то, что государственный долг достиг 1849,7 млн. руб. [18], что превысило годовой бюджет РСФСР. В условиях государства со смешанной экономикой при малейшем подозрении в неплатежеспособности правительства мог произойти финансовый кризис. Симптомы его наблюдались в СССР в рассматриваемый период. Так, при попытке размещения третьего займа индустриализации начался массовый сброс облигаций, обмен их на деньги. ЦИК пришлось принимать срочные меры для предотвращения финансового краха инвестиционных программ: активизация деятельности комиссий содействия государственному кредиту и сберегательному делу, непосредственные обращения к крестьянству с призывом не продавать облигации [19].

Каким же образом государство рассчитывалось по долгам? Естественно, делалось все, чтобы люди не продавали облигации. Розыгрыши по займам проводились, но в отсутствии рынка государство само могло устанавливать сумму выигрышей и завышать ее в своих интересах. Кроме того, покупка облигаций в рассрочку оттягивала момент, начиная с которого приобретаемая таким образом облигация могла выйти в тираж и что-то выиграть. Это еще один способ, с помощью которого государство отсрочивало момент уплаты своих долгов перед собственными гражданами. Наконец, в 1936 г. была произведена конверсия внутреннего долга. Это означало, что выплаты по займам, в том числе по третьему займу индустриализации переносились на неопределенный срок, а выплаты по процентным займам снижались с 6 % до 4 % годовых [20]. Новая процентная ставка не только не покрывала потерь держателей облигаций от обесценивания денег, но и означала отрицательную доходность. До войны не состоялось ни одного погашения облигаций [21].

Государственные займы не были единственным способом привлечения средств населения на цели индустриализации. Одним из других таких средств были сберкассы. Их число выросло с 7,4 тыс. в 1927 г. до 16,5 тыс. в 1929 г. Качество услуг, оказываемых этими учреждениями, было очень низким. Об этом можно судить по тому, что средний размер одного вклада почти не рос, а в 1928-29 гг. даже падал [22]. Тем не менее, количество лицевых счетов в них выросло с 1,2 млн. в 1926 г. до 13,5 млн. в 1931 г. В начале 1929 г. ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение о государственных и трудовых сберкассах СССР», статья 59 которого гласила, что «средства государственных и трудовых сберкасс помещаются в

государственные займы» [23]. Таким образом, сбережениями граждан оплачивались и займы, предназначенные для размещения в организациях.

Приведенные факты позволяют говорить о том, что займы индустриализации являлись важной частью государственной политики в сфере накопления капитала. При этом государство стремилось вольно и бесконтрольно распоряжаться личными средствами граждан во имя индустриального развития страны.

Библиографический список:

1. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1, М., 1957. С. 447.
 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 9-е изд. М., 1984. С. 343.
 3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов: в 5 т. М., 1967. Т. 4. С. 615.
 4. Дьяченко В. П. История финансов СССР (1917 – 1950 гг.). М., 1978. С. 180.
 5. Сталин И. В. Сочинения. Т. 8. М., 1954. С. 126.
 6. Вавилов Ю. Я. Государственный кредит: прошлое и настоящее. М., 1992. С. 19.
 7. Теремов В. Н. Каталог облигаций и обязательств внутренних государственных и целевых займов РСФСР и СССР (1922 – 1991). Саранск, 1996. С. 28.
 8. Комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу // Финансово-кредитный словарь. Т. 1. С. 312.
 9. Муравьева Л. А. Промышленное развитие и финансы в годы довоенных пятилеток // Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 86.
 10. Вавилов Ю. Я. Государственный кредит... С. 45.
 11. Теремов В. Н. Каталог облигаций... С. 30.
 12. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО. М., 1923 – 1937. № 46. С. 406.
 13. СЗ СССР № 2. С. 5.
- По данным Ю. Я. Вавилова – 850 млн. руб.
14. Теремов В. Н. Указ соч. С. 34.
 15. Злобин И. Д. Государственные займы // Политическая экономия. Экономическая энциклопедия: В 4-х т. Т. 1. С. 99.
 16. История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 99.

17. Вавилов Ю. Я. Государственный кредит... С. 50.
18. Вавилов Ю. Я. Указ соч. С. 50.
19. Государственные займы // Финансово-кредитный словарь. Т. 1. С. 291 – 294.
20. Муравьева Л. А. Промышленное развитие... С. 86.
21. Вавилов Ю. Я. Указ. соч. С. 53.
22. Сберегательные кассы за 50 лет. М., 1972. С. 30.

О. Н. Литвинова
*Ярославский государственный
педагогический университет*

**К вопросу о роли советских и партийных
органов в организации
партизанского движения (на примере
Брянского края)**

Партизанское движение в исторической науке является одной из наиболее спорных и неоднозначно трактуемых тем Великой Отечественной войны. Вопрос о его целях, организованности, руководстве представляется довольно сложным. С одной стороны, советская историография не подвергала сомнению утверждение о том, что во главе народной борьбы в тылу врага стояли партийные органы. Так, по мнению отечественного исследователя А. И. Залесского, «одной из основных особенностей партизанского движения в годы Великой Отечественной войны было именно то, что это движение от начала до конца проходило под непосредственным руководством Коммунистической партии» [1]. Этот подход к партизанскому движению в отечественной науке окончательно не преодолен до сих пор.

С другой стороны, некоторые западные историки утверждали, что партизанская борьба была ответной реакцией на жестокости оккупационного режима, действием небольших групп «фанатиков», уголовных и деклассированных элементов, не являлась показателем патриотизма населения, приверженности коммунистическому строю [2]. В условиях переоценки событий ряд современных российских исследователей отказывается от устоявшихся в советской исторической науке положений и трактует многие эпизоды Великой Отечественной войны, в том числе и партизанское движение, исходя из тезиса о существовании в СССР тоталитарной системы, аналогичной режиму фашистской Германии [3]. Подобные утверждения ставят под сомнение народный характер партизанской борьбы и принижают подвиг советских граждан. Задача сегодняшнего дня – преодоление крайностей в историографии, объективная оценка партизанского движения со всеми негативными и позитивными явлениями.

Целью данной статьи является определение влияния партийных и советских органов на формирование, функционирование и

обеспечение партизанского движения. Выбор в качестве предмета изучения Брянского края является показательным в том отношении, что этот регион был важным звеном тех явлений и процессов, которые происходили на оккупированных территориях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Немалую роль в этом играло и географическое положение Брянщины, расположенной на стыке трех советских республик (РСФСР, УССР, БССР), в регионе наиболее интенсивного партизанского движения. Орловская область (до июля 1944 года территория нынешней Брянской области входила в состав Орловской – О. Л.) была одним из типичных советских районов, оказавшихся в немецкой оккупации.

Зарубежные историки отмечали, что в начальный период Великой Отечественной войны партизанское движение либо отсутствовало, либо являлось совсем незначительным. По утверждению Н. Верта, «сопротивление на оккупированной территории было очень слабым» [4]. Однако некоторые документы и мемуары свидетельствуют об активности партизан уже в начальный период войны. По воспоминаниям немецкого генерала Г. Гудериана, еще в 1941 г. в лесных массивах брянских и смоленских территорий были созданы партизанские отряды, которые своими действиями представляли значительные трудности для немецкого командования [5]. Согласно приказу начальника штаба вермахта В. Кейтеля от 16 сентября 1941 г., партизанское движение возникло с «началом войны против Советской России» и стало «повсеместным», «массовым», «всеобщим» [6]. Подобные факты позволили советским историкам утверждать, что народная борьба в тылу врага на Брянщине началась сразу же после оккупации территории Орловской области немецкими войсками и была следствием целенаправленной организации партийных и советских органов, связанной с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и выступлением по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталина [7]. Так, по мнению генерал-майора А. П. Горшкова, бывшего заместителя начальника Брянского штаба партизанского движения, большую роль партийные и советские органы сыграли в формировании в июне 1941 г. истребительных батальонов, создававшихся во всех районах и городах Орловской области [8]. Они включали мобилизованное гражданское население. Впоследствии эти батальоны были преобразованы в партизанские отряды, для которых создавались базы с оружием и продовольствием в труднодоступных лесных массивах. Эти мероприятия положительно сказались на развертывании партизанской борьбы. Однако многие склады были

захвачены фашистами, а запасов хватило только на очень короткий период военных действий [9], что свело на нет всю подготовительную работу.

Необходимо отметить, что немецкое командование также часто идентифицировало партизанское движение как плод усилий партийных и советских органов. Например, «Основные положения по борьбе с партизанами» (осень 1941 г.) и «Боевое наставление по борьбе с партизанами на Востоке» (конец 1942 г.) объявляли народных мстителей членами принудительных организаций, созданных коммунистами для защиты своих целей [10]. Уже упоминавшийся приказ В. Кейтеля от 1941 г. был озаглавлен как «Коммунистическое повстанческое движение на оккупированных территориях» [11]. Конечно, немцы исходили из пропагандистских целей, противопоставляя партизан-коммунистов и остальных советских людей, которые якобы благосклонно принимали новый порядок. Однако и они вынуждены были признать, что частично местное население «из-за нужды было вынуждено пойти в эти банды (партизанские отряды – О. Л.) с целью грабежа» [12], что говорит об определенной степени стихийности возникновения народной борьбы в тылу врага.

Советские исследователи, дабы подчеркнуть организованный характер партизанского движения, часто упоминают помощь, которую оказывало партизанам командование Западного и Брянского фронтов [13]. Однако, учитывая отсутствие радиостанций у большинства партизанских отрядов в первый период войны, скорость немецкого наступления, недостаточность резервов и снабжения самих фронтов, не приходится говорить о существенности данной помощи. Партизанские отряды вплоть до организации Центрального штаба партизанского движения 30 мая 1942 г. были вынуждены самостоятельно добывать себе оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Хотя и эта мера советского командования не привела к существенному улучшению материального положения партизан, о чем свидетельствуют донесения комиссаров партизанских отрядов летнего периода 1942 г.: «В связи с тем, что наш партизанский отряд в течение двух месяцев был расположен в районе колхоза «Красный Пахарь» и не имел освобожденных от фашистов населенных пунктов, пополнить свою продовольственную базу не представлялось ни какой возможности. В проводимых операциях... продуктов также не удалось достать... К концу июля продуктов питания в отряде уже не было. Полученного хлеба от Трубчевского отряда в количестве 30

пудов при норме 300 гр. в сутки на бойца хватит до 7-8 августа. Других продуктов питания в отряде не имеется. Перспектив на заготовку в ближайшие дни продуктов не имеется (и это при наличии Центрального штаба партизанского движения, в чьи задачи входила и материальная поддержка партизанских формирований – О. Л.). И отряд находится в тяжелом положении в части питания. Одеждой (шинелями), бельем и обувью (ботинки, сапоги) бойцы отряда обеспечены в основном на 60-70%» [14]; «... Продовольственной базы в отряде нет, но производим уборку урожая с полицейских участков и заготовку продуктов из урожая 1941 г., в счет поставок государству. (Особых успехов в этом деле пока нет)» (орфография сохранена по тексту – О. Л.). Эти документы говорят о том, что главным источником обеспечения партизанских отрядов даже после организации централизованного снабжения была добыча продовольствия и одежды на немецкой территории и партизанская взаимовыручка, а не поддержка из центра.

Упоминания о стихийности возникновения партизанского движения на Брянщине можно найти в мемуарах его участников, несмотря на то, что они подвергались цензуре. Командир второго полка брянской партизанской бригады «За Родину» И. А. Ильиных в своих воспоминаниях утверждает, что существовали отряды, уже возникшие в оккупации, в условиях конспирации, главной задачей которых являлась организация и добыча боеприпасов [15]. Известный партизанский командир А. Н. Сабуров, говоря о формировании своего отряда в южном массиве брянских лесов, упоминал узников, бежавших из фашистских лагерей, а также парней и девушек, чудом спасшихся от угона в Германию [16]. Это свидетельствует о том, что в партизанском движении принимали участие люди, вынужденные стать народными мстителями не по идейным соображениям, не благодаря организации советских и партийных органов, а в ответ на притеснения немецких властей. К таковым можно отнести и военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении и не имевших возможности прорваться к своим. Они вступали в партизанские отряды, спасаясь от немецкого плена. Естественно, что офицеры и комиссары, обладавшие военными знаниями, духом воинской дисциплины и организованности, навыками обращения с отечественным и трофейным оружием, минно-взрывным делом, знавшие тактику боя в различных условиях, становились командирами, начальниками штабов, руководителями разведок и других подразделений партизанских отрядов и соединений. На Брянщине среди таких

командиров партизанских отрядов были Ф. Е. Стрелец, А. Н. Сабуров, И. А. Гудзенко, И. К. Гайдуков и другие, которые из небольших армейских групп, насчитывающих до двух десятков человек, за счет местного населения в течение короткого времени создали крупные партизанские формирования численностью в несколько сотен патриотов. Например, уже упоминавшийся отряд А. Н. Сабурова первоначально насчитывал менее десятка военнослужащих [17], а затем за счет местных жителей вырос до 3 тыс. человек.

Роль советских и партийных органов, которые ушли в подполье, сводилась к отбору добровольцев для пополнения партизанских отрядов, но по-прежнему основную массу партизан составляли простые жители Брянщины, которые попадали в отряды не через партийные инстанции и защищали не только советскую систему, а прежде всего свою семью, свою деревню, свой родной край. Хотя в советской историографии утверждалось, что стихийно возникшие боевые группы патриотов, «преодолевая огромные трудности, упорно искали связи с партийным подпольем и партизанами, чтобы влиться в мощный поток всенародной борьбы против фашистских поработителей» [18], некоторые документы свидетельствуют о разногласиях между различными видами партизанских формирований. Так, командир отряда им. Ворошилова старший лейтенант Покровский 11 мая 1942 г. доносил командиру объединенных партизанских отрядов, что «партизанский отряд Хомутовского района в лице командира отряда лейтенанта Козлова и комиссара отряда Романенко стал на путь не присущее советским партизанам... Воровским способом захватили два станковых и два ручных пулемета, и продолжает вести антигосударственную агитацию о нецелесообразности находиться в партизанском отряде имеющем в своем большинстве военнослужащих» [19] (орфография сохранена по тексту – О. Л.). В соединениях народных мстителей существовали вольные демократические порядки, с которыми военные комиссары пытались покончить.

Советское командование стремилось унифицировать партизанские отряды, перевести их на положение воинских частей и ввести соответствующий устав и дисциплину. В частности, была разработана присяга красного партизана, которая распространялась в отрядах. Любопытно, что в первом издании сборника документов «Партизаны Брянщины» она датирована 1942 г. [20]. Во втором издании эта датировка признается ошибочной и указывается 1941 г. Документы свидетельствуют о том, что присяга в брянских

партизанских отрядах распространялась летом 1942 г., то есть уже после организации Центрального штаба партизанского движения, что наводит на мысль о цензурной правке и о стихийности партизанского движения на первом этапе борьбы. Анализ текста данного документа говорит о стремлении партийного руководства снизить самостоятельную активность партизан, сделать их вспомогательными подразделениями регулярной армии, придать их деятельности идейную окраску. Об этом свидетельствуют следующие слова присяги: «Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы всех своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину... Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни» [21] (курсив мой – О. Л.). Введение присяги и военных порядков в некоторых партизанских отрядах сопровождалось разногласиями. Об этом свидетельствует следующий документ: «Товарищ Гладштейн младший командир кандидат ВКП(б) в связи с введением твердого внутреннего распорядка в роте и требованием комсостава выполнять последний в присутствии личного состава роты заявил, “Я присягу Красного партизана принимать не буду потому что заведены не нужные для партизан порядки”, после общественного и партийного обсуждения его поступка свою ошибку осознал, присягу принял» [22] (орфография сохранена по тексту – О. Л.). Отряды народных мстителей имели в своей повседневной жизни более свободные порядки, поэтому введение воинской дисциплины встречало протест рядовых бойцов и младших командиров.

Некоторые люди шли в эти отряды, убягая от тяжелого материального положения на оккупированных территориях. Ухудшение продовольственного обеспечения вело к падению боевого духа, развитию аморальных явлений, колебаниям бойцов. Например, партизан Кельман неоднократно с отдельными бойцами вел разговоры: «В полиции дают яйца, масло, мед, спирт и табак а у нас здесь нет ни каких привилегий при первой удобной операции обязательно убягу к своим т. е. к полицейским» [23] (орфография сохранена по тексту – О. Л.). Партизан Курашов выражал свое мнение: «Зачем мы будем партизанить, когда наших семей немцы и полиция будет громить» [24] (орфография сохранена по тексту – О. Л.). Подобные настроения встречались и у мирного населения.

Они выражались в открытом недовольстве советским строем. Например, гражданка села Ямное Барсукова заявляла: «Только избавились от колхозного ига, а эти паразиты (т. е. партизаны) опять приехали сюда восстанавливать свою власть. Как только придут немцы, я выдам им все партизанские семьи...» [25]. Эти слова были сказаны в период нахождения села под контролем партизан. Подобные факты свидетельствуют о приоритете у отдельных жителей Брянщины личных, а не государственных или партийных интересов, которые способствовали вступлению одних в партизанские отряды, а других толкали на сотрудничество с оккупантами.

Таким образом, партизанские отряды на Брянщине формировались тремя способами. Первые соединения возникали на базе истребительных батальонов из мобилизованного гражданского населения городов. Хотя они организовывались советскими и партийными органами, но в связи с быстрым немецким продвижением в глубь российской территории теряли централизованный контроль и действовали самостоятельно. Важную роль играли отряды из бывших бойцов Красной армии, которые возникали стихийно, но организовывались вокруг офицерского состава. Однако постепенно данная форма партизанских подразделений была поглощена отрядами народных мстителей. Последние стихийно формировались из сельского и частично городского населения, которое бралось за оружие в ответ на зверства немецких оккупантов.

В советской историографии для подтверждения тезиса об организованности партизанского движения, роли партийных органов в этом процессе отмечалось, что партизаны отличались высоким уровнем боевого мастерства и организованности [26]. В этом отношении особенно дискуссионными представляются утверждения Ф. И. Колесникова и И. Л. Афроимова о том, что брянские партизаны были подготовлены и громили врага по всем правилам боевого искусства, поскольку многие из них прошли школу Осоавиахима [27]. Признавая заслуги последнего, стоит отметить, что боевой опыт участники партизанского движения приобретали все-таки во время военных операций. Как свидетельствуют документы Государственного архива Брянской области, многие партизаны погибали от неумелого обращения с оружием и взрывчатыми веществами, допускали перерасход дорогостоящих военных материалов. Например, в приказе командирам брянских партизанских отрядов от 9 сентября 1942 г. говорилось о том, что «...

в действующих партизанских отрядах командиры и бойцы диверсионно подрывных групп зачастую не имеют представления о ВВ (взрывчатых веществах – О. Л.), их боевых свойствах и применении... Участились случаи в действующих партизанских отрядах при подрыве военных и промышленных объектах напрасные жертвы от собственных взрывов...» [28] (орфография сохранена по тексту – О. Л.). Это свидетельствует о том, что партизаны по большей части были рядовыми гражданами, а не целенаправленно подготовленными бойцами и приобретали необходимые навыки обращения с оружием в боях с немцами. И хотя партийные и советские органы «усиленно готовили кадры самых различных специалистов,... диверсионные группы и переправляли их через линию фронта» [29], обучение этих специалистов велось в сжатые сроки, что, безусловно, сказывалось на его эффективности. Например, в Орловской области диверсантов готовили всего за 15 дней; разведчиков – за 10 дней; радистов – за 45 дней; организаторов партизанского движения – за 30 дней [30].

На основании анализа документов необходимо отметить, что роль советских и партийных органов в создании партизанских отрядов явно преувеличена в отечественной исторической науке. В то же время некоторые представители западной историографии отрицают роль организующего элемента в народном движении. Безусловно, главной силой в партизанском движении на Брянщине был стихийный народный патриотизм, который выражался в желании защитить свой край от оккупантов. На более позднем этапе (с мая-июня 1942 г.) органы советской власти стремились придать партизанскому движению организованный характер, унифицировать его и направить в нужное им русло, но не всегда успешно. При этом они оказывали помощь в снабжении партизанских соединений, которая в условиях войны и отсутствия ресурсов не могла быть слишком большой. Поэтому народные мстители, главным образом, должны были рассчитывать на собственные силы.

Библиографический список:

1. Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. М., 1962. С. 54.
2. См.: Логунова Т. А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск 1941-1945. М., 1985. С. 4-5.
3. См.: Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М., 2004. С. 11-12.
4. Верт Н. История советского государства. М., 1992. С. 284.

5. См.: Гудериан Г. Опыт войны с Россией// Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 195.
6. См.: Совершенно секретно. «Только для Командования». Документы и материалы. М., 1967. С. 395-396.
7. См.: Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула, 1970. С. 5.
8. См.: Горшков А. П. Партизанское движение на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.)// Шли на битву партизаны; Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. Брянск, 1972. С. 88-89.
9. См.: Там же. С. 89.
10. См.: Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л., 1974. С. 334.
11. См.: Совершенно секретно. «Только для Командования». Документы и материалы. М., 1967. С. 395.
12. Цит. по: Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л., 1974. С. 334.
13. См.: Дандыкин Т. К. Хозяйственно-политическая жизнь в партизанских краях и зонах// Шли на битву партизаны; Сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. Брянск, 1972. С. 165.
14. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 127-128.
15. См.: Ильиных И. А. Шестьсот дней в боях и походах. Брянск, 1960. С. 3.
16. См.: Сабуров А. Н. Силы неисчислимы. М., 1968. С. 19-20.
17. Сабуров А. Н. Отвоёванная весна. Кн. 1. М., 1968. С. 64, 66.
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 271.
19. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 213. Л. 22.
20. См.: Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Брянск, 1962. С. 85.
21. См.: Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов о брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. Тула, 1970. С. 34.
22. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 29-30.
23. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 29-30.

24. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 71.
25. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 244. Л. 29-30.
26. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 258.
27. См.: Колесников Ф. И., Афроимов И. Л. Брянщины слава боевая. М., 1979. С. 18.
28. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
29. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. М., 1965. С. 271.
30. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

А. В. Еремин
*Ярославский государственный
педагогический университет*

Становление законодательства о религии и Русская Православная Церковь в первой половине 90-х годов XX века

Важной составляющей формирования новой российской государственности в начале 90-х годов стала религиозная сфера. Новые принципы взаимоотношения государства и Церкви требовали нового вероисповедного законодательства.

Российская власть заявляла о необходимости ликвидировать элементы дискриминационной политики в отношении верующих и Церкви. Однако можно сказать, что после принятия Закона «О свободе вероисповеданий» в 1990 году государство начинает проводить политику невмешательства в дела Церкви. В России отсутствовала развитая система церковно-государственных отношений.

Функции взаимодействия властных структур и религиозных организаций взял на себя первоначально Экспертно-консультативный совет при Комитете по свободе совести, затем Координационная комиссия при правительстве РФ по вопросам вероисповеданий, а также государственный советник РФ по политическим вопросам. Это приводило не к систематизированному регулированию религиозной сферы, а к часто не связанным между собой указам и распоряжениям Президента и Правительства. В стране нарастал кризис между законодательной и исполнительной властью, поэтому религиозной сфере практически не уделялось внимание.

В декабре 1993 года принимается новая Конституция. Окончательно был заявлен провозглашенный в Законе «О свободе вероисповеданий» принцип свободы совести. Провозглашалось отделение Церкви от государства.

Однако религиозная сфера, как и любая другая, не могла существовать без проработанного, целостного законодательства, позволяющего отвечать на многие возникающие вопросы, обеспечивающего защиту прав религиозных организаций, их полноправной социальной деятельности.

Самым главным последствием Закона 1990 года была массовая регистрация религиозных организаций. Более того, в России стали появляться деструктивные культы, запрещенные во многих странах мира. Например, такие скандально известные объединения, как мормоны, Церковь объединения С. Муна, «Белое братство», АУМ Синрике, террористическая «Анада Марг», «Семья» Чарльза Мэнсона, известная зверскими убийствами, «Ворота в небеса», совершившая массовое самоубийство. Принцип свободы совести распространялся на все религиозные объединения, стоило только подать заявление и получить статус юридического лица, да еще и налоговые льготы. Такой ситуации не было даже в США, где не отдается приоритета ни одной конфессии. В 1994 г. в России действовали 11 тыс. религиозных организаций со статусом юридического лица и около 5 тыс. организаций без регистрации своих уставов.[1]

Отсутствие разработанного законодательства приводило к законотворчеству в регионах. Эти законы были направлены на сотрудничество местных властей с РПЦ в вопросах культуры, тем самым заполняя пустующую нишу. Но, прежде всего, в начале 90-х эти они были направлены против религиозных деструктивных объединений, которых большинство специалистов называют сектами. Подобные нововведения, поддержанные общественными организациями и РПЦ, возникли не менее чем в 15 областях и регионах.

О необходимости совершенствования законодательства настойчиво стала выступать РПЦ. 12 мая 1994 года в Государственную Думу направляется «Меморандум РПЦ о рассмотрении в Государственной Думе Федерального собрания РФ вопроса о совершенствовании законодательства о свободе совести». В меморандуме звучала настоятельная просьба внести поправки в существующее религиозное законодательство. Но Государственная Дума под влиянием общественности уже в 1993 г. приняла новую редакцию закона, на которую Президент наложил вето. Разработка нового закона вызывала большую полемику в обществе, Президент предпочел не менять ничего в существующем законодательстве, так как это могло нарушить постепенное укрепление авторитета власти после кризиса 1993 г. По сути, решение важнейшей проблемы российского общества откладывалось в неопределенное будущее. РПЦ поддерживала власть, увеличивались масштабы ее социальной деятельности, росло количество общин и храмов, даже в условиях

ограниченного законодательства, отсутствия целостной религиозной политики государства.

В период становления вероисповедного законодательства в первой половине 90-х годов в непростых для себя политико-правовых условиях РПЦ продолжает формировать свою позицию по отношению к государству. Особое значение в этом плане имел Архиерейский Собор 1994 года. Он уделил наибольшее внимание церковной жизни. Однако на нем было принято важное решение: Собор «признал необходимым выработать всеобъемлющую концепцию, которая отражала бы общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом», [2,С.3]. Священному Синоду было поручено создать рабочую группу для выработки документа. Архиерейский Собор подтвердил позицию, определенную Архиерейским Собором 1992 года, о том, что «Церковь не связывает себя ни с каким общественным строем, ни с какой политической силой», [2,с.9]. На Соборе подводились важные итоги возрождения Православной Церкви, ее социальной деятельности. Было принято важнейшее решение: одобрено решение Священного Синода от 8 октября 1993 года, запрещающее священнослужителям принимать участие в парламентских выборах в качестве кандидатов (нарушители подвергались низвержению из сана). Церковь еще раз обозначила свои приоритеты в отношениях с государством и аполитичную позицию. Особое внимание Собор уделил деятельности «сект» и совершенствованию вероисповедного законодательства. Патриарх в своем слове отметил, что эта деятельность подрывает духовную и культурную идентичность народов СНГ [3]. Собор принял определение «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и неоокультизме», в котором также звучала необходимость участия государства в ограничении деятельности «сект». Собор направил также письма Президенту и спикерам обеих палат парламента, где наряду с другими насущными для Церкви вопросами (возвращение несправедливо отчужденного в послереволюционный период церковного имущества, о налоговой политике, необходимости государственной поддержки православных общеобразовательных учебных заведений) была обозначена и эта проблема.

К середине 90-х взаимоотношения государства и РПЦ приобретают форму плодотворного сотрудничества. Это выражается в ряде постановлений правительства и Президента, которые предоставляют Церкви необходимые льготы в ее социальной деятельности, увеличивающейся с каждым годом. Без детально

разработанного законодательства Церковь и государство существовали в рамках формирующейся договорной системы (кооперационная модель), в которой приоритет, безусловно, отдавался РПЦ. Но правовой вакуум в области государственного контроля за деятельностью религиозных организаций как юридических лиц не мог не волновать Церковь. Линию борьбы за изменение законодательства в этой сфере продолжило «Обращение Патриарха к законодателям». 14 апреля 1995 года Патриарх Алексей II обратился с открытым письмом к Председателю Государственной Думы России И.П. Рыбкину.[4]

Обращение Патриарха и ситуация в стране не остались незамеченными; началась разработка нового закона. Первая половина 90-х годов стала временем становления вероисповедной политики, оформления начатых в конце 80-х годов тенденций, временем определения многих позиций РПЦ, и, прежде всего, ее отношения к государству. Более того, произошел поворот от нейтралитета государства в религиозной сфере, что приводило к накоплению массы проблем и распространению «сект», к его включению в решение насущных задач, которые ставила перед ним необходимость строительства гражданского общества в России. Без соответствующих постановлений и законодательства невозможно было сформировать целостную вероисповедную политику.

Некоторые исследователи этот процесс называют «тенденцией установления контроля за Церковью».[5]

На наш взгляд, это нормальный процесс складывания вероисповедной политики. Государство не может устраниваться из религиозной сферы. Создание распорядительных органов власти на местах, как и законотворчество, явилось следствием слабости федерального центра и устранением государственной власти от регулирования вопросов религиозной сферы. Появление соответствующих органов власти носило ответный характер, так как к середине 90-х годов стало понятно, что законотворчество без координации центра – процесс незаконный и требует систематизации. Практика развития религиозной сферы сама спровоцировала процесс создания необходимых органов (которые носили координирующий характер) и формулировку нового Закона.

Стремление Церкви играть роль гаранта духовного развития нации, присутствие Патриарха на важных мероприятиях государственного масштаба отнюдь не являлось показателем попытки навязать Церкви идеологические функции. РПЦ была отделена от государства, но не от общества. Она всегда

присутствовала там, где происходило важное в плане возрождения России событие, своим присутствием одобряя те действия, которые ведут к миру и стабильности. Заставить Церковь поддерживать то или иное решение невозможно; она вправе, как это было не раз, оспорить то или иное мероприятие, призвать остановиться политиков, если их деятельность ведет к социальным конфликтам (например, события 1993 года или августовский путч 1991 года). Впоследствии Церковь сформулирует принцип неповиновения властям, «если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным делам», [6.С.57]. Еще в 1990 году Патриарх Алексий направил письмо М.С. Горбачеву, в котором говорилось: «Закон об отделении Церкви от государства отнюдь не означает, что Церковь находится вне государства, а верующие люди — вне советского общества. Напротив, тысячами видимых и невидимых нитей Церковь связана с государством. И верующие нашей страны заняты практически во всех сферах экономической и социальной жизни. Одним словом, отделение церкви от государства не исключает сотрудничество между ними и, даже более того, только при отделении возможно подлинное сотрудничество. Церковь могла бы более активно и решительно бороться с различными пороками и болезнями в обществе, выступая за духовное и нравственное здоровье людей», [7.С.315]. Церковь выступила против всероссийского исполнительного органа, подобного министерскому, но она была не против органов регламентирующих, консультативных, обеспечивающих плодотворное сотрудничество государства и Церкви, контролирующих массовое распространение тоталитарных «сект».

Важным событием в процессе формирования вероисповедной политики в первой половине 90-х годов стал принятый Государственной Думой 5 июля 1995 года Федеральный Закон «Об основах государственной службы Российской Федерации». [8] В главе II (статье 5) подтверждается конституционный принцип отделения государства от Церкви, внепартийность государственной службы, [8,с.4]. Предписывается запрет «использовать свое служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных объединений для пропаганды отношения к ним». [8,с.4] По закону в государственных органах не могли образовываться структуры религиозных объединений. Этими нормами обеспечивалась ликвидация

возможности влияния на государственную политику каких-либо религиозных объединений.

Еще до издания закона происходило формирование государственного органа при Президенте РФ. 24 апреля 1994 года появилось распоряжение Президента Российской Федерации «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями».[9] 2 августа 1995 г. глава государства утвердил положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России.[10] Этот Совет согласно Положению являлся консультативным органом, который должен был осуществлять предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для Президента, касающихся взаимодействия Президента с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества. Предполагалось, что Совет будет участвовать в разработке новой концепции взаимоотношений государства и религиозных организаций. С этого момента берет начало новый этап развития государственно-церковных отношений, который с 1997 года получил свою новую динамику развития в сторону выработки всеобъемлющей концепции взаимодействия государства и Церкви. Этот процесс сопровождался одновременно и формированием социальной концепции РПЦ.

К середине 90-х годов, несмотря на отсутствие нового вероисповедного законодательства, вопросы свободы совести и вероисповедания, деятельности религиозных организаций затрагивались во многих правовых актах.

Важным событием, способствующим принятию нового религиозного закона, стал Архиерейский Собор 1997 года, открывшийся 18 февраля в гостинице Данилова монастыря.[11] Собор подтвердил решение Соборов 1992 и 1994 годов «о непредпочтительности для Церкви какого-либо государственного строя, какой-либо из существующих политических доктрин». Архиерейский Собор развил принципы взаимоотношения Церкви с политическими организациями и, более того, не благословил священнослужителей быть членами политических объединений. Заявив еще раз о своей аполитичности, РПЦ обозначила свою духовно-нравственную миссию в современном обществе. Особо на Соборе стоял вопрос о совершенствовании законодательства в области религии. Делом первостепенной важности назвал Алексей II для церковно-государственных взаимоотношений процесс совершенствования законодательства о свободе совести и религиозных организациях.[12] Вслед за словом Патриарха Собор

обратился с письмом к председателю и депутатам Государственной Думы Российской Федерации, в котором просил при подготовке новой редакции закона «О свободе вероисповеданий» учесть особое место Русской Православной Церкви в истории и в современной жизни России.

Важнейшим событием, завершившим этап становления вероисповедной политики в середине 90-х годов, стало принятие «Закона о свободе совести и религиозных объединениях» в 1997 году. Новый Закон закрепил принцип свободы совести, провозгласил Российскую Федерацию светским государством: «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».[13,с.4] Закон вызвал острую дискуссию среди религиоведов, юристов, общественности. Традиционными религиями были объявлены православие, ислам, буддизм и иудаизм. Для других религиозных организаций вводилась усложненная процедура регистрации: 15-й срок при получении постоянного статуса юридического лица, запрет иностранным организациям заниматься культовой и иной религиозной деятельностью (ст.9 и 27) [13,с.5,10] и т.д. Закон имел огромное значение, так как упорядочивал деятельность религиозных организаций в России, препятствуя появлению опасных для общества «тоталитарных сект». Был сделан первый шаг к становлению концепции, в которой приоритет в государственно-церковных отношениях отдавался традиционным религиям. В законе особая роль традиционных религий в культурно-историческом процессе была выражена в преамбуле, что вызвало большой диссонанс. Закон вызвал протест некоторых правозащитных организаций, которые апеллировали к нормам международного права, в то время как проблема защиты общества от деструктивных религиозных организаций уже давно решалась во многих европейских странах.

Так, например, во Франции после событий 1994-1995 гг., когда в 1994 году число самоубийств членов Ордена Храма Солнца составило 69 человек (в том числе три ребенка), а 17 декабря 1995 г. 16 человек этой организации были найденными мертвыми во французских Альпах (их тела были уложены в форме звезды), государство всерьез приступило к изменению религиозного законодательства. В 1995 году была сформирована парламентская комиссия по расследованию деятельности новых религиозных движений, в ноябре 1996 правительством Франции был создан межведомственный Наблюдательный совет по борьбе с «опасными»

новыми религиозными группами. 16 декабря 1999 г. французский Сенат одобрил проект Закона о внесении поправок в Закон от 10 января 1936 г., который обеспечивал возможность роспуска воинствующих антиправительственных организаций. Закон дает возможность роспуска и запрета религиозных групп.[14] Подобные тенденции имели место и в других странах: Германии, Австрии, Греции, Испании и др.

К 1997 г., после принятия нового Закона и ряда законодательных актов, обеспечивающих РПЦ возможность активной социальной деятельности, после широкомасштабных акций помощи Церкви, восстановления храмов, демонстраций тенденции на возрождение православия и значения Церкви (частая демонстрация первых государственных и церковных лиц на торжественных мероприятиях вместе) среди некоторых специалистов, которые экстраполировали свое мнение общественности через СМИ, стала обсуждаться опасность возрождения государственной религии. Подобные вопросы задавались и Патриарху. Так, в газете «Известия» от 5 августа 1997 года на вопрос: «Вы тоже выступаете за государственную религию, Ваше Сиятельство?» Патриарх ответил: «Ни в коем случае. Мы против того, чтобы в Российской Федерации была государственная Церковь. По моему глубокому убеждению, Церковь должна быть отделена от государства. В то же время мы не можем поставить знак равенства между русской православной Церковью, которой принадлежит 60% верующих в России и тем же, к примеру, «Аум Синрике».[15,с.2]

Итак, к 1997 году вероисповедная политика российского государства проходит первый этап своего становления. К этому времени определились основные принципы государственно-церковных отношений, которые нашли свое выражение в принятом законодательстве, позволяющем Церкви вести активную социальную деятельность. Разработка вероисповедного законодательства была неотделима от формирования Церковью своих позиций по многим вопросам современной жизни. Становление вероисповедного законодательства шло параллельно с формированием социальной концепции Церкви, и эти два важных для российского общества процесса, безусловно, влияли друг на друга.

Библиографический список:

1. См.: Государственно-церковные отношения в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. 1998. № 1-2. С.11.
2. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, «Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви» // Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии. 2000.С.3.
3. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября — 2 декабря 1994 года. Документы. Доклады. М., 1995. С. 31.
- 4.Обращение Патриарха к законодателям // Журнал Московской патриархии. 1995. №5. С. 23.
5. См. напр.: Щипков А. К вопросу об инстинкте управления религией // Религия и права человека: На пути к свободе совести. М., Наука: 1996. С. 38-49.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд-во Московской Патриархии. 2000.С.57.
7. Цит. по: Пригорин А. Патриарх и политики // Вестник Русского христианского движения. 1991. №162/163. С.315.
8. См.: Российская газета. 1995. 3 августа. С.4 -5.
9. См. подр.: Распоряжение Президента Российской Федерации «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями». 24 апреля 1995 г. №192- рп (СЗ РФ, 1995, № 18, ст. 1644).
- 10.См. подр.: Распоряжение Президента Российской Федерации «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации». 2 августа 1995 г. № 357-рп (СЗ РФ, 1995, № 32, ст. 3294). Распоряжение Президента Российской Федерации (Об утверждении состава Совета). 13 октября 1996 г. № 505-рп (СЗ РФ, 1996, №43, ст. 4909).
- 11.См. подр.: http://www.russian-orthodox-church.org.ru/sobor_09.
12. См.: Архив Московской Патриархии. Архиерейский Собор 1997 года. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. С.31.
13. См.: Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия и право. №1. (29). 2003. С.4.
14. См.: История религий в России. Под общ. ред. Н.А. Трофимчука. М., 2001. С. 529-532.

15. Патриарх Алексей II. Сближения с коммунистами нет и не будет. Интервью кор. газеты «Известия» Г. Алимова, Г. Гардеева. // Известия. 1997. 5августа. С.2.

СОДЕРЖАНИЕ:

И. Г. Аграфонов. История археологического изучения городов Ярославского края.....	3
М. В. Талашов. «Непонятное любование хазарской культурой»: к истории изучения славяно-хазарских отношений в 20-х – начале 60-х годов XX в.....	15
Е. Л. Сараева. Философско-исторические идеи А.И. Герцена.....	28
Е. Е. Белова. Организация общественного призрения престарелых, больных и инвалидов в Ярославской губернии в конце XIX - начале XX века.....	41
А. М. Новоторцева. Правительственные мероприятия по выбору системы промыслового налога в России в конце XIX – начале XX в	52
Г. В. Карандашев. Трезвенное движение в губерниях Центрально-промышленного района России в конце XIX – начале XX века	65
Л. М. Архипова. Роль земства в преобразовании мелкой крестьянской промышленности в начале XX века.....	73
Г.Н.Кочешков. «Политический» портрет провинциального рабочего в революции 1905-1907 гг.....	83
А. Е. Коняев. Социальная политика в дореволюционных тюрьмах Ярославской губернии как образец государственного лицемерия.....	90
Н. А. Миронова. «Неужели это – сброд безнадежных пошляков?» (Понятие «интеллигентская обывательщина» на страницах советских газет 1920-х гг.).....	102

М. В. Александрова. Изменение социально-пространственной структуры города в первые годы советской власти (на примере г. Ярославля).....	112
О. Е. Феофанов. Проблема накопления капитала (К вопросу об индустриализации в СССР).....	122
О. Н. Литвинова. К вопросу о роли советских и партийных органов в организации партизанского движения (на примере Брянского края).....	129
А. В. Еремин. Становление законодательства о религии и Русская Православная Церковь в первой половине 90-х годов XX века.....	139

Научное издание
Народ, политика, власть в истории России

Редактор Л. К. Шереметьева
Макетирование А. Л. Кричман

Фото на обложке – «Московский Кремль». – <http://images.yandex.ru/>

Подписано в печать

Издательство Ярославского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108

Отпечатано в типографии
ООО «Ремдер»
Г. Ярославль, пр-т Октября, 94, оф.37
Тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, 58-03-49